

# В инкубаторе...

*Воспоминания профессора  
Георгия Петровича Пинаева  
(1929–2013)*

## От редакторов

Автор этой книги, Георгий Петрович Пинаев, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки, был не только ученым с мировым именем и организатором науки, но и талантливым солистом балета и хореографом-постановщиком ряда одноактных балетов в Народном коллективе «Театр балета» ДК им. Горького в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Деятельность Г. П. Пинаева в качестве хореографа-постановщика многие годы продолжалась в созданном им самодеятельном «Театре цитобалета» в ленинградском (петербургском) Институте цитологии РАН, исполнителями которого были сотрудники института.

Не менее талантливыми оказались воспоминания Георгия Петровича, вошедшие в эту книгу. Это записи о довоенном детстве автора в большой коммунальной квартире в центре Ленинграда, и рассказ о жизни в интернате в Туркмении, куда они с сестрой были эвакуированы в первые дни войны и где они пробыли до Победы. Затем — возвращение в Ленинград, где Георгию пришлось жить одному, и нужно было оканчивать школу и обеспечивать свою жизнь, работая по вечерам осветителем в Кировском театре (Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова). После окончания школы он поступил в Институт физкультуры и спорта им. П. Ф. Лесгафта, увлекся научными исследованиями, которые и привели автора к поступлению на биологический факультет Ленинградского государственного университета. Затем — успешная исследовательская работа по изучению механизмов биологической подвижности, активное участие в создании и деятельности Биологической станции «Восток» и Лаборатории биофизики клетки (обе Институт биологии моря им. Жирмунского ДВО РАН, Владивосток), энергичное внедрение

метода клеточных культур как объекта исследований, приведшие к созданию Отдела клеточных культур в Институте цитологии РАН (Санкт-Петербург), включающего Коллекцию культур клеток позвоночных, и многочисленные исследования различных аспектов биологии клетки в культуре.

Параллельно продолжались занятия в Студии классического балета в ДК им. М. Горького, где Георгий Петрович был не только солистом, объездившим в составе коллектива артистов полмира, но и автором нескольких ярких балетных постановок. Со временем хореографические постановки переместились в Институт цитологии РАН. Размышлениям об этом направлении своей деятельности, которая продолжалась на расширяющемся фоне научной и научно-организационной работы, посвящены отдельные главы книги.

Воспоминания создают очень живую картину жизни Георгия Петровича и вокруг него, страницы этой книги содержат множество размышлений о времени, наблюдений и порой неожиданных деталей. Поэтому книгу после прочтения хочется не просто вернуть на полку, а время от времени перечитывать.

## Содержание

|                   |                      |     |
|-------------------|----------------------|-----|
| <i>Глава 1.</i>   | В инкубаторе .....   | 7   |
| <i>Глава 2.</i>   | Вдали от дома .....  | 37  |
| <i>Глава 3.</i>   | Вера .....           | 78  |
| <i>Глава 4.</i>   | В театре .....       | 101 |
| <i>Глава 5.</i>   | В спорте .....       | 114 |
| <i>Глава 6.</i>   | В балете .....       | 142 |
| <i>Глава 7.</i>   | В университете ..... | 184 |
| <i>Глава 8.</i>   | В аспирантуре .....  | 213 |
| <i>Глава 9.</i>   | В начале пути .....  | 233 |
| <i>Глава 10.</i>  | В экспедициях .....  | 246 |
| <i>Глава 11.</i>  | В постановках .....  | 248 |
| <i>Фотоальбом</i> | .....                | 274 |





*Воспоминания профессора  
Георгия Петровича Пинаева  
(1929–2013)*

## Глава 1

# В инкубаторе

---

**И**нкубатор — это наша большая комната, расположенная на втором этаже дома номер шесть на площади Коммунаров (теперь это Никольская площадь)<sup>1</sup>.

Я живу в этой комнате с тех пор, как я себя помню, с мамой и папой. А бабушка (Буся), мамина мама, живет здесь же, но в другой комнате, которая находится в этой же большущей квартире. Кроме того, тут же живут трое папиных братьев — Коля, Володя и Анатолий (Наточка), которых никогда нет дома.

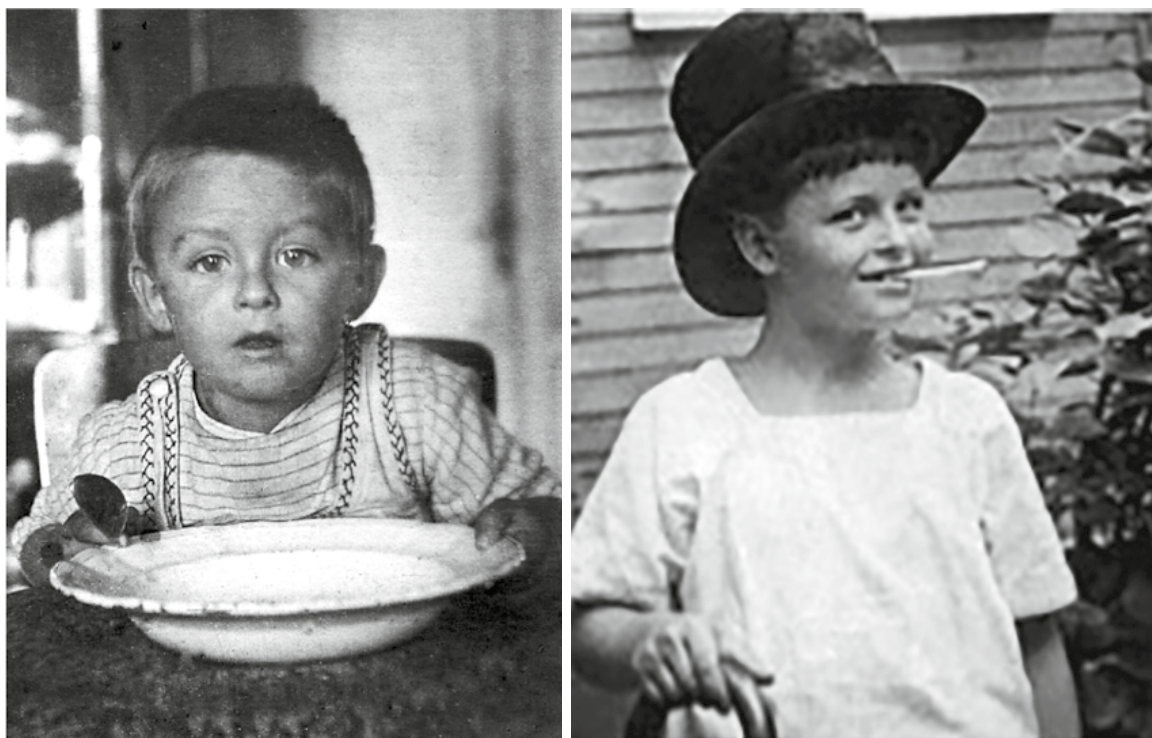
Когда вы входите в нашу огромную комнату размером в 35–40 метров, прямо перед вами два больших окна с видом на Никольский собор, а между ними — высокое, почти до потолка, старинное зеркало. Справа — по порядку: большой гардероб красного дерева, этажерка с мамиными нотами, письменный стол, опять этажерка с клавирами и, наконец, большой книжный шкаф, заполненный до предела книгами. По левой стене в углу у окна — кабинетный рояль фирмы «Шрёдер», под которым стоит древний сундук, затем бюро из карельской березы с многочисленными

---

<sup>1</sup> Никольская площадь — площадь в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга между проспектом Римского-Корсакова, набережной канала Грибоедова и набережной Крюкова канала. Площадь примыкает к историческому району города, известному как Коломна. В ее центре расположен Николо-Богоявленский морской собор, архитектор — С. И. Чевакинский.

ящичками и потайными хранилищами и двуспальная кровать с никелированными спинками и большим числом шариков, которые легко можно отвинчивать и употреблять в качестве свистков. В углу — большая изразцовая печь, к которой очень приятно прижиматься и греться, когда в комнате холодно. А прямо напротив окон, слева от двери, располагается большое вольтеровское кресло, а за ним, почти упираясь в печь, — моя, но совсем не такая роскошная кровать. Посередине комнаты стоит большой раскрытый ломберный стол с зеленым сукном, на котором лежат мои игрушки, книжки и все остальное, что составляет мои владения. Сразу у двери, справа перед гардеробом, — маленький, но очень важный уголок, в котором висят полотенца. А важный он потому, что в этом углу я оказываюсь каждый раз в качестве наказания за мои провинности. Да, я еще совсем забыл. У окна, возле книжного шкафа, стоит моя любимая лошадка на качалке. Она совсем как настоящая. У нее мягкая серая шерстка, длинные хвост и грива, которые я люблю расчесывать, и добрые-добрые глаза. Она всегда со мной и принимает участие почти во всех моих играх. Вот так выглядит мой инкубатор. А почему инкубатор? Потому что почти каждый день, в течение нескольких лет, я замкнут в этом пространстве и предоставлен сам себе.

По-видимому, я был большой озорник, и как только дверь случайно оказывалась открытой, я выскальзывал из комнаты и отправлялся в путешествие по нашей огромной квартире. Сразу налево был маленький коридорчик, который вел в комнаты нашей ближайшей соседки, которая была певицей и отчасти танцовщицей. Я часто прокрадывался в этот коридорчик и слушал, как она разучивает испанские песни и романсы, которые она любила больше всего. Помимо пения она выступала также с большими куклами, одетыми в испанские наряды. Как это все совмещалось на этих выступлениях, и какой в этом был смысл, я, конечно, не понимал, да и не задумывался. Мне просто очень нравились эти красивые и выразительные песни и drobный стук каблучков, сопровождавший музыку. Иногда меня заставляла за этим занятием ее сестра, очень строгая женщина, которая была учителем



*Жора Пинаев «в инкубаторе»*

математики и, взяв меня за руку, молча доставляла меня к моему инкубатору. Дальше располагался большой темный зал, отгороженный от длинного коридора большим бархатным занавесом. Туда можно было проникать, проползая под занавес, и любоваться на удивительно красивую старинную мебель, картины, большие фарфоровые вазы, статуэтки и другие чудеса, которых у нас не было. Там же можно было очень хорошо прятаться, когда меня искала повсюду бабушка, которая ходила по квартире и громким заунывным голосом повторяла: «Где ты? Немедленно вылезай или будешь стоять в углу!». Эти возгласы забавляли других жильцов, и когда они невзначай встречали меня в каком-нибудь укромном и неположенном месте, то грозили мне пальцем и с улыбкой шепотом повторяли те же самые слова. Эта квартира, по-видимому, принадлежала семье нашей соседки до тех пор, пока в нее не вселили других жильцов, и она стала коммунальной. За залом следовала небольшая вытянутая комната, в которой жили мои дяди.

На этом парадная часть квартиры заканчивалась, а дальше шли комнаты, которые раньше, вероятно, предназначались для

прислуги. Сначала это была проходная комната с окном во двор, а напротив него была очень темная комната моей бабушки. Ее окна выходили на задний двор, где располагались конюшни, и откуда можно было наблюдать, как запрягают лошадей, как их моют, а также много других интересных подробностей их жизни. В комнате стоял большой обеденный стол, за которым мы ели, буфет с красивой старинной посудой, книжный шкаф с любимыми бусиными книгами, ее кровать, письменный стол и этажерка, на которой стоял один из первых детекторных радиоприемников. Прямо напротив ее двери в окно можно было видеть сплошные поленницы колотых дров. Каждая квартира имела свою поленницу, и у всех, как я помню, ранней осенью была очень важная задача — купить, напилить, наколоть и сложить во дворе дрова на зиму. Поэтому в это время за столом шли бесконечные речи о кубометрах, и где их взять.

На стене около бусиной комнаты, висел телефон. О! Это был необычный телефон, не такой как сейчас. Во-первых, он был большой и деревянный. Во-вторых, у него на правом боку была ручка, которую перед тем как звонить, надо было быстро-быстро покрутить. Затем с вилки, которая торчала с другой стороны, снимали трубку и нажимали одну из двух кнопок — «А» или «Б», расположенных на маленьком деревянном пюпитре, и громко говорили: «Девушка, дайте мне, пожалуйста, такой-то номер». Слушали через трубку, а говорили в небольшой рупор, который был расположен прямо перед носом говорящего человека. Мне очень нравилось это устройство, оно было красивое и загадочное. Я никак не мог понять, как это голос пробивается по проводам, да еще так быстро. Это место привлекало меня еще и по другой причине. Под телефоном почему-то была разрушена стенка, а мне доставляло удовольствие выковыривать из нее известку и есть ее. Меня прогоняли, опять запирали в инкубаторе, а меня опять как магнитом тянуло к этой стенке и к этой штукатурке.

Из этой же проходной комнаты дверь вела направо, в небольшую комнату, в которой жила девочка Рая с мамой. Она была немного моложе меня, и когда мне удавалось улизнуть

из инкубатора, мы играли вместе. Далее следовал темный коридор, в котором тоже была дверь в большую комнату. В ней жила Мария Григорьевна со своим сыном Виктором. Он был значительно старше меня и увлекался самолетами. Я с большим почтением наблюдал, как он собирает из отдельных частей разные самолеты, попутно объясняя мне, что такое подъемная сила, для чего нужны элероны, как работает пропеллер и многое другое. Я удивлялся, откуда он все это знает. На это он отвечал многозначительно: «Читать больше надо!». И с этим я был совершенно согласен, потому что чтение было главным моим занятием в инкубаторе.

Чтение заполняло всю мою жизнь и делало ее богатой и безграничной. Я мог побывать в дебрях Амазонки, совершить путешествие по прериям южной Америки, задышаться под палящим солнцем Сахары, опускаться на дно океана вместе с капитаном Немо или лететь над всей землей на воздушном шаре. Более того, Жюль Верн, Фенимор Купер, Майн Рид, Марк Твен милостиво позволяли мне продолжать их удивительные истории и разыгрывать их, будучи одновременно и зрителем, и исполнителем. Весь мамин гардероб использовался для декораций и для превращения меня в рыцаря или в индейца. Потом мне, правда, сильно попадало, и я опять и опять стоял в углу, но это не могло погасить незабываемых воспоминаний о том, как я с лассо в руках несся по прерии на диком мустанге, роль которого выполняла моя послушная лошадка. Я научился читать очень рано, в пять лет, и очень быстро преодолел горы детской литературы. Маршак, Чуковский, журналы «Еж»<sup>2</sup> и «Чиж»<sup>3</sup> были моими верными друзьями, но они не приводили к таким захватывающим и осязаемым ощущениям приключений.

---

<sup>2</sup> «ЕЖ» (Ежемесячный Журнал) — регулярный журнал для школьников пионерского возраста, выпускавшийся в СССР детским отделом Ленинградского детского издательства с 1928 по 1935 гг.

<sup>3</sup> «ЧИЖ» («Чрезвычайно интересный журнал») — ежемесячный журнал для самой младшей возрастной группы читателей, выпускавшийся в Ленинграде с 1930 по 1941 гг.

За шкафом я обнаружил огромную карту двух полушарий, на которой можно было видеть не только весь наш мир, но и все морские пути, по которым плыли корабли. Не знаю почему, но на них было обозначено, что на них везли. Это было очень интересно, и у меня появилась новая игра. Я отламывал зубчики от расчески — это были мои корабли, на которых я начинал свои кругосветные путешествия. Я познакомился с проливом Магеллана и мысом Горна задолго до того, как узнал о них из географии. Но теперь, когда я встречал эти и другие бесчисленные названия в книгах, я уже знал, что это такое и великолепно представлял, где находятся мои герои. Теперь уже мое чтение всегда сопровождалось изучением карты. Как выяснилось позже, я без всяких специальных намерений прилично изучил физическую географию. Более того, эта карта навсегда запечатлелась в моей голове.

Я не закончил описание нашей квартиры. За комнатой любителя самолетов коридор упирался в туалет, а слева от него была большая ванная комната с колонкой для нагревания воды. Затем коридор переходил в огромную кухню, в которой весь день жужжали примуса и мягко подмигивали керосинки. Было очень интересно смотреть на процесс зажигания примуса. Во-первых, в него заливали керосин. Во-вторых, на специальное блюдечко вокруг горелки клали какие-то белые кусочки, которые потом поджигали. Но до этого примус накачивали воздухом, как велосипедную шину, и прочищали тонкой иглой дырочку в горелке, через которую выходили пары керосина. Я часто приходил на кухню понаблюдать за увлекательным процессом готовки. Тут же на кухне была дверь в маленькую каморку, в которой жили две сестры. Я их очень жалел, потому что им было, наверное, очень трудно жить рядом с всегда жужжащими примусами. Другая дверь вела на черный ход, через который дрова попадали со двора в квартиру. Тут-то меня настигала Буся и водворяла меня опять в мой инкубатор.

Я подхожу к окну и наблюдаю за теми изменениями во внешнем мире, которые происходят на моих глазах. Машины в то время были редким явлением и в основном грузовые. Главным же способом перевозки грузов были телеги, которые тянули

ломовые лошади. Вся Никольская площадь была вымощена булыжником. Поэтому с утра до полной ночи с улицы доносился ужасный грохот колес от проносившихся телег. Потом булыжник убрали и заменили шестиугольными деревянными шашечками, и стала у нас теперь деревянная мостовая. Теперь уже грохочущие телеги, выезжая из соседних улиц и попадая на площадь, только тихо шуршали и не вторгались в нашу жизнь.

После знакомства с детской литературой я принялся за взрослую. У меня не было руководителя, а только открытый и наполненный книгами шкаф. Перед глазами возникали неизвестные пока слова: Лев Толстой, Гоголь, Стендаль, Мопассан, Куприн. Я начал читать, ориентируясь только на некоторые выдержки, которые по какой-то причине вызывали мой интерес. Эта литература была гораздо интереснее и полностью захватывала меня, хотя я и не все понимал. Самыми интересными оказались человеческие чувства, о которых не было ни слова в детской литературе. Чтение так захватывало меня, что я не мог оторваться от книг. Когда приходило время спать, меня укладывали в постель и выключали свет. После того как взрослые уходили, я снова включал свет и продолжал чтение. Мои уловки были раскрыты, и теперь свет не только выключали, но и выкручивали лампочку. Это не останавливало меня, и я вместе с книгой подходил к окну и при свете уличного фонаря продолжал чтение.

О, если бы мои родители знали, как далеко я погрузился в человеческие отношения и их понимание. В голове Достоевский причудливым образом сплетался с Мопассаном и Толстым. Отношения между мужчиной и женщиной, почти всюду недоговоренные и загадочные, подразумевали какие-то высшие степени ощущений или, как там было написано, «неземные наслаждения». Но это все были поездки в неведомые миры, с которыми мне еще предстояло познакомиться в будущем.

А сейчас моими любимыми книгами были повести о всяких приключениях. Юрий Милославский и Князь Серебряный были близкими и понятными мне людьми. Никакой определенной последовательности в выборе авторов у меня не было, и поэтому



Одиссей хитроумный легко сочетался с Витязем в тигровой шкуре. Тут же были Айвенго и Жанна Д'Арк, Наполеон Бонапарт и Миледи. Я очень не любил картинки в книгах, они мне мешали. Обычно они не совпадали с моими представлениями о героях или событиях. Ведь самым интересным было нарисовать их в голове. Тогда они становились твоими близкими и понятными. С ними можно было продолжить приключения или изменить их так, как это возникало в моих фантазиях. Рядом на этажерке лежала кipa старых журналов под названием «Нива». Когда я уставал читать книги, я погружался в журналы и обнаружил для себя, что многие рассказы сначала попадали в них, а потом уже в книги.

Тогда я решил, что это очень интересно — издавать журналы и решил этим заняться. Сначала все шло очень хорошо. Я придумал название, даже нарисовал на обложке картинку, но когда дело дошло до содержания, то тут я попал в тупик. Откуда же его взять? Недолго думая, я переписал в него стихотворение, которое мне очень нравилось.

Трусоват был Ваня бедный.  
Раз он позднею порой,  
Весь в поту от страха бледный,  
Чрез кладбище шел домой ...<sup>4</sup>

Но этого для журнала было мало. Откуда же взять остальное? Я, конечно, мог переписать еще что-нибудь из других книг, но вовремя задумался. Ведь в настоящих журналах никто не переписывал из книг. Откуда же они это берут? Наверное, придумывают или описывают то, что видели сами. Но я ничего интересного не видел и придумать ничего хорошего не мог. Пришлось издательскую деятельность прекратить, но вопрос остался, и остался на всю дальнейшую жизнь. Откуда это берется? Как это появляются в голове сказки и всякие занятные истории? И как это все можно выдумать?

Среди книг мне попались старые учебники, и меня заинтересовал один из них, на котором было написано «Алгебра». Какое интересное, почти магическое слово! От взрослых я узнал что

---

<sup>4</sup> А. С. Пушкин, Песни западных славян — Вурдалак, 1835.

алгебра — это высшая математика. Ну-ка, попробую я в ней разобраться. Я начал читать, и сначала мне все показалось понятным, но до первого уравнения:  $a + b = c$ . Я понимал, что «а» и «в» — это цифры, но никак не мог понять, как из этих двух букв появляется третья. Я приставал ко всем с одним и тем же вопросом: «А что, всегда, когда сложишь «а» и «в», получается «с»? Все объяснения мне не помогли, и на этом высшая математика для меня закончилась, а я вернулся к освоению мировой литературы.

Иногда мое одиночество нарушал дядя Коля, который приходил возбужденный и говорил: «Послушай! Разве это не великолепно?!» И встав в величественную позу, начинал петь арию Кончака из оперы «Князь Игорь»:

«Хочешь ты пленницу с моря дальнего?

Чагу, невольницу из-за Каспия?

Косы, как змеи, по плечам спускаются...

Очи черные влагой подернуты...

Если хочешь, скажи только слово мне, я тебе подарю»<sup>5</sup>.

Это было действительно великолепно, и я выражал мой искренний и бурный восторг. Дядя Коля работал в Мариинском театре<sup>6</sup>, но даже не в хоре, а в мимансе. У него был чудесный бас, и он мечтал, что наконец соберется с силами и попросит главного режиссера его прослушать. И может быть, свершится

---

<sup>5</sup> Фрагмент арии Кончака из оперы Князь Игорь, либретто написано в период 1869–1887 гг. А. П. Бородиным и В. В. Стасовым.

«Хочешь ли пленницу с моря дальнего,

Чагу-невольницу из-за Каспия?

Если хочешь, скажи только слово мне,

Я тебе подарю.

У меня есть красавицы чудные:

Косы, как змеи, на плечи спускаются,

Очи чёрные, влагой подёрнуты,

Нежно и страстно глядят из-под тёмных бровей...

Что ж молчишь ты?

Если хочешь, любую из них выбирай!»

<sup>6</sup> В период 1935–1992 гг. — Ленинградский ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова, сокращённо — Кировский театр.

такое, что он действительно выйдет на сцену и исполнит роль Кончака. Только много лет спустя, когда я работал в этом же театре и многократно слушал «Князя Игоря», я понял, что он действительно был бы достойным Кончаком. Но, увы, его мечтам не суждено было осуществиться — он погиб под Ленинградом, защищая его во время блокады.

Надо сказать, что музыкальным образованием я обделен не был. Когда я заболел, моя бабушка сидела рядом с моей кроватью и убаюкивала меня, но не колыбельными песенками, а ариями из опер. Она была преданной поклонницей знаменитого тенора Собинова, и в результате я изучил весь его репертуар. Чаще всего она пела арию Ленского из оперы «Евгений Онегин»: «Куда, куда, куда вы удалились, моей весны златые дни? Что день грядущий мне готовит? ...». И так далее.

Папа был певец и после окончания консерватории работал в Ленинградской областной оперетте под руководством Феона<sup>7</sup>. Когда ему поручали новую роль, он пропевал свои новые арии, опираясь спиной на нашу изразцовую печь и обращаясь ко мне как к единственному слушателю. Из всех арий мне почему-то запомнилась выходная ария Мистера Икс. В ней была печаль, благородство и чувство собственного достоинства. Он мне почему-то напоминал рыцаря круглого стола.

К сожалению, я нечасто видел папу, потому что он все время уезжал на гастроли. Но летом, когда театр давал представления в Таврическом саду, он брал меня с собой, и я проводил все дни в этом чудесном месте. Естественно, я знал весь репертуар и много раз слушал Сильву», «Марицу», «Поэта и барабанщика», «Принцессу цирка», «Вольный ветер» и многое другое. Во время длительных репетиций я гулял по саду, навещал библиотеку и читал разнообразные журналы. А в перерыве мы с папой отправлялись к маленьким киоскам, в которых продавали очень вкусные

<sup>7</sup> Алексей Николаевич Феона (1879–1949) — выдающийся деятель отечественного искусства, артист и режиссер оперетты, заслуженный деятель искусств РСФСР.

сосиски и всякие напитки. Я, конечно, излазил все кулисы и познакомился с тем, что происходит во время представления и остается невидимым для зрителя. Я перепробовал всякие костюмы и понял, как могут быстро преображаться актеры, делаясь совершенно неузнаваемыми. Это мне понадобилось и для моих собственных постановок, которыми я занимался в моем инкубаторе. Не знаю, откуда я это взял, но я сочинил танец Шамиля и под мамин аккомпанемент представлял его родным и их друзьям, которые иногда у нас собирались, и почему-то в конце закалывался кинжалом.

Время от времени к нам приходили мамины знакомые — музыканты, и по вечерам устраивались целые концерты. Это были квартеты, квинтеты. Папа пел один или дуэтом. Как правило, они засиживались поздно, и меня укладывали спать тут же в комнате и отгораживали ширмой. Предполагалось, что я спокойно сплю, но я, конечно, не спал, а наслаждался замечательной музыкой. Потом мои глаза действительно смыкались, и я погружался в сон на крыльях стремительных мелодий.

Мама окончила консерваторию по классу фортепьяно и, конечно, стремилась приобщить к музыке и меня тоже. Когда у нее было свободное время, она усаживала меня за рояль, и начинались бесконечные гаммы, арпеджио, аккорды. Потом мы перешли к этюдам Майкапара, затем были прелюдии Шопена и даже некоторые легкие произведения Листа. Все это началось лет в шесть и продолжалось до двенадцати, до момента начала войны. Закончил я свое музыкальное образование на «Лунной сонате» Бетховена. Я не могу сказать, что я был увлечен этими занятиями. Скорее, это была моя повинность за возможность побыть с мамой, но я и тут нашел для себя свой собственный интерес. Когда я оставался один, то открывал крышку рояля и пытался сочинять свои собственные мелодии. Я не знаю, откуда появлялись в голове те звуки, которые потом связывались вместе, и рождалась мелодия. Может быть, я и смог бы когда-нибудь что-нибудь сочинить, но мои попытки были прерваны войной и практически навсегда.

Мама, как я помню из разговоров, работала концертмейстером на радио и кроме того играла в какой-то самодеятельности. Видя

мои танцевальные эксперименты, она однажды взяла меня с собой в эту самодеятельность, которая, как оказалось, была расположена во Дворце культуры имени Горького. Это я понял значительно позже, а тогда мы приехали в какое-то большое здание, в котором на самом последнем этаже на маленькой сцене ребята учили какой-то танец, а мама им играла на рояле. Меня поставили в самый хвост большой змейки и велели учить движения. Танец был не очень трудный, и я довольно быстро с ним справился. Это был матросский танец и назывался он непонятным словом «Матлот». Потом, после нескольких репетиций, нас одели в морские костюмы, и мы выступали перед публикой. Мне все это очень понравилось, но продолжения почему-то не последовало. Это состоялось только однажды.

Мама очень много работала, и виделись мы с ней довольно редко. Она совсем со мной не играла и, по-видимому, ее это огорчало. Я помню только один-единственный раз, когда она задумчиво на меня посмотрела и вдруг сказала: «Давай поиграем в Тома Сойера!». Я даже запрыгал от такой замечательной идеи. Она достала длинную веревку, погасила свет, и мы с ней стали выбираться из пещеры, как это делали Том и Бекки. Мы держались за веревку и по ней находили дорогу к выходу из пещеры. Мы пролезали под роялем, под столом и даже проползли под кроватью. Все это выглядело так, как будто мы действительно пробирались под землей. Моей радости не было предела, но, к сожалению, это был только один единственный раз, когда у нее нашлось время для игры со мной.

Иногда мама или Буся выводили меня на прогулку в садик у Никольского собора, и первое, что я делал, — я пускался во всю прыть бежать и не останавливался, пока не пробегал несколько кругов по всему садику. Так выходила энергия, накопленная во время затворничества в инкубаторе. Я не помню, чтобы у меня были постоянные товарищи. Я не сторонился других ребят и с удовольствием принимал участие в казаках-разбойниках, в третьем лишнем, прятках, пятнашках, но это были случайные встречи, неизбежно заканчивавшиеся моим одиночеством в инкубаторе.

Наши окна выходили прямо на Никольский собор, и из них можно было наблюдать, как люди на Пасху собирались к нему

с куличами и пасхами в руках, как шел крестный ход вокруг собора в красивых одеждах, с большим крестом и хоругвями в руках. А если открыть форточку, то до нас доносились торжественные звуки заутрени. А затем наступало самое красивое и волнующее зрелище, когда весь народ после службы с освященными куличами и с зажженными свечами выливался широкой лентой из храма и расходился по домам. В темноте это напоминало излияние мерцающей величавой реки, которая затем расщеплялась на речки, ручейки и маленькие роднички. Эти мерцающие огоньки, прикрываемые ладонями, потому что их нужно было обязательно донести до дома, напоминали мне почему-то сияющие сердца, которые люди осторожно и бережно несли перед собой в сомкнутых ладонях.

Надо сказать, что мой дед, папин отец, был священником, и поэтому папа и все его многочисленные братья, а их было семь, с раннего детства пели на клиросе и знали наизусть все службы. Иногда на праздники собирались все вместе в нашей квартире, и они начинали волшебные песнопения, от которых все внутри начинало трепетать. Они пели на разные голоса, а голоса у них были чудесные. Это было совсем не похоже на то, что играла мама, и на то, что пел папа в театре. Наверное, был какой-то важный смысл в тех словах, которые они произносили, но они были мне непонятны, и не они были для меня важны. Меня завораживала торжественность и сила самих мелодий и чувство, с каким сливались, расходились и сплетались их голоса. К сожалению, это случалось не часто, только по праздникам, и ушло навсегда с началом войны. Потом я слышал подобное только в церкви, но там для меня это выглядело и звучало как концерт. А здесь это были звуки души, которую полностью и самозабвенно вкладывали исполнители. Под эти звуки передо мной возникал образ деда — мудрого, справедливого и бесконечно доброго человека. Наверное, поэтому и выбрали его односельчане быть духовным отцом над ними. Он не имел никакого церковного образования, он был такой же, как они. Так было заведено у старообрядцев, у раскольников, которых сюда, на Волгу, сослал царь Петр после

стрелецкого бунта и прихода патриарха Никона. У старообрядцев были очень строгие правила поведения как между собой, так и по отношению к себе самому — никаких излишеств, никакого пьянства. Конечно, были праздники, и очень веселые, в которых я сам принимал участие, но без какого-либо разгула. Видимо поэтому и дети у них были здоровые, рослые, статные и удивительно душевные. Ни о каких болезнях и слуху не было.

Жили они прямо на берегу Волги — в деревне Исады под Нижним Новгородом, недалеко от города Павлово. Деревня стояла на высоком-высоком берегу, и если, выйдя из дому и перейдя дорогу, сбегать вниз по крутой тропинке, оказываешься прямо у воды. Я очень любил сидеть на берегу и наблюдать за оживленной жизнью реки. Вот величаво проплывает белый пароход со многими палубами, музыкой и толпой любопытных пассажиров. Навстречу ему, пыхтя и надрываясь, маленький буксир тянет против течения нагруженные баржи. Вот так же раньше тянули большие баржи бурлаки. Глядя, как он надывается, споря с сильным течением, понимаешь, как тяжело было людям выполнять такую работу. Река очень широкая, и дома на противоположном берегу еле видны. Вот из-за острова выплывают рыбачьи лодки, которые тянут сети. Они ловят стерлядь, а потом к вечеру прямо на берегу рыбаки разводят костер и варят знаменитую стерляжью уху и приглашают меня попробовать. Это очень вкусно! Такой ухи уж никогда больше в жизни мне не приходилось есть, только там, в Исадах, куда мы приезжали всего лишь два или три раза.

Здесь я и познакомился впервые с настоящей русской печью, о которой пишут в сказках, и на которой разъезжал Иванушка по щучьему веленью. Она занимала чуть ли не половину большой комнаты на первом этаже дедушкиного дома. Посередине была большая-большая топка, в которую можно было залезть полностью с ногами, что я и проделывал, когда никого не было в доме. А справа наверху была лежанка, на которой могли устроиться сразу четыре человека. Там было тепло и уютно. Я любил, лежа на ней, наблюдать, как бабушка Енафа орудовала длинным ухватом, перемещая горшки и котелки с пищей. Напротив стоял

длинный дощатый стол, за которым обедали, и две длиннющие лавки. Еще бы, семья-то была большая. Одних сыновей у бабушки было семь. Над столом на стене были иконы, и каждая трапеза начиналась с короткой молитвы. Это было обязательно, а поскольку я молитв не знал, бабушка терпеливо взялась за мое религиозное образование. Большинство того, чему она меня учила, довольно быстро забылось после ее смерти, но вот «Отче наш» запомнилась на всю жизнь. И что тут лукавить, неоднократно в дальнейшей жизни в минуты тяжелых испытаний или тогда, когда тебе кажется, что ты стоишь у последнего порога, я вспоминал ее и бабушку Енафу. Ее спокойная и неторопливая мудрость, терпеливость, безбрежная доброта и вера в человека стали для меня значительно позже образцом отношения к окружающей жизни.

Что меня поражало даже в мои маленькие годы — это то, что дед и бабушка никогда не ругали своих сыновей, а пытались объяснить им неправильность совершенных поступков, а меня дома сразу ставили в угол, не спросив даже, почему я так поступил. Самым сильным оружием деда были уничтожающая ирония и юмор, после которых человек оказывался полностью раздетым перед самим собой. Бабушка только однажды, насколько я помню, приезжала в Ленинград — после того как умер дед от жестокой дизентерии. Ей было сложно и неуютно жить в таком большом и безразличном городе и вдали от родной могилки. Поэтому она быстро уехала и вскоре последовала за горячо любимым человеком.

Иногда мой инкубатор навещал другой мой дед — папа моей мамы. Это бывало очень редко, и как я понял позже, приходил он специально посмотреть на меня. Дело в том, что они с бабушкой давным-давно разошлись, но тем не менее, ему было интересно, как идут мои дела с освоением школьных наук. Как правило, он важно входил в комнату в сопровождении Буси, усаживался в вольтеровское кресло и начинал меня экзаменовывать. Это было очень забавно, потому что благодаря бесконечному чтению я знал гораздо больше, чем с нас спрашивали в начальной школе. Единственное, что мне никак не удавалось — это красиво писать, и поэтому по чистописанию у меня было неизменное



«посредственно». Он задавал мне вопросы и искренне удивлялся моим познаниям. Он выглядел при этом так забавно и становился поэтому таким близким, что мне хотелось сказать ему что-нибудь приятное. И вот, недолго думая, я вдруг произношу: «Дедушка, ну какая ты собака!». Дело в том, что я очень любил собак и все умолял родителей подарить мне хотя бы самую маленькую собачку. Дед сперва окаменел, потом вскочил как ужаленный и набросился на Бусю, укоряя ее в плохом моем воспитании. Потом круто повернулся и не попрощавшись вышел из комнаты. А я так и не понял, что произошло, и никак не мог объяснить своим родителям, что я хотел выразить только самое хорошее к нему отношение. На этот раз стоянием в углу не обошлось, и первый раз в жизни я отведал ремня. Это было не так больно, как обидно.

После этих событий состоялось бурное обсуждение между мамой и Бусей. Как всегда оно происходило на немецком языке, чтобы я не понял, о чем они говорят. У нас, как в каждой семье, всегда находились проблемы, о которых нежелательно, чтобы знали дети. Поэтому в этих случаях они переходили на немецкий язык. Сначала их цель достигалась, а я был избавлен от лишних размышлений. Со временем, однако, я постепенно начал понимать, о чем они разговаривают. Будучи любознательным и сообразительным, я путем простодушного опроса выяснил значения многих слов и теперь мог, по крайней мере, знать, угрожает ли мне что-нибудь неприятное. В большинстве случаев это были претензии тещи к зятю, но это совсем меня не интересовало, и я, делая вид, что ничего не понимаю, спокойно занимался своими делами. Очень часто речь шла о деньгах, которых, по мнению Буси, они очень мало получали. Действительно, довольно часто, особенно когда папа уезжал на длительные гастроли, у нас, вернее у меня, на завтрак было только молоко и кусок хлеба. Меня это не волновало, но Бусю очень.

Меня очень интересовало, откуда они так хорошо знают немецкий язык, которым они владели свободно. Мне объяснили, что языку учат в специальных школах, но мне как-то не верилось, что после школы можно так замечательно разговаривать, как на своем родном языке.

Одним из моих частых развлечений с Бусей было рассматривание старых фотографий в толстенных альбомах. Из них, в конце концов, я узнал многое о моих далеких и близких предках. Во-первых, оказалось, что у Буси было целых три мужа. Первый, в черном фраке и белой рубашке с бабочкой, был политкаторжанин. Что это такое, мне было непонятно, но после неоднократных объяснений я наконец уяснил, что это человек, которого за неправильные мысли отправили на каторгу. Из Льва Толстого я уже знал, что каторга — это что-то вроде тюрьмы где-то далеко, на востоке в Сибири. Меня гораздо больше занимало, что такое правильные мысли, и неужели за неправильные сажают в тюрьму. Значит, если я неправильно выучу урок, мне тоже могут назначить такое наказание? Когда я подумал об этом, у меня даже мурашки побежали по спине. Другой муж был как раз мой дедушка, который на меня обиделся. Он, по словам Буси, был присяжный поверенный. Что это такое, я так и не смог понять, несмотря на все объяснения, но звучало это для меня как-то чуждо и неприятно. Последний — был художник, который носил удивительную фамилию Кюнке. Его я никогда не видел, но он был жив и находился, как я понял, где-то в Эстонии. Я видел только единственную его фотографию с мольбертом.

На одной из фотографий я увидел очень симпатичную седую женщину, облокотившуюся на стол и задумчиво улыбающуюся. Оказалось, что это была бусина мама и мамина бабушка. Звали ее Эмилия Германовна, и когда я поинтересовался, почему у нее такие странные имя и отчество, мне объяснили, что она была немка. Точнее это выглядело так — «из прибалтийских немцев». Оказалось, что немцы бывают разные. Вот теперь-то я все понял, откуда Буся и мама взяли немецкий язык. Оказывается, они с детства объяснялись сразу на двух языках.

На нескольких фотографиях был изображен очень важный господин с бакенбардами либо в форме с эполетами, либо в парадном сюртуке. Кто это такой? И тут, к моему удивлению, Буся поднимается, на цыпочках подходит к двери, выглядывает из нее и потом возвращается ко мне и спрашивает: «Ты умеешь держать язык за зубами? Я скажу тебе, но только с одним условием, что

ты никогда и никому об этом не скажешь. Даже мама не должна знать, что я тебе это сказала. Ты ведь слышишь, что сейчас происходит вокруг?». Я не очень хорошо знал, что происходит на самом деле, и понял это только после войны. Но я знал, что арестовали нашего знакомого и очень приятного человека по фамилии Белдовский, потому что он был поляк. Также исчезла и вся его семья и больше никогда не появлялась. Это был 1937 год, и из нашего окна по ночам можно было видеть темные закрытые машины, которые подъезжали к домам, из которых выводили каких-то людей и увозили. Взрослые называли эти машины «черными воронами». Я, конечно, не понимал ничего, но чувствовал то напряжение и смятение, которое происходило в это время в моем окружении. Поэтому я ответил Бусе, что, конечно, я никому ничего не скажу, даже если меня поймают индейцы. И я поклялся. Тогда она наклонилась ко мне и шепотом сказала:

— Это мой отец и твой прадед.

— Ну и что, а почему так таинственно? — спросил я.

— Потому что он был генерал-губернатор Астрахани. Кроме того, его фамилия Головин, и я тоже урожденная Головина.

То, что моя мама родилась на Волге в Астрахани, я уже знал, но мне было непонятно, почему Головин — это плохо. Тогда Буся мне объяснила, что Головины — это древний род, и что один из наших предков был учителем Петра Первого и что звали его Федор Головин. Но обо всем этом сейчас нужно молчать, если я не хочу, чтобы моих родителей отправили туда же, куда исчез Белдовский. Это я зарубил себе на носу и молчал всю жизнь до настоящего времени, хотя никогда не понимал, что в этом было плохого для окружающего нас мира. «А вообще-то запомни, важно не то, кем были твои предки, а важно, кто ты сам и что ты можешь», — сказала она. Позднее я понял всю мудрость и справедливость ее слов, когда в силу обстоятельств остался один-одинешенек в этом мире.

Из этих же альбомов я узнал, что у Буси есть сестра, которую зовут Нина, и у которой есть трое взрослых детей, таких как моя мама — двое мальчиков и одна девочка. Правда, сейчас они уже

не такие маленькие, как на фотографиях, а совсем большие — мои дяди и тетя. Один из них сочинял музыку и потому назывался композитором, как, например, Шопен или Лист. Другой был актер, как мой папа, но только не пел, а говорил в драматических спектаклях. А вот тетя изучала восточные языки. Это те языки, на которых разговаривают японцы, китайцы и индусы. И что вызвало мой восторг и глубокое уважение, — это то, что, по словам Буси, тетя Вера умела писать эти непонятные и удивительно сложные закорючки, которые называются иероглифами. Мы почему-то совсем с ними не виделись. Может быть, меня оставляли дома, чтобы не мешал. Я помню только один-единственный раз, когда мы пришли к ним, и я увидел улыбчивую и радушную тетю — ту, которая умела рисовать иероглифы. А еще там был человек с озорными глазами, из которых так и сыпались искры смеха, который почему-то возил по квартире на большом кресле женщину. Потом мне объяснили, что это была его жена, и она была парализована. Хотя они жили совсем недалеко от нас на улице Плеханова, больше меня к ним не водили.

Время от времени в мой инкубатор заходил еще один папин брат — дядя Гриша. Он жил совсем в другом месте и изредка навещал братьев. Он был гидролог и, как я понял, изучал воду — откуда она берется, куда течет, как образуются ручейки и реки, какая вода хорошая, а какая плохая. Будучи человеком дела, он, вместо того чтобы болтать о том о сем, спросил меня: «Ты знаешь, что такое — шахматы?». Я отвечал, что в книжках встречал эту игру, и почему-то в нее играли в далекой древности в Азии. «Ничего подобного. В нее играют и сейчас. И более того, самые талантливые и сильные шахматисты живут в нашей стране». Он назвал несколько фамилий, из которых я запомнил только одну — Алехин. «Знаешь, давай-ка я научу тебя играть в эту игру, она научит тебя думать». Я с удовольствием согласился, и с этого времени каждый раз, когда Гриша появлялся у нас, мы садились играть в шахматы и проводили за ними по несколько часов. Я узнал много новых слов: дебют, миттельшпиль, эндшпиль, рокировка. Оказалось, что существует целый набор уже известных дебютов,

в которых не надо ничего выдумывать, а только следовать определенной последовательности ходов. Например, итальянская партия, испанская, ферзевый гамбит и многое другое. Я узнал также, что нельзя бросаться в атаку, не обеспечив безопасность тыла. Оказалось, что иногда лучше уступить и отдать фигуру для того, чтобы добиться успеха в дальнейшем. Действительно, дядя Гриша оказался прав в том, что умение играть в шахматы помогло мне планировать свои действия не только в игре, но и в других жизненных делах. «Запомни, — сказал он мне, — если ты будешь и дальше увлекаться шахматами и захочешь узнать побольше, приобрети себе книгу великого шахматиста Ласкера. У него все написано, как нужно играть в шахматы». Я запомнил и действительно пользовался этой книгой позже.

Шел год за годом и, наконец, настало время готовиться к школе. Я очень этого хотел. Мне так надоело сидеть с утра до вечера в моем инкубаторе! Часто я с завистью смотрел на бегущие стайки мальчишек с ранцами за плечами, которые с гиканьем и визгом вылетали из дверей школы, располагавшейся наискосок от нашего дома. Ура! Осенью я тоже буду вместе с ними. Но не тут-то было.

Заболела мама, у нее была ангина. Она очень страдала — у нее была высокая температура, и очень болело горло. Когда она ела яйца, она макала ложечкой в маленькую стеклянную солонку. У нас было много таких солонок и, по-видимому, их перепутали. В результате мамина солонка попала ко мне, и я тоже заболел ангиной. Но этим дело не ограничилось, и после ангины было осложнение на правое ухо. У меня началось воспаление среднего уха. Так это назвал старенький доктор, который приходил к нам домой. Ухо, вернее за ухом, сильно болело, с каждым днем все больше и больше. Наконец я почти перестал спать, потому что у меня в голове стали маршировать батальоны солдат и все сильнее и сильнее. По ночам папа носил меня на руках, пел мне песни и укачивал, чтобы я хоть немного поспал. Родители все чаще вызывали доктора и уговаривали его сделать прокол барабанной перепонки, чтобы из уха вышел гной. Но доктор делать этого или не хотел, или не умел и говорил, что все пройдет само собой.

В результате боли все усиливались, и я стал целыми днями быть как бродячая собака.

Наконец мама поняла, что дела обстоят плохо, и повезла меня в Военно-медицинскую академию к знаменитому доктору по фамилии Воячек<sup>8</sup>. Он осмотрел меня, пришел в ужас и произнес: «Немедленно на стол. Завтра может быть уже поздно, гной пойдет в мозг». Я, конечно, не понимал, что происходит, но мне стало почему-то страшно. Появились два человека в белых халатах, которые привезли что-то вроде столика на колесах. Меня раздели и положили на него. Затем они привязали мои руки и ноги ремнями так, что я даже пошевелиться не мог, и повезли меня куда-то по коридорам. Мама шла сзади и растерянно улыбалась. Меня объял невероятный ужас. Я не понимал, что со мной собираются делать. Вдруг мне на лицо положили какую-то маску, из которой, шипя, шел невкусный воздух. В отчаянии я во весь голос заорал: «Ма-а-ма». И когда после длинного крика я вдохнул в себя всей грудью этот воздух, я вдруг почувствовал, что я весь постепенно погружаюсь в какую-то кашу. Больше я ничего не помнил.

Очнулся я в большой светлой комнате. Я лежал на спине и видел только потолок и спинку кровати. Пошевелиться я не мог, вся моя голова была покрыта какими-то ледяными мешками и ужасно болела. Я прошептал: «Мама!» и услышал ответ: «Я здесь, мой дорогой». Затем ее пальцы легко пробежали по моему лицу и мягко сжали мою руку. Она мне объяснила, что мне сделали операцию, которая называется трепанация черепа. А попросту мне сделали за ухом дырку, через которую весь гной вышел наружу. Теперь надо лежать спокойно, скоро все заживет, и мы поедем домой. И, правда, я быстро поправлялся, и через несколько дней мне разрешили ненадолго вставать с кровати. Каждый день были перевязки, во время которых оказалось, что мое ухо может теперь ложиться на щеку, а за ним что-то промывают. Доктора

---

<sup>8</sup> Влади́мир Игна́тьевич Воя́чек (1876–1971) — советский оториноларинголог, академик АМН СССР (1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1933), Герой Социалистического Труда (1961), генерал-лейтенант медицинской службы (1943), начальник Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (1925–1930).

спорили между собой. Одни говорили: «Нужно зашивать». Другие: «Оставьте так, оно само затянется». Ухо заживало довольно быстро, и мне уже сказали, что скоро можно будет идти домой.

Но не тут-то было. Чуть ли не накануне выписки у меня поднялась высокая температура, и оказалось, что неизвестно какими путями я заразился скарлатиной. Меня срочно перевели в детскую больницу имени Рауфхуса, которая располагалась неподалеку от Московского вокзала, и там я провел еще около месяца, пока не закончилось шелушение кожи. Когда я попал домой, уже был конец лета, и ни о какой школе и речи быть не могло. Тем более что в результате скарлатины или всех болезней сразу у меня что-то случилось с сердцем. Когда мы гуляли, я через каждые три-пять шагов останавливался, потому что оно колотилось у меня в груди и я задыхался.

Мама часто возила меня на Елагины острова, чтобы я подышал чистым воздухом, как она говорила. Я совсем не мог бегать и поэтому сидел на пляже в шезлонге, смотрел на воду и очень завидовал ребятам, которые с визгом плескались в теплой воде и прыгали на волны, которые поднимал проходящий катер. Мама сидела рядом и кормила меня из термоса очень вкусным бульоном с фрикадельками. Постепенно все прошло, я снова мог ходить и бегать, но врачи все равно не разрешили мне идти в школу, и я попал в нее только на следующий год прямо во второй класс.

Наконец-то мое сидение в инкубаторе закончилось, и началась другая, бурная жизнь. Я уже умел и читать, и писать, и поэтому никаких особых трудностей у меня не было. Только по чистописанию у меня была неизбежная тройка, потому что мне никак не удавалось выводить красивые буквы с нажимом там, где это было нужно. И я никак не мог избавиться от клякс, которые обязательно падали с моего пера на каждую страницу. Нашей классной руководительницей была Тамара Федоровна Сыревич. Это была на вид очень строгая женщина, но по сути очень добрый и отзывчивый человек. Даже тогда, когда она делала кому-нибудь выговор или наказывала мальчишек, которые приходили на урок после перемены, мокрые от пота и растерзанные, ее брови грозно

сдвигались, но глаза смеялись. Поэтому, стоя в углу, мы делали несчастный вид, но никогда на нее не обижались. Она вела у нас все предметы, и в том числе русский язык. У нее был недостаток в произношении некоторых слов. Например, она говорила: «Тысча, росьча, мосчи», а я благодаря моим музыкальным занятиям, невольно следовал этим звучаниям и так и писал, как было сказано. Только после многочисленных замечаний я научился переводить ее произношение на правильное написание. Сами занятия не произвели на меня большого впечатления. Я, благодаря непрерывному чтению, уже знал многое и гораздо больше, чем мои одноклассники. Сложнее было стать своим в этой бурлящей компании разнообразных ребят. Сначала я чувствовал себя, как лошадь на ярмарке. За прошедший год они уже познакомились друг с другом, и все взаимоотношения выстроились, появились свои лидеры и свои отверженные. Сперва меня рассматривали издали, а потом пытались вызвать мою реакцию «случайными» тычками или подножками. Скоро выяснилось, что я имею независимый характер, но при этом не претендую на лидерство. Выяснилось также, что я достаточно неуклюж и не представляю интереса по части футбола или бокса. Познакомился я также и с другой половиной человечества, с которой до сих пор знаком не был. Их хихиканье, выразительные взгляды, означающие или пренебрежение, или заинтересованность, сопровождающиеся нелестными характеристиками, сообщаемыми громким шепотом на ухо подруге, очень были похожи на те представления, которые я видел у папы в театре. С мальчишками было все просто и определено. Установившиеся отношения были понятны и неизменны. К этому не приставай, если не хочешь получить в нос. С этим можно вести душевные беседы, а в этой компании можно заниматься разными проказами. Эти же актрисы все время меняли свои роли в зависимости от настроения или других, непонятных для меня причин. Поэтому я держался от них подальше.

Среди них, правда, были две девочки, которые держались очень гордо и не принимали участия во всех этих развлечениях. Они были очень стройные и красивые. К ним никто



не пристававал, да и не посмел бы, такие они были независимые и умели постоять за себя. Они выглядели, как принцессы, и мне было очень интересно, где они живут. Обычно они покидали школу сразу же после уроков. И вот однажды я, как следопыт, прячась за столбами, решетками и водосточными трубами, последовал за ними. Они шли прямо по Никольской площади до канала Грибоедова, затем повернули направо, дошли до места, где он сливается с Крюковым каналом, и подошли к небольшому красивому дому, за которым стояла колокольня Никольского собора. Тут они вдруг резко повернулись ко мне и спросили: «Ну что, ты узнал то, что ты хотел?». Оказывается, они видели все мои шпионские ухищрения. Я покраснел и готов был сквозь землю провалиться. Это отвадило меня раз и навсегда от наблюдений за «слабым полом». К их чести, они не воспользовались моим фиаско, и никто в классе об этом происшествии так и не узнал. Надо сказать, что это не повлияло на наши хорошие отношения. Они как будто совсем забыли об этом событии или не обратили на него никакого внимания.

У меня, как и у всех появляющихся впервые в классе, ребята спрашивали: «А кто твои родители? Чем они занимаются?». И когда я ответил, что мой отец артист, они спросили: «А как его фамилия?». Я отвечал, что такая же, как и моя. Тогда они засмеялись и сказали: «Тоже мне, артист, а почему его никто не знает? Настоящих артистов знают все. Вон сколько их в киосках на фотографиях». И, правда, все киоски были завалены фотографиями Любви Орловой, Леонида Утесова и многих-многих других. И я задумался. Как же так? Почему папу не знают? Значит, он плохой артист? Я, конечно, не мог спросить у него об этом, но эти слова запали мне в душу, и я сказал себе, будучи еще совсем малышом: «Мы должны делать наши дела так, чтобы о нас знали. Если нас не знают, значит, мы не нужны». И только много лет спустя я понял, что многое хорошее часто остается неизвестным.

Во время перемен мы носились как угорелые, но самой любимой была игра в слона. Это было похоже на чехарду, но не совсем. Мы разбивались на две команды. Одна команда становилась

по одному длинной цепочкой к стене, обнимая впереди стоящего и убирая голову ему под мышку, а другая — по очереди запрыгивала стоящим на спину, стараясь прыгнуть как можно ближе к стене. Задачей первых было не развалиться под тяжестью сидящих, а вторых — не свалиться с шаткой опоры. Иногда наши развлечения были не совсем безобидны. Однажды, когда уроки уже кончились, и мы с другом остались одни в классе, он мне сказал: «Я придумал интересную игру, иди сюда к окну». Я залез на подоконник и посмотрел вниз. Наш класс находился на втором этаже, внизу совсем близко проходили люди.

— Ну и что? — спрашиваю я.

— А вот сейчас увидишь.

Вдруг он открывает форточку, отламывает кусочки твердой замазки и расставляет их на переплете окна. Затем он показывает мне пальцем на приближающуюся к нам полную женщину в большой шляпе. Он прицеливается и легким щелчком посылает кусочек вниз. И я вижу, как он падает ей на шляпу, как женщина подпрыгивает на месте и начинает вертеться на месте, подняв глаза кверху. Мой приятель, умирая от смеха, съеживается и тянет меня вниз к подоконнику. Мы видим, как она, обследовав шляпу и не найдя причины, продолжает свой путь, покачивая головой. Игра мне очень понравилась, и мы наперебой начинаем обстреливать прохожих, с восторгом наблюдая их разнообразную, но всегда недоуменную реакцию на эти легкие удары сверху. Вдруг в разгар нашего веселья дверь в класс широко распахнулась, и на пороге возник директор школы, сопровождаемый одним из прохожих.

— Немедленно вон из школы и завтра утром с родителями ко мне!

Дома я получил сполна, а утром у директора мне было сказано, что при повторении подобных безобразий меня исключат из школы. Это было сильное потрясение, и я, наверное, целый месяц был тише воды и ниже травы. Тамара Федоровна была после этого очень сурова с нами, хотя в уголках ее глаз пробежали веселые искорки. Видно было, что она правильно оценила всю комичность этого «безнравственного» и «хулиганского» поведения.

В глазах же наших одноклассников мы стали на какое-то время настоящими героями.

После окончания третьего класса за хорошие отметки в табеле и даже за отличное поведение мне подарили самокат. Они только появились в это время и были предметом мечтаний всех мальчишек. Стоили они дорого, и поэтому многие стали их делать сами с помощью родителей. Но это было совсем не то. Их делали из досок, но самым неудобным была замена колес на шарикоподшипники. Из-за них эти самокаты производили ужасный шум. А у меня был красивый самокат с большими колесами и резиновыми шинами. Он летел быстро и бесшумно по панелям тротуара и никому не мешал. Это было восхитительно. Наконец-то я получил свободу, и мне разрешили по выходным дням самостоятельно отправляться в путешествия на самокате по ближайшим улицам. Не могла же Буся бежать вместе со мной. Тем более что в последнее время она совсем разболелась. Однажды, влезая в трамвай, она очень сильно ударила правую ногу о подножку, и у нее образовалась рана. Эта рана не зажила, а, наоборот, все разрасталась и разрасталась и постепенно покрыла всю ногу от колена до ступни. Буся почему-то называла ее экземой. Каждый день она ее перевязывала и смазывала разными мазями, которые совсем не помогали. Когда она снимала бинт, меня бросало в дрожь, потому что нога была сине-красная и была похожа скорее на кусок сырого мяса.

Кроме того, у нее стало болеть сердце, и она часто просила меня тереть ей под лопаткой, чтобы оно успокоилось. Ей стало трудно ходить и, конечно, она уже не могла сопровождать меня во время моих прогулок. Тем не менее, изредка она выбиралась со мной на улицу, и мы отправлялись на Садовую, где на углу с Вознесенским располагалась знаменитая булочная Филиппова. Там продавались очень вкусные пирожные «наполеон». Буся вынимала из кармана пузатый и весь протертый матерчатый кошелек, доставала деньги и разрешала мне выбрать пирожное по вкусу. Это был праздник. Каждый кусочек пирожного я не просто проглатывал, а долго вертел во рту, наслаждаясь целым букетом вкусовых ощущений. Еще бы, получить пирожное было для меня

пределом мечтаний. Это была награда за хорошее поведение, поскольку, как говорила Буся, пирожные были нам не по карману. Единственно, что я мог себе позволить из сладостей, — это купить в ближайшем киоске ириски «Кис-кис».

От нашего дома было совсем недалеко до Театральной площади, где находились Мариинский театр и Консерватория. Там было много места, и можно было свободно носиться на самокате. Слева и справа от Консерватории были небольшие садики, в которых стояли памятники композиторам Глинке и Римскому-Корсакову. Вот сюда-то чаще всего я и направлялся на своем самокате. Однажды я увидел легковую машину, с мотором которой возился шофер. Он открывал капот, что-то поправлял в моторе, затем садился в машину и делал круг около фигуры Глинки. Это повторялось бесчисленное количество раз. И вдруг у меня появилась блестящая идея. А почему бы мне не проехаться на этой машине по такому кругу? Сзади машины было укреплено запасное колесо, и если сесть на бампер и взяться за это колесо, можно будет вполне удобно разместиться. Сказано — сделано. Я дождался, когда машина снова подъехала к тому же месту, и тихонько подкрался к ней сзади. Шофер снова открыл капот, покопался в нем, затем сел за руль, а я, пригнувшись, прыгнул на бампер и вцепился в колесо. Машина тронулась и тихонько поехала по тому же кругу. Я был в восторге еще и потому, что проходившие мимо мальчишки с удивлением уставились на меня и показывали на меня пальцами. Это было, как родео. Машина сделала круг, но не остановилась, как я ожидал, а продолжала ехать, повернула на улицу Глинки и стала набирать ход. Я весь похолодел. Куда же теперь я уеду? Я же не смогу долго усидеть на этом месте. Недолго думая, я отпустил руки, соскользнул с бампера, проехался сидячим местом по асфальту и кубарем вылетел на тротуар. Машина продолжала свой путь. Видимо, шофер меня не заметил. А я качался и выл от боли, а от моих штанов остались только одни воспоминания. К счастью, поблизости совсем не было людей, и я, обратившись спиной к стенам домов, чтобы скрыть полученные повреждения, добрался домой,

волоча за собой самокат. Мне повезло, и даже почти не попало, потому что я объяснил, что я свалился с самоката.

Этим не ограничились отрицательные стороны моей свободы. Я совсем еще не знал окружающего мира и только начал с ним знакомиться. Теперь я очень часто появлялся на Театральной площади на своем самокате и, по-видимому, обратил на себя внимание местного населения. Когда я в очередной раз проезжал вдоль домов, расположенных сразу за Консерваторией, на пороге одного из них появился молодой парень лет шестнадцати и поманил меня к себе: «Хочешь, я покажу тебе кое-что интересное? Иди сюда!». Я вошел в парадную, а в ней оказалось еще трое таких же парней, которые мгновенно меня окружили и оттеснили к противоположному, но закрытому входу. Они как-то странно на меня смотрели, как будто что-то от меня хотели. Они меня не били, но их взгляды были похожи на взгляды хищников, затравивших свою добычу. Я не понимал, что им от меня нужно, но чувствовал опасность, и мне стало безумно страшно. У меня внутри все трепетало. Они придвигались ко мне все ближе и ближе, осматривая меня своими липкими взглядами.

— А ну-ка, снимай быстро штаны, — произнес один из них, и они протянули ко мне свои руки.

Я весь вжался в угол и закричал:

— Отпустите меня, что вы от меня хотите?!

— Заткни ему рот, — сказал один из них. — Давайте отнесем его в подвал.

У меня ослабли ноги, и я стал медленно сползать на пол. Они схватили меня за руки и за ноги, а я издал высокий вибрирующий звук затравленного зверя. Вдруг одна из дверей на площадке распахнулась, и на пороге квартиры появилась высокая старая женщина с кочергой в руке.

— Что вы делаете с ним, сволочи! — закричала она. — Немедленно отпустите, а то я вам головы проломлю!

Нападавшие на меня мгновенно съежились и, как мыши, быстро выскочили из парадной и разбежались в разные стороны.

— Пойдем, я тебя провожу. Где ты живешь?

Я объяснил. Она взяла меня за руку и довела до Никольского сада.

— Ну, теперь беги сам, а я постою на углу. И запомни: будь осторожен с этими хулиганами, и если тебя куда-то зовут, то это не значит, что тебе хотят дать пряник. Держись-ка от них подальше.

После этого случая у меня каким-то образом появилось новое чувство, которое неоднократно спасало меня от беды. Когда возникала какая-то странная и неопределенная ситуация, я как будто кожей начинал чувствовать опасность, и какой-то внутренний голос мне говорил: «Сюда идти нельзя, здесь опасно».

Зимой вдруг весь город погас. Вечером на улице было темно, как в лесу. Затем на домах и на лестницах появились синие лампочки. А потом к нам в квартиру пришли какие-то люди, которые сказали, что все окна должны быть плотно завешены. И чтобы ни одного лучика наружу не пробивалось. А если это все-таки случится, то нас посадят в тюрьму. Все были очень напуганы, а я приставал к родителям и просил объяснить, что все это значит. Мне ответили, что у нас началась война с финнами, а синие лампочки — это затемнение, чтобы вражеские самолеты не сбросили на нас бомбы.

Где находится Финляндия, я очень хорошо знал. Она действительно была очень близко. Однажды летом мы жили с мамой в Сестрорецке, и она показывала мне реку Сестру, по имени которой назывался и город. Мы подходили к реке совсем близко, и мама объясняла, что река и есть граница нашей страны, а за ней начинается Финляндия, про которую я знал очень много из легенд Калевалы. Меня в то время гораздо больше интересовала совершенно замечательная немецкая овчарка по имени Вульф, которая жила по соседству со своим хозяином. У него были умные глаза. Он понимал все-все-все, что я ему говорил и выполнял все мои приказы: стоять, лежать, сидеть, ко мне. Мы с ним очень подружились. Как-то раз мы с мамой пошли погулять по лесу, и Вульф побежал за нами. Мама сказала, что его нельзя брать с собой, потому что хозяин может рассердиться. Тогда я повернулся к нему и сказал: «Вульф сидеть! Будешь нас ждать здесь!». Он грустно посмотрел на меня и сел, а мы пошли дальше.

На повороте дороги я обернулся, Вульф сидел на том же месте. Когда мы через час возвратились назад, я вдруг увидел, что пес так и не сдвинулся с места. Мне стало ужасно стыдно. Я бросился к нему, обнял его за шею и прошептал ему на ухо: «Прости меня, Вульф. Я о тебе забыл». Вульф тяжело вздохнул и лизнул меня прямо в нос. Мне было ужасно грустно, когда пришлось расстаться с ним, поскольку мы уезжали домой в Ленинград. С тех пор я все время мечтал, чтобы в моем инкубаторе появился такой умный, такой добрый и надежный четвероногий друг

А вот теперь война. Стало совсем плохо, инкубатор закрылся, и наблюдать бегущую за окном жизнь уже было нельзя. Даже если погасить свет в комнате и высунуть нос в щелку у края окна. На улице были видны только какие-то привидения, которые скользили у домов. Из школы нас отпускали домой пораньше, дотемна, и домашних заданий почти не задавали. Я был даже рад этому, потому что с начала школы у меня оставалось все меньше и меньше времени для чтения. Теперь я бежал к книге как к лучшему другу. Это неповторимое чувство предвкушения дальнейшего развития событий, с которыми пришлось расстаться или из-за уроков, или из-за необходимости подготовить для школы домашнее задание. И вот я вбегаю домой, и даже до конца не раздевшись, открываю книгу и с жадностью погружаюсь в жизнь Д'Артаньяна или Всадника без головы. А сзади стоит Буся и говорит, что я обязательно испорчу себе глаза от непрерывного чтения.

К счастью, война довольно быстро кончилась, и я помню, как уже весной или ранним летом мы с мамой выезжали на Карельский перешеек и знакомились с новыми местами, которых раньше у нас не было — Териоки, Куокалло, Перкиярви и другие места, которые располагались вдоль побережья Финского залива. Везде еще сохранялись следы войны: разрушенные вокзалы, сожженные усадьбы, обрушившиеся мосты и перерытые дороги. А как здесь, наверное, было хорошо раньше! Я так и не понял, почему эта война началась, а толком объяснить мне это никто не смог.

## Глава 2

# Вдали от дома

---

**Я** быстро бегу по длинному коридору нашей большой квартиры, в которой живут шесть совсем разных семей, и вдруг слышу по радио торжественный и необычный голос. Этот голос останавливает меня, и я вдруг понимаю, что в этом мире произошли важные события. «Немецкие войска сегодня перешли границу...». Вот это да! Ура! Началась война! И не понарошку, а самая настоящая. Вот мы им покажем!

Я вбегаю в нашу комнату и с восторгом сообщаю об этом замечательном событии маме и бабушке. К моему удивлению, они совсем не разделяют моего восторга. Они, наоборот, приходят в ужас. Что было дальше, я уже не помню. Помню только, как на столе лежит полосатый матрас, в который мама укладывает мои трусики, майки и другую одежду. А рядом стоит Буся (моя бабушка) и настойчиво говорит: «Обязательно положи зимнее пальто, теплую шапку и варежки. Не забудь положить учебники». Мама сопротивляется, но в конечном счете бабушка побеждает, и огромную матрасную гусеницу, наполненную разными вещами, окончательно завязывают, и она ждет, пока ее унесут.

Вскоре после этого мы оказываемся на Театральной площади, где на запасных путях стоят трамваи, в которые мы грузимся и едем на вокзал. Рядом со мной оказывается моя маленькая двоюродная сестра, которую я совсем не ожидал увидеть в этой компании.



Знакомых ребят нет. Всех я вижу впервые. Мы уже в вагоне поезда. Я на второй полке, и через открытое окно мне суют в руки портфель и мешок с чем-то твердым и говорят, что я должен не выпускать это из рук, пока мы не приедем на место. Раздается гудок. Все родители машут руками. Мама кричит, что мы скоро увидимся, и почему-то плачет. Мне тоже на секунду становится грустно и немножко страшно. Поезд трогается, и внутри рождается чувство свободы и предвкушение приключений. Я не понимаю, что происходит. Почему столько тревоги было в маминых глазах? Я ведь скоро вернусь. Это будет, как в пионерском лагере. Дальше я не размышляю.

Я очень рад моей свободе и принимаю первое самостоятельное решение. Еще поезд не покинул пределов города, а я уже открыл свой мешочек с едой, достаю ненавистное персиковое масло и выкидываю его в окно. Персиковое масло — это лекарство, которым я должен каждый день смазывать у себя за ухом. Мне так это надоело, это продолжается уже три года. Три года тому назад мне сделали операцию — долбили за ухом. Потом оттуда что-то текло и, чтобы поправиться, нужно было смазывать за ухом этим маслом. Все, теперь уже я никогда делать этого не буду. И как это ни странно, но с этого момента и на всю оставшуюся жизнь все действительно прекратилось, и я об этом забыл.

Я не знаю, куда нас везут. Я помню только незнакомое слово Ярославль, и мне кажется, что это должен быть пионерлагерь. Поезд ползет, как улитка, часто останавливается и подолгу стоит на месте. А однажды взрослые, которые едут с нами, выводят нас из вагонов и ведут зачем-то в зеленую рощу недалеко от поезда. И вот из этой рощи мы видим, как в небе появляются черные тяжелые самолеты, пролетают над нами, а затем начинает дрожать земля, и раздается оглушительный грохот. Внутри все сжимается и становится нечем дышать. Все прижимаются к земле, но все опять тихо, как будто ничего и не было, только удаляющийся тяжелый гул. Нас быстро загоняют в вагоны, и поезд рваными рывками несется вперед, как испуганная лошадь.

На следующее утро мы завершаем наше путешествие. Нас выгружают из вагонов, сортируют на маленьких, средних и больших

и строят в три колонны. Затем мы двигаемся по широкой дороге через очень зеленый и свежий лес. Над головами сверкает яркое солнце. Вокруг поют птицы и трещат кузнечики. После нескольких минут ходьбы мы оказываемся на широкой поляне у реки, а прямо перед нами ворота с аркой, на которой было написано «Пионерский лагерь Васильевское». Я был прав, мы действительно приехали в пионерский лагерь.

Мы входим на территорию, и с этого момента начинается какая-то новая и непонятная жизнь. Во-первых, народу уйма, как пчел в улье. Во-вторых, непонятно, куда идти и что делать. Никто ничего не объявляет, и до меня никому дела нет. Сестренка куда-то пропала. По-видимому, ее вместе с другими малышами увели в дачи. Ребята вокруг носятся с какими-то тюками, назначение которых я понял слишком поздно, к вечеру. Когда я захотел спать, выяснилось, что спать-то негде и не на чем. Ребят было гораздо больше, чем мест для сна. Помимо дач, куда увели малышей, еще была огромная открытая веранда вокруг столовой, а также летняя эстрада с большой сценой. Те, кто успел позаботиться заранее, уже расстилали там матрасы и одеяла, а я и несколько других нерасторопных остались не только без матрасов, но и без места. Я был очень расстроен, и от обиды слезы невольно покапались из глаз. Тогда один из мальчиков сказал: «Не горюй, я тут одно место нашел, будем спать не хуже других. Пойдем!». Этим местом оказалась большая поленница колотых дров. Поленница стала на несколько дней единственным приютом для меня и нескольких других ребят. Спать было холодно и больно. Как не укладывай поленья, они все рано впиваются своими ребрами в тело. Поутру, покрытые поперечными красными полосами, мы напоминали зебр. Единственной отрадой была возможность вкусно поесть в любое время дня. Дело в том, что огромная столовая была все время открыта, и на длинных столах грудями лежали фрукты, бутерброды и всякое другое съестное. Наверное, были определенные часы для завтрака, обеда и ужина, но ребят было так много, что они не помещались за столами. Поэтому кормление происходило постоянно, последовательно перетекая

из завтрака в обед, а из обеда в ужин. По-видимому, всем очень скоро стало ясно, что никакой нормальной жизни из этого не получится. Через несколько дней такой жизни один из моих новых друзей сказал мне, что на реке стоит пароход, который повезет ребят в другое место, и предложил мне поехать вместе с ним. Так как терять мне было нечего, и спать было очень плохо, я не раздумывая, принял приглашение и отправился на пароход. Как ни странно, но случайно я сделал то, что должен был сделать. Когда пароход отчалил, выяснилось, что на нем должны были ехать дети Союза композиторов, к которым я и принадлежал, потому что мой дядя был композитором. Таким образом, и я, и мои вещи счастливым образом оказались в одном и правильном месте. Там же обнаружилась и моя сестренка.

Путешествие было не очень долгим, и к вечеру мы высадились на крутом берегу Волги, в какой-то большой деревне. Посередине стоял большой двухэтажный деревянный дом, в котором нас и поселили. На доме было написано «Школа». Как выяснилось позже, мы были недалеко от Костромы, а деревня или пионерский лагерь назывался Чернопенье. На этот раз мы все разместились нормально, и у меня даже была моя собственная кровать. В доме жили только мальчики, а девочки разместились в маленьких летних домиках неподалеку от нас. Маленьких опять куда-то увели, и опять я потерял сестренку. Я, правда, не очень и волновался, потому что мы уже не бродили как попало, а начали жить, совсем как в настоящем пионерлагере. Утром подъем, потом завтрак, а потом вместо игр мы направлялись на колхозное поле и целый день до обеда таскали лен. Руки были черные и очень болели от порезов. Оказалось, что таскать лен — это тяжелая работа, и к обеду у всех болели спины. Зато вечером мы были совершенно свободны и развлекались как могли. Когда темнело, мы превращались в привидения. Один мальчик садился на плечи другому, а потом их покрывали простыней с головой. Верхний брал в рот зажженный фонарик и надувал щеки. Получалось что-то высокое белое с большими горящими глазами. Оно качалось из стороны в сторону и изредка завывало. Мы подкрадывались

к летним домикам, приведение заглядывало в окна, и внутри начинались девчоночьи визги ужаса. Мы сопровождали привидение и издавали какие-то зловещие звуки. Однажды мы подкрались к кухне, на пороге которой сидел повар, отдыхавший после целого дня готовки. Когда он увидел привидение, он приподнялся, издал какой-то жалобный звук и рухнул на землю. Мы в страхе разбежались, а на завтра все были наказаны. Нам было запрещено играть в глупые игры и пугать людей.

Так прошел месяц или больше, стало холодно и неудобно, и надо было освобождать школу. Нас снова погрузили на пароход, который имел два имени сразу: с одного бока на нем было написано «Крестьянин», а с другого — «Крестьянка». Последние дни перед отъездом нас кормили очень плохо, и пока наши вещи понемногу затаскивали на палубу, мы прокрались на склад в поисках чего-нибудь съестного, но обнаружили там только одинокие маленькие баночки с хреном. Мы распихали их по карманам, и уже позже на пароходе, пока мы плыли вниз по Волге, я наелся этого хрена на всю жизнь. Сидели мы в трюме на грудах наших вещей и только изредка на остановках выбирались на палубу и любовались красивыми городами. Однажды, это было в Горьком, нас даже повели на берег в столовую и накормили очень вкусным обедом. К нам подходили местные женщины, гладили по головам и почему-то говорили: «Бедные дети». Почему бедные? Никакие мы не бедные. Это такие замечательные приключения! Их никогда бы не было, если бы мы сидели по-прежнему дома. Наконец мы приехали в Куйбышев. Там мы пробыли недолго, всего два дня. Почти все время у нас заняло перетаскивание всех наших вещей в какой-то дом, а через день — на железнодорожную станцию. Оттуда мы направились в город Чкалов, который раньше назывался Оренбургом. Я уже встречал это название, когда читал о восстании Пугачева. И вот теперь смог увидеть его своими глазами. Перед нами большой город, почему-то очень напоминающий мне наш Ленинград. Нас поселили опять в школе. Но это была не обычная школа, а школа для слепых детей. Сначала было очень страшно, особенно когда они подходили к тебе и знакомились,

проводя легкими пальцами по твоему лицу. Странно и неприятно было смотреть на эти ничего не выражающие глаза и напряженные лица. Казалось, что они прислушиваются к тому, что происходит у них внутри. Через несколько дней мы привыкли друг к другу, но так и не подружились. Слишком мы были разные. Было очень интересно смотреть, как они пишут и читают. Оказывается, для письма они пользуются большой книгой, в которой находится металлическая дощечка с большим количеством ямок, а на нее накладывается другая дощечка с многочисленными квадратными окошками. Между ними закладывается лист плотной бумаги, как из альбома для рисования. Затем они берут в руки шило и, нащупывая пальцами одной руки окошки, шилом начинают делать дырки в бумаге. Одно окошко — одна буква. И делают они это с такой же скоростью, как мы пишем в тетради. А когда читают, то переворачивают бумагу и пальцами нащупывают образовавшиеся выпуклости. Причем они так ловко это делают, что только диву даешься. Я пробовал, но у меня ничего не получилось. Наверное, этому надо долго учиться.

Мы не очень долго жили в этой школе. Собственно говоря, это и назвать-то жильем было нельзя. Большая часть ребят располагалась в огромном полуподвальном помещении. Там, правда, было тепло, светло и сухо, но спать было негде, и все сидели или лежали на своих вещах. А мы, уже не помню как, устроились в каком-то кабинете и спали вчетвером на голом полу под роялем. Когда мы спускались вниз, то заставляли постоянные споры наших взрослых. Они обсуждали, куда ехать дальше. Одни говорили — надо везти детей в Ташкент. Ташкент — город хлебный, и там тепло, а на носу холода. Другие говорили, что туда ехать нельзя, потому что дети там будут болеть, а ехать надо в Сибирь. Я читал про Ташкент, и мне казалось, что там должно быть очень интересно. Верблюды, мечети, пустыни, оазисы и много другого необычного. А Сибирь — это холодно и страшно, и потом, туда отправляют преступников. И это значит, что мы будем жить так, как и они? Конечно, нас никто не спрашивал, и через несколько дней мы снова пустились в путь.

Всех отвели на вокзал, погрузили в два вагона и повезли неведомо куда. Нас было много, и места не хватало. Маленькие спали внизу по двое, а самые смелые и я, конечно, был среди них, устроились на третьих полках. Там было мало места, и можно было только лежать, но зато никто нас не видел, и можно было развлекаться как угодно. Эти развлечения, правда, иногда оканчивались плохо. Мой друг стал однажды перелезть на мою полку, а в этот момент поезд неожиданно затормозил, он рухнул вниз и угодил лицом прямо в миску с кашей, которую ела бабушка Маневич. Ну и влетело же ему! И прежде всего, потому что каши больше не было. Наши воспитатели бегали на больших остановках на вокзал и приносили нам какую-нибудь еду. Ее было мало, и все время хотелось есть.

Наконец мы прибыли на большую узловую станцию под названием Кинкель и встали. Нас отцепили от поезда и поставили на запасные пути. Я думаю, что они решали, куда нам ехать дальше. Стояли мы очень долго. Прошло, наверное, месяца два. Наконец, выпал снег и начались морозы. Стало совсем невесело. Туалет уже давно не работал, воду таскали в ведрах с водопомпы, а под рукомойниками от дна вагонов до земли образовались ледяные пирамиды. Мы все были чумазы, волосы стояли торчком, а все тело зудело. Мы так ни разу и не мылись с отъезда из Чернопенья. Морозы нарастали, и скоро на улице стало двадцать градусов, а внутри ненамного теплее. Вот когдагодились теплые вещи, о которых говорила Буся.

Мы, наконец, тронулись с места и доехали до какой-то станции, которая называлась Шафраново. Тут-то и выяснилось, что ни в Ташкент, ни в Сибирь мы не попали, а оказались в Башкирии. На маленькой площади перед вокзалом стояло несколько больших саней, которые называли «розвальни». Ребят укладывали на них по несколько человек, а сверху накрывали с головой какими-то тулупами. Затем лошади тронулись, и мы опять куда-то поехали. Но на этот раз путешествие было недолгим. Когда с нас сняли шубы, мы увидели высокое красивое зеленое деревянное здание с большими окнами и верандами, вокруг которого

на некотором расстоянии располагались красные одноэтажные летние домики с двумя верандами на концах. Нас развели по домикам, в которых было также холодно, как и на улице, и велели ложиться на кровати во всем, что было на нас одето. Затем нас накрыли одеялами, и мы лежали так два или три дня, пока прямо при нас в комнате не сложили и не затопили печку. Когда стало тепло, началось всемирное мытье. Мылись тут же, в комнате. Вода нагревалась на плите, которую тоже построили вместе с печкой, а мы по очереди вставали в тазик, и наша воспитательница осторожно смывала с нас вековую грязь, стараясь не очень заливать пол. Воду приходилось менять, потому что она была черная. Я даже и не подозревал, как много саж, песка, краски, мела и жира скопилось за это время на моем теле. Потом нам выдали чистые трусики и майки и велели лежать под одеялом. А в это время Наталья Сергеевна вместе с другими взрослыми шпарила утюгом нашу одежду. Вы не поверите, но в комнате на протяжении нескольких часов стоял непрерывный треск от бесчисленного количества лопающихся насекомых, которыми были нафаршированы наши рубашки и штаны.

На следующий день мы уже смогли познакомиться с новым для нас местом. Это был летний дом отдыха или санаторий. Большой высокий дом взрослые называли почему-то курзалом, а вокруг него были разбросаны маленькие домики, похожие на наш. На территории росли большие деревья, с одной стороны к ней примыкала густая роща, а с другой открывалась бескрайная степь, покрытая ласковым высоким ковылем. Это, правда, мы увидели только весной, а сейчас вокруг был только снег, снег и снег. Такого обилия снега я никогда еще не видел. Ходить можно было только по протоптанным дорожкам. Шаг в сторону, и ты проваливаешься по пояс и с трудом выбираешься обратно. Здесь мы познакомились с настоящими метелями и буранами. Во время бурана ничего не видно вокруг даже за три шага, а если нужно идти, приходится ложиться на ветер и отталкиваться ногами. Однажды я споткнулся и начал падать, так ветер поднял меня и поставил на ноги. Около курзала снега

намело так много, что закрыло его почти наполовину. Это была гора более двух или трех метров высоты. Одним из излюбленных наших развлечений было забираться на крышу курзала и с воплями прыгать вниз и проваливаться с головой в рыхлый снег. А когда снег уже слежался и стал плотным, мы прокапывали в нем тоннели и делали пещеры, в которых мы, конечно же, сражались с немцами и всегда побеждали.

Развлекаться нам, правда, удавалось редко. Мы начали ходить в школу, которая располагалась в поселке, за пять или шесть километров от нашего санатория. А по вечерам приходилось делать кучу заданий, потому что мы очень много пропустили, пока путешествовали. За это время я стал понимать, что приключения кончились, и началась суровая жизнь, которая неизвестно еще чем кончится. Мы очень тосковали по родным. Пока мы странствовали, письма не находили нас, а сейчас понемногу стали приходить. Меня тревожило молчание мамы. Пока мы были в Чернопенье, я регулярно получал от нее письма, а сейчас уже февраль и полное молчание. Я спрашивал отца, который был на фронте, но он в своих треугольничках писал, что он тоже ничего не получает из дому. Ленинград ведь был в блокаде. Когда приходила почта, это было великое событие. Получившие письма ликовали, а остальные понуро расходились по углам. И вот однажды, я уже не помню кто, подбегает ко мне и кричит: «Пляши!». И это значит, мне пришло долгожданное письмо. Я открываю его и замираю. Это пишет не мама, а моя тетя: «...Ты уже большой мальчик и должен знать. Мамы и бабушки больше нет, они умерли от голода в Ленинграде...». Внутри все похолодело. Я никого не вижу и ничего не слышу, и только слезы льются рекой из широко раскрытых глаз. А в голове повторяются страшные слова: больше нет, больше нет, больше нет. Мне кажется, что меня сейчас тоже не будет. Я не мог прийти в себя несколько недель и думаю, что со мной ничего серьезного не случилось только благодаря усилиям моих товарищей. Они очень хорошо понимали меня и разделяли мое горе. Я, пожалуй, больше никогда в жизни не получал столько ласки и искреннего сочувствия, как от этих



еще маленьких, но быстро взрослевших ребят. Они-то отлично понимали, что на моем месте мог быть любой из них.

Мы очень скучали не только по родным, но и по нашему любимому городу. Почти каждый день кто-нибудь произносил: «А ты помнишь, как это было в Ленинграде?». У нас была даже любимая игра, которую можно было назвать «Прогулки по Ленинграду». Мы собирались вечерами кучкой и выбирали какую-нибудь известную улицу, например, Садовую, Невский или Герцена, и мысленно проходили по ней от начала до конца, пытались вспомнить все, что на ней располагалось. Дома и их внешний вид, магазины и что в них продавалось, и даже маленькие киоски, в которых можно было купить ириски или лимонад. Конечно, вспомнить все это можно было только вместе. Часто завязывались споры. Нет, это находится на правой, а не на левой стороне. И сперва рыбный магазин, а уж потом каланча. Постепенно все улицы выстраивались в нужном порядке, и это навсегда укладывалось в голову, как карта. Когда я вернулся в Ленинград и гулял по улицам, я часто поражался, с какой точностью и в каких мелких деталях мы по памяти восстанавливали внешний вид города. С годами, пока шла война, это чувство тоски по городу не угасало, а, наоборот, возрастало. И когда пришло время, и мы вернулись домой, то встречались с городом, как с живым существом, как со старым другом, а в душе звучали слова популярной в то время песни: «Я счастлив, что я ленинградец, что в городе этом живу...».

Помимо школьных занятий, мы должны были топить печку, пилить дрова, приносить воду из бочки, которую привозила каждый день старая понурая лошадь, приводить в порядок наше жилище. Но кроме этого еще образовался наш внутренний маленький театр, в котором принимали участие наши воспитатели и старшие ребята. Я был еще маленький и не принимал в этом участия, но я помню, с каким волнением мы смотрели близкую нашему сердцу пьесу К. Симонова «Дни и ночи». Нам казалось, что мы тоже там, вместе с ними, а не далеко в тылу. На представления приходили местные жители и очень часто советовали актерам прямо из зала, как им следует поступить в том или ином случае.

Это был совсем равнодушный зритель, и от этого еще острее казалось, что все, что мы видим, происходит здесь и на самом деле.

Наступила весна. Сошел снег, и зазеленела широкая степь, Это было так красиво, и так хотелось туда, но к этому времени наши ботинки почти совсем развалились, и нас никуда не пускали. Мы их перевязывали веревками, но подошвы упорно не хотели оставаться на месте. К нашей радости однажды наши воспитатели принесли новую обувь, но она не всегда подходила. Мне, например, достались замечательные высокие сапоги. Они были моего размера, но было очень трудно просунуть ногу через узкое отверстие. Других подходящих сапог не было. И вот, к всеобщему удовольствию, по утрам я выходил на веранду и долго заколачивал свои ноги в непослушные сапоги. Теперь можно было бежать в степь. Там мы играли в лунки. Каждый делал себе палку с загибом на конце наподобие клюшки, а также ямку в земле, в которую эта клюшка вставлялась. Затем мы считались: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной — отгадай, кто ты такой». Потом мы вставляли к нашим лункам, а водящий подкидывал высоко вверх мячик и выкрикивал чье-нибудь имя. Названному надо было поймать мячик и в свою очередь выкрикнуть новое имя. Если мячик не удавалось поймать с воздуха, водящий ловил его там, где он упал и пытался запятнать им игроков, которые не имели права отходить от своих лунок, но могли отбивать его клюшками. Тот, кого запятнали, становился водящим.

Мы очень полюбили наш санаторий, но, к сожалению, его скоро пришлось покинуть. В начале лета в свободных домиках появились какие-то люди. Их становилось все больше и больше. Это были больные туберкулезом. Как нам объяснили, это очень заразная болезнь. Несмотря на все просьбы воспитателей, они не обращали на нас никакого внимания, отхаркивались и плевали, где попало. Взрослые решили, что нам нужно как можно быстрее отсюда убираться.

И вот, в очередной раз, мы покидаем наш дом. Опять на нашей территории появились лошади, но в этот раз они были запряжены в длинные-длинные телеги с многочисленными

палками, отходящими от них высоко вверх под углом и скрепленными длинными жердями. Такую телегу почему-то называли арбой. На них погрузили все наши вещи, мы расположились на них на самом верху, и наш караван двинулся вперед прямо через степь. Была чудесная погода, ярко сияло солнце, а вокруг яркими красками расцветала степь. Телега равномерно покачивалась, и когда я закрывал глаза, мне казалось, что мы едем не на телегах, а на верблюдах, и не по степи, а по пустыне. Но чудные запахи окружающих нас разнообразных цветов возвращали меня к действительности. Мы ехали целый день, и целый день эти запахи менялись. Оказывается, степь пахнет по-разному утром, днем и вечером и даже ночью, но это я понял позднее. В степи было много полыни. У нее был своеобразный, но приятный и родной запах, который запомнился на всю жизнь. Даже через много лет достаточно было почувствовать запах полыни, как картины цветущей степи возникали перед глазами. Потом уже, когда я встретил в стихотворении Пушкина «Емшан» строки —

«Степной травы пучок сухой,

Он и сухой благоухает.

И разом степи надо мной

Все обаянье воскрешает»<sup>9</sup>, — я удивился, как точно они передают мои ощущения.

Приехали мы только поздно вечером. На ночь нас разместили в большом каменном здании, которое называлось клубом, и мы только утром рассмотрели, в какое интересное и удивительно красивое место мы попали. Это было большое татарское село, около полутора тысяч жителей, которое называлось Никифарово. Здесь начиналось предгорье Урала, и перед нами возвышались еще не горы, но очень высокие холмы, покрытые зеленой травой и небольшими рощицами. У подножья этих холмов, опоясывая их, протекала маленькая мелкая, но энергичная речка, которую мы прозвали Гусынкой, потому что в ней все время плескались утки и гуси. Вдоль этой реки и располагалось наше село. Оно

<sup>9</sup> Стихотворение А. Н. Майкова.

имело только одну длинную улицу, огибающую возвышающиеся холмы. Где-то в середине от нее отходил переулок, который вел к нашей территории. Нас поселили в длинный одноэтажный дом, который, как оказалось позже, был когда-то молитвенным домом, или мечетью, но без минарета. Это и определило отношение местных жителей к нам. Они считали, что мы осквернили это святое для них место и поэтому нас ненавидели. Еще с того времени, когда мы скитались по разным станциям, к нам привязалась очень симпатичная и добрая лохматая собака, которую мы называли Находкой. Она действительно была для нас находкой. Она играла с нами, сопровождала нас во всех наших странствиях и добросовестно охраняла наш дом и нашу территорию. За это в нее два или три раза стреляли откуда-то из села дробью, после чего она, скуля и подвывая, исчезала в ближайшем лесочке, ела какую-то траву и через несколько дней появлялась снова веселая и ласковая к нам, но непримиримая ко всем чужим, появлявшимся рядом с нашим домом.

Дом, в котором мы разместились, состоял из трех последовательно расположенных помещений. Сразу у входа была наша столовая, а заодно и школьный класс. Посередине стояла большая печь, вплотную к ней примыкал большой книжный шкаф, в котором хранилась посуда. За ними за занавеской жили четыре старшие девочки. Остальное пространство занимал длинный-длинный стол, за которым мы ели, сидели на занятиях и делали домашние задания при свете коптилок, потому что электричества не было. Мы вообще забыли, что такое электричество на ближайшие два года. В следующей большой комнате жили все средние девочки. Их было человек двенадцать. Там же находились две неизвестно откуда взявшиеся школьные парты. В последней, самой маленькой комнате находились все мальчики от четвертого до десятого класса, и тоже стояли две парты лицом друг к другу. Собственно говоря, было-то нас совсем немного — семь или восемь человек. Спали мы на деревянных топчанах, на которых лежали матрасы, набитые сухим сеном, и подушки тоже с сеном. Вся малышня находилась неподалеку от нас в другом доме,

но мы практически не встречались и жили как-то независимо друг от друга. Напротив, в небольшом двухэтажном домике с длинной лестницей, была наша кухня. Немного поодаль от нее располагался маленький огородик, где мы весной сажали картошку, а осенью собирали урожай. Рядом с ним стоял туалет, которым приходилось пользоваться круглый год независимо от погоды.

Сначала мы начали ходить в татарскую школу, но потом пришлось это прекратить, потому что ходить надо было за пять километров, и утром было еще темно, а вечером, когда мы возвращались, было уже темно. А вокруг бегали голодные волки. Зимой, во время войны, их развелось невероятное множество. Они бежали стаями и нападали на людей, даже если те ехали на санях. Очень часто по вечерам за околицей можно было слышать их завывание. Наши воспитатели за нас очень боялись. В результате школа была организована прямо в интернате. Учителя у нас были необычные. Это были мамы и бабушки наших ребят, которые постепенно добирались до нас из осажденного Ленинграда. Единственным мужчиной был директор нашего интерната композитор Арсений Павлович Гладковский<sup>10</sup>. Помимо музыки он увлекался астрономией и поэтому преподавал в старших классах математику и астрономию. Немецкий язык преподавала бабушка Маневич, которая окончила немецкую гимназию Анненшуле<sup>11</sup> и знала язык как свой родной. Химии нас учила студентка медицинского института, которая снабдила нас очень полезными мнемоническими приемами для запоминания свойств химических веществ.

<sup>10</sup> Гладковский Арсений Павлович (1894–1945) — советский композитор, автор первой советской оперы «За красный Петроград, или 1919 год». Председатель бюро секции композиторов Всероскомдрама в Ленинграде (1929–1932), председатель горкома композиторов Ленинграда (1932–1940), преподаватель композиции музыкального училища и школы при Ленинградской консерватории и Дворца пионеров (1934–1941).

<sup>11</sup> Анненшуле — Училище Святой Анны (нем. Annenschule) — школа в Санкт-Петербурге, основанная в 1736 году для обучения детей немецких поселенцев. С 1934 года в бывшем здании для начальных школ размещалась средняя школа № 32 (ныне — № 203), а в старом здании Училища с 1922 года — № 11 (с 1941 года — № 189). В настоящее время — это физико-математический лицей № 239.

Некоторые я запомнил до сих пор. Например, сера, сера, сера S, тридцать два атомный вес, сера в воздухе горит, выделяет ангидрид. Или — алюминий, хром и висмут на трех палочках повисли. Калий, натрий, серебро — одновалентное добро. Литературу нам преподавала старший научный сотрудник института русского языка и литературы. Это было восхитительно. Это были не уроки, а целые представления, на которые помимо учеников собиралось почти все взрослое население интерната. Я помню, как она стоит посередине нашей средней комнаты, где жили девочки, и рассказывает про драму Лермонтова «Маскарад». Она одновременно объясняет смысл написанного, произносит с выражением монологи действующих лиц, вскрывает истинную причину развивающейся драмы, попутно анализирует филологические особенности автора и, наконец, общественную значимость произведения. Во время этого великолепного представления вся комната забита народом. Сидят на кроватях, на полу, теснятся в дверях. Одни выглядывают из-за других, и при этом в комнате стоит полная тишина. Это был театр одного актера.

Я никогда не забуду этих уроков. Они научили меня, может быть, самому важному: в любой творческой деятельности, через конкретное действие, образы, продукт передавать свое видение окружающего мира. Тогда это будет не просто занимательный рассказ для времяпровождения, а глубоко проникающая история, заставляющая трепетать клетки всего вашего существа и способная изменить что-то в душе читателя или зрителя.

Английскому языку учила нас ее дочка, которая прожила долгое время в Америке. Она учила нас скорее не грамматике, а какому-то другому способу общения и выражения чувств. Я не получил практических знаний из этих уроков, но зато запомнил детские песни и романсы, которые она нам пела. Самым хорошим в нашей школе было, как я сейчас понимаю, очень требовательное, но неформальное отношение учителей к ученикам. Ведь все они были мамы или бабушки, а мы для них были, прежде всего, их детьми, а потом уже учениками. Поддерживать такие отношения было легко, потому что классы были малюсенькие.

В нашем пятом классе, например, было всего четыре ученика, а в десятом только один.

С каждым месяцем родителей прибавлялось. Они устраивались жить и работать в деревне, но некоторые из них работали в интернате и исполняли роли учителей, водовозов, медсестер, поваров или делали еще что-то, нам непонятное. Но все это были женщины, и выполнять тяжелую работу им было трудно. Поэтому ее пришлось делать нам — старшим и средним мальчикам.

Мы научились пилить и колоть дрова. В основном это были дуб и береза. Дуб было очень тяжело пилить, но кололся он, как сахар. Береза, наоборот, пилилась легко, но топор в ней увязал. Вообще, хорошо колоть дрова — это целое искусство. Сначала надо осмотреть полено, понять, как расположены в нем суки, наметить направление первого удара, потому что от него зависит, как пойдет дело дальше, и только потом приниматься за работу. Самый шик — это когда полено разваливается пополам после первого удара. Очень часто поленья бывали такие толстые, что их даже не обхватишь руками. Вот и прыгаешь вокруг него, пытаешься найти слабое место. Дрова были нужны, прежде всего, для кухни, ну и конечно, для наших домов. Скоро наши запасы кончились, и нужно было отправляться в лес за новыми дровами. Колхоз выделил нам лошадь и делянку в лесу, и под руководством опытного человека нужно было ехать в лес заготавливать дрова. В качестве лесорубов назначили меня и несколько других крепких мальчиков, и мы по очереди направлялись в лес, который был километрах в 15 от села. Оказалось, что валить деревья — не такая простая задача. Сначала нужно выбрать дерево, которое не повиснет на других деревьях, когда будет падать. Потом нужно определить направление его падения, чтобы правильно начать его пилить. Это нужно сделать очень точно, иначе оно упадет не туда, а еще хуже — может упасть на тебя самого. Я лежал под деревом один только раз, но, к счастью, удачно. Это было зимой, и оно только вдавило меня в снег. Начинать пилить надо со стороны, противоположной предполагаемому падению, и не больше чем на одну треть его ствола. Затем начинаем пилить с той

стороны, куда оно будет падать, сантиметров на 10–15 ниже, чем первый пропилил, до тех пор, пока не начнет затирать пилу. Это значит, что дерево начинает падать и нужно поскорей убираться подальше от него. Но не всегда это происходит так удачно, и приходится забрасывать на него веревку и тянуть на себя до тех пор, пока оно не начнет действительно падать. Тогда уже важно не попасть под него. Когда оно уже лежит, нужно топором обрубить все сучья. И это тоже не так просто, потому что дерево лежит на своих ветвях и пружинит, когда ты их обрубашь. Потом ствол нужно распилить на части по два или три метра длиной. И, наконец, самая трудная и тяжелая задача — нужно обвязать веревкой каждую отпиленную часть и тащить на себе, как лошадь, до того места, где складывается поленница недалеко от дороги. Часть этих длинных поленьев нужно было погрузить на телегу или на сани, чтобы отвезти домой, где их очень ждут. Работа была очень тяжелая, и к концу мы буквально валялись с ног. Осенью было еще ничего, а вот когда наступила зима, очень холодная, с крутыми морозами, стало совсем невмоготу. Одеты-то мы были очень плохо. На ногах лапти. Да-да, самые настоящие лапти. В деревне их плел бывший мулла и снабжал всю нашу босоногую команду очень симпатичными и даже изящными татарскими лаптями. Они не такие, как русские. Русские — глубокие и с заостренными носами, а эти — мелкие, и носы тупые. Сначала мы обматывали ноги длинными тряпками наподобие обмоток и потом одевали лапти. Наши взрослые постепенно снабдили нас шерстяными носками, которые они вязали сами, и это было гораздо удобнее. В летнее и зимнее время в них было очень удобно, но осенью и весной мы все время ходили с мокрыми ногами, потому что они пропускали воду, как решето. Вообще наша одежда порядочно поизносилась за это время. Я как-то принялся считать, сколько дырок на моих штанах, и обнаружил, что их тридцать пять. Да, и у других ребят их было не меньше. Мы освоили технику шитья и штопанья и пытались сохранить остатки нашей одежды, но это плохо помогало. И вот в этих драных штанах и с тоненькими ва-режками на руках я отправлялся на лесозаготовки. Руки и ноги



быстро замерзали. В сильные морозы пилишь и плачешь, плачешь и пилишь. Руки леденеют, перестают слушаться, и начинается боль, совсем особенная, непохожая на другие, как будто тебя жарят на костре. Потом начинаешь прыгать до изнеможения, пока не вспотеешь. Только таким образом удавалось согреть замерзшие руки и ноги. А когда руки и ноги отходили, начиналась такая боль, что хотелось волком выть. И все-таки в конце концов я отморозил себе и то, и другое, и в течение многих последующих лет они были очень чувствительны к морозам.

Зато по приезде домой меня ждал второй обед. Это была плата за нашу работу, и очень важная плата. Дело в том, что к концу 1942 года с едой у нас стало совсем плохо. Мы все время ходили голодные и смотрели по сторонам — нельзя ли что-нибудь съесть. Особенно плохо было зимой. Вот примерное питание в течение дня. Утром на завтрак две большие ложки ячневой каши и чай, чаще всего без сахара. На обед полмиски супа и на второе опять каша, хорошо если пшеничная. При этом часто бывало, что суп варили из тухлого мяса, другого не было, и перед тобой стоял выбор: или отказаться от супа, или есть его, зажимая нос. На ужин опять ячневая каша и опять чай. Я возненавидел эту ячневую кашу на всю жизнь. Хлеб давали только один раз утром и на весь день. Его можно было съесть сразу или же сохранить до обеда и ужина. Большинство съедало сразу. Да и что там было есть. Это были куски черного горького хлеба весом двести пятьдесят грамм. Горький из-за полыни, потому что полоть было некому, и рожь собирали вместе с полынью. Как правило, порции хлеба приносили вечером на большом подносе и ставили наверх книжного шкафа до утра. И вот ночью проводилась операция под названием «сшибание довесков». Наиболее лихие и всегда голодные мальчишки из последней комнаты проползали бесшумно в первую комнату и снимали с порций маленькие кусочки хлеба. Так как каждый получал хлеб по весу, трудно было отрезать так, чтобы это был только один кусок. Я, правда, никогда этого не делал, мне было как-то совестно и неприятно отбирать еду у других. Летом, конечно, было лучше с едой, потому что нам помогал

подножный корм. Мы быстро изучили на практике, какие травы можно есть, а какие нельзя. Мы собирали для кухни и для себя конский щавель, дикий лук, молодую крапиву и ряд других трав, название которых я уже забыл. Оказалось, что можно есть даже тростник, если предварительно снять верхний слой и оставить только саму трубку. Конечно, мы собирали и грибы, и ягоды. А когда начинали нестись птицы, открывалась охота за вороньими яйцами. Это было увлекательное, но довольно опасное занятие. Сначала надо было найти гнездо на дереве, на которое можно было залезть. Затем в рот бралась кепка таким образом, чтобы в нее можно было положить яйца, и с нею в зубах мы начинали забираться на самую верхушку дерева, где обычно располагались вороньи гнезда. Пока были толстые сучья, было относительно легко взбираться вверх, но когда ты добираешься до самых тонких веток, начинается самое трудное. Надо двигаться осторожно, сохраняя равновесие, как на канате в цирке. К тому же вороны активно не соглашались с нашими намерениями и норовили клюнуть в лицо, отстаивая свое потомство. Наконец, ты добираешься до гнезда и начинаешь одной рукой осторожно перекладывать в кепку маленькие и очень хрупкие зелененькие в крапинку яйца. При этом обязательно надо было оставить одно или два яйца. Тогда вороны дополнительно откладывали яйца, и операцию можно было повторять несколько раз. Если же забрать все яйца, вороны покидали гнездо и больше не возвращались. Один раз мы собрали сто яиц, и нам сделали огромную яичницу на всю нашу компанию. Чаше, правда, ребята ели яйца прямо сырыми. При выборе дерева важно было не попасть на осину, уж очень она ломкая, и с нее легко свалиться. Я однажды испытал это удовольствие. Одно время у нас было развлечение под названием «спускаться на парашюте». Мы забирались на высокие тоненькие березки и, добравшись до самого верха, отталкивались от ствола ногами и повисали на руках. Береза медленно и плавно изгибалась, и мы с замиранием сердца приземлялись. Я однажды также забрался на такую березу, но она почему-то не захотела сгибаться, несмотря на все мои усилия. Я отталкивался вовсю

ногами, но ничего не получалось. Вдруг раздался громкий треск, и я с верхушкой дерева в обеих руках полетел вниз. Хорошо, что внизу были заросли крапивы. Я упал спиной прямо на нее и, наверное, потерял сознание. Когда я открыл глаза, я долго не мог понять, где я — еще здесь или уже на том свете. К счастью, я был на этом свете, а береза оказалась осиной. Когда я выбрался из зарослей, все мое тело было покрыто волдырями от злой крапивы.

Другим способом добывания пищи была рыбная ловля. Недалеко от деревни, километрах в пяти, протекала большая и полноводная река под названием Дема. Летом мы отправлялись к ней и пытались наловить рыбы для еды. Это было нелегко, попадалась какая-то мелочь. Тогда мы смастерили некое подобие перемета. Это была длинная веревка со многими самодельными крючками, на которые насаживали червяков или маленьких рыбешек. Мы натягивали ее поперек реки, а на следующий день приходили собирать урожай. Так как он был очень невелик, то мы договорились, что каждый раз он будет принадлежать кому-нибудь одному из нас. Обычно это были окуни, но именно в тот день, когда улов был моим, мы неожиданно вытащили огромного судака. Он был такой большой и сильный, что сорвался с крючка и запрыгал обратно к воде. Боясь его упустить, я бросился на него всем телом и удержал. При этом, однако, весь мой живот был покрыт многочисленными ссадинами от его плавников. Торжествуя, мы явились на кухню и попросили сварить из него суп. Наша добыча произвела на всех большое впечатление. Нам выдали самую большую кастрюлю, но сказали, что чистить его должны мы сами, чем мы и занялись в нашей комнате. Не знаю уж, как это получилось, но когда суп был сварен, оказалось что есть его нельзя. При подготовке и разделке огромной рыбыны в кастрюлю попал кусочек грифеля от чернильного карандаша, и весь суп был фиолетовым. Мы бы его съели и таким, но тут вызвали нашего доктора, и он категорически запретил это делать. Видели бы вы, как эти уже вполне большие ребята стояли кучкой около кухни и размазывали слезы по щекам. Это был массовый плач. Такие были надежды вкусно поесть.

Медицина еще раз вмешалась в наши пищевые эксперименты. Не знаю уж, по какому случаю, но нас неожиданно решили порадовать оладьями. Их было, правда, очень мало — всего по пять штук, и они к тому же были очень кислые. Все равно не наешься. И вот, кому-то в голову пришла, с нашей точки зрения, гениальная идея. Давайте устроим соревнование, кто может больше съесть оладий. Но при этом запрещается пить воду. Сошлись на том, что их исходное число должно быть 15 или 20. Я уже не помню, сколько было точно, но передо мной лежала весьма внушительная стопка блинчиков. Сказано — сделано. И вот в разгар нашего турнира явилась наша докторша и прекратила это увлекательное занятие. «Вы с ума сошли! У вас будет заворот кишок! Пинаев, немедленно в изолятор». Несмотря на все наши протесты, она была неумолима. Мы ей не верили, но что такое заворот кишок знали отлично. Как это ни странно, но, несмотря на голод, холод и все наши странствия, никто ничем серьезным не болел. Все мои болезни, например, из которых я не вылезал дома, улетучились на много лет вперед. Единственный серьезный случай был еще в Шафраново, когда у нас умерла маленькая девочка. Я помню, как мы молча стояли у гроба и смотрели на нее, а она лежала такая красивая с румянцем на щеках, и нам казалось, что она просто заснула. Тогда-то и прозвучали эти страшные слова «Она умерла от заворота кишок». И это мы запомнили на всю жизнь. Нам объяснили это так. Когда человек долго не ест, а потом вдруг наедается до отвала, у кишок начинаются судороги, они заворачиваются, и в животе начинается воспаление.

Пытались мы заняться и охотой на птиц. Мы изготовили луки из дубовых ветвей, сделали стрелы, на конце которых укрепили гвозди, и отправились на высокие холмы через Гусынку. Хотя птиц было множество, подстрелить их нам не удавалось. Они были достаточно умны и летали слишком высоко для наших стрел. Единственной добычей оказался молоденький ястреб, которого стрела даже не ранила, а сильно стукнула, и он свалился на землю. Нам стало его жалко. Мы принесли его домой, сделали некоторое подобие вольера и пустили в него птицу. Мы его

подкармливали, как могли. За лето он вырос, окреп и осенью стал проситься на волю. Когда его выпустили, он перелетел на плетень, оглянулся и улетел. Нам было грустно, мы привыкли к нему. Вдруг вечером мы услышали знакомый резкий крик. Оказалось, что он вернулся и звал нас, чтобы мы пустили его в вольер. Так продолжалось довольно долго. По утрам он улетал, а вечерами возвращался домой. Наконец однажды поздней осенью он взлетел, сделал несколько кругов над нашим домом, прокричал нам что-то и улетел навсегда. Мне подумалось тогда: вот так мы теряем наших близких.

Родителей прибывало все больше и больше. Некоторые забирали своих детей и уезжали. Так, уехала моя сестренка со своей мамой к дяде, который тоже находился в Башкирии недалеко от нас. Но большинство жило где-то в деревне, и нас, детей без родных, становилось все меньше и меньше и в конце концов без матерей осталось всего семь или восемь человек. Нас так и звали — «безматерные». Все приехавшие были городские женщины, для которых было трудно освоиться с сельской жизнью. И вот по этой причине или из сострадания нас, безматерных, иногда приглашали напилить и наколоть дров. За это нас кормили обедом. Случалось так, что в один и тот же день мы получали несколько приглашений. Мы их, конечно, принимали и от обедов не отказывались, потому что если откажешься, то в следующий раз не дадут. Зато какой был праздник, когда из дома или с фронта присылали небольшие деньги. Мы отправлялись на базар и покупали, прежде всего, мешок картошки. Если деньги оставались, то можно было еще купить катык (простоквашу) или ушмурт (это лепешки из растертой черемухи). Но картошку эту мы ели особым образом. Ее не варили, а нарезали ломтиками, насаживали на длинные лучинки, садились всем скопом у открытой горячей печки и поджаривали их на огне. А когда печка прогорала, мы зарывали картофелины в горячую золу и получали печеную картошку. Это было пиршество, но, к сожалению, недолгое. Нас было много, а картошки мало. Должен сказать, что каждый щедро делился этими радостями с другими. Жадным и скупым в нашей

компании было не место. Вообще понятие «друг» у нас очень отличалось от современного понимания этого слова. Конечно, вместе с друзьями мы тоже развлекались, как могли. И шутили, и играли, и устраивали всякие проказы, но это было не главное. А главным было совсем другое. Друг всегда был с тобой и в радостях, и в горестях, всегда был готов поделиться последним и протянуть руку помощи даже тогда, когда мог погибнуть сам. Мы это знали. Мы это чувствовали. И это придавало нам силы сохранить себя. Мы никогда не жаловались и довольно стойко выдерживали всю тяжесть нашей далеко не простой жизни. Я могу привести только один пример, который врезался в мою память на всю жизнь. Конечно, мы ходили на Дему не только ловить рыбу, но и купаться. Река была быстрая и глубокая с водоворотами. Переплыть ее можно было минут за семь, но за эти семь минут вас относило вниз по течению метров на сто. Так что для плохих пловцов она была довольно опасная, но мы до поры до времени этого не понимали. Наш берег был низкий и пологий, а противоположный — высокий и крутой. И вот на том берегу, наверху была укреплена доска, с которой местные мальчишки ныряли в воду. Конечно, мы тоже стали отважно переплывать реку и нырять с этой доски. Главной задачей было после нырка быстро подняться на поверхность и изо всех сил плыть к нашему берегу. Иначе затянет в водоворот, который был поблизости. Однажды Игорь Гамалея, который был неважным пловцом, нырнул с доски, но выплыть не сумел. Я вижу, как он барахтается, как погружается в воду его рыжая шевелюра и понимаю, что он тонет. Недолго раздумывая, с криком «Держись, я иду» я бросаюсь в воду, плыву к нему, вытягиваю за волосы на поверхность его голову и пытаюсь по всем правилам спасения утопающих вытянуть его из водоворота к берегу. Но он, уже почти ничего не понимая, обхватывает меня руками, и мы начинаем тонуть вместе. Я не могу от него освободиться и только издаю отчаянный крик. На этот крик отзываются все ребята, которые были на берегу. Я не знаю, как они догадались, но все мгновенно вошли в быструю воду и устроили длинную цепочку. И те, кто умел плавать, и те, кто совсем не умел.

Борясь с течением и захлебываясь, но упорно вытягивая эту цепь поперек реки, они сумели ухватить нас и вытянуть на берег. Игорь не подавал признаков жизни. Мы положили его вниз лицом через колено и непрерывно сжимали ему грудь руками. Через несколько минут у него из горла хлынула вода, и он стал постепенно приходить в себя. Все это заняло нескольких минут, в течение которых ни один из нас даже не подумал о себе. Нас этому никто не учил. Это был момент истины. Все ринулись спасать друзей. Потом уже, по возвращении домой, не сговариваясь, мы ни одним словом не обмолвились об этом происшествии. Это так и осталось навсегда нашим внутренним делом.

После моего лесорубства я получил повышение. Меня назначили в конюхи. Я вообще любил животных. А тут такие большие и такие душевные. Они тебя видят, они тебя слышат, и они тебя ждут. Я научился их мыть, расчесывать гривы и, главное, никогда не подходить к ним сзади, потому что с перепугу они могут дать тебе подковой в лоб. А самое приятное, это когда конь подходит со спины, кладет тебе голову на плечо и издает какой-то внутренний звук, похожий на ржание, означающий одновременно благодарность, доверие к другу и просьбу: не дашь ли чего-нибудь вкусненького? А что я могу дать? У меня самого-то ничего нет. Погладишь бархатные ноздри и мягкие осторожные губы, которые в следующий раз тихонько возьмут с твоей ладони корочку хлеба или теплую картофелину. Лошади во время войны тоже голодали. Им не хватало корма и хорошего сена, особенно зимой. Я освоил процедуру запрягания лошадей, как надевать хомут. А надевать-то надо широкой стороной вверх, а не наоборот. Как заводить лошадь в оглобли и как прилаживать дугу: только после того, как наденешь седелку, подтянешь подпругу и поднимешь оглобли вверх. И, наконец, только после того, как вся сложная амуниция водружена на лошадь, окончательно затягивается хомут. Чтобы дуга стояла вертикально и не заваливалась назад, нужно ремни от хомута заводить сзади дуги, а крепить спереди. Потом уже с большим трудом в рот вставляешь удила и привязываешь вожжи. Все готово, можно ехать. Но править лошадьми,

особенно с пристяжной или тройкой, оказалось очень непросто. Вожжи надо держать свободно, не натягивать удила и ни в коем случае не бить лошадь кнутом или палкой, а только грозить или щелкать. Они умные, и если их не испугаешь, всегда найдут правильную дорогу. Им нужно только подсказать, они покивают головой и повернут в нужном направлении. А как здорово ездить в ночное! Сидишь на спине без седла, сползая то на один, то на другой бок. Лошадь несется вперед без принуждения, раздувая ноздри и чувствуя, что настал час свободы. Пересекаем Гусынку, взлетаем вверх к холмам и там, в долине, стреноживаем лошадей и отпускаем их на всю ночь. Сначала они благодарно ржут и разбегаются в разные стороны, а потом постепенно собираются вместе и ведут себя, как и мы, — бесконечные разговоры. Мы сидим у костра и по заведенной кем-то традиции по очереди рассказываем удивительные истории и небылицы. Тут же идет непрерывный урок татарского языка, и мы знакомимся с их обычаями, правилами поведения, песнями и танцами. А потом беседы постепенно затихают, и мы засыпаем, изредка вскакивая и проверяя, не убежали ли лошади. Хотя куда им убежать со связанными ногами? Но я думаю, что сдерживают их не столько ноги, сколько желание быть вместе. Рано утром, как только встает солнце, мы пускаемся в обратный путь, отдохнувшие кони и невыспавшиеся ребята. Вообще-то лошади, как и люди, имеют разные характеры, и к каждой нужен свой подход. Был у нас, например, один норовистый и упрямый жеребец, которого почему-то прозвали Меринадзе. Он мог встать на дыбы, укусить или лягнуть, но при этом еще обладал чувством юмора. Однажды утром, когда нужно было быстро отправляться на работу, я долго ловил его на лугу. Наконец, поймал, снял с него путы, забрался к нему на спину и начал его понукать, чтобы он бежал домой поскорее. И вот на всем скаку он внезапно останавливается как вкопанный, а я лечу через голову вниз и крепко ударяюсь о землю. Охая, поднимаюсь и вижу, что он спокойно стоит, как ни в чем не бывало и улыбается во всю свою лошадиную пасть. И что вы думаете? После этого фортеля он спокойно и мирно,



как овечка, позволяет делать с ним что угодно. Он показал свой характер и получил свое удовольствие.

Как вознице и конюху мне иногда приходилось выполнять сложные задания. Однажды в интернате полностью закончилась картошка, а получить ее в деревне почему-то было невозможно. И вот единственного мужчину-инвалида и меня в придачу отправляют за этой картошкой куда-то далеко, за шестьдесят или восемьдесят километров в районный центр, где мы должны получить ее с государственного склада. Мы отправляемся рано утром на большой длинной арбе, в которую запряжена пара лошадей со странными кличками. Одну из них звали Самолет, а другую Вездеход, по-видимому, за выдающиеся ездовые способности. Действительно туда мы добрались довольно быстро, потому что они почти всю дорогу бежали рысью. К складу мы подъехали часа в два дня. Арбу полностью загрузили большими, по пятьдесят килограмм мешками с картошкой, мы забрались наверх и отправились в обратный путь. Лошади рванулись вперед, потом попятились назад, и наконец, тяжелая арба со скрипом двинулась вперед. Сначала все было хорошо. Это селение находилось на возвышенности, и дорога шла под уклон. Арба медленно, но равномерно двигалась вперед. Так продолжалось километров десять, но затем пошла холмистая местность, и лошадям стало не под силу тянуть в гору тяжеленную телегу. Мы съезжали с холма вниз, лошади останавливались, и никакими силами не удавалось их уговорить втянуть телегу на следующий пригорок. Единственным выходом из создавшегося положения было облегчить телегу. И вот, взваливаешь себе на спину пятидесятикилограммовые мешки и тащишь их наверх. Затем следующий мешок, и так около десятка. Затем телега въезжает на пригорок, и мы снова грузим мешки на телегу. Едем дальше, до следующего пригорка, и все повторяется снова. И так на протяжении следующих десяти километров. И мы, и лошади выдохлись. И тут наступает ночь. Мы в степи. Вокруг ни кустика. Костер собрать не из чего. Остается только лечь на голую землю, прижаться друг к другу и, дрожа как осиновый лист, дожидаться

восхода солнца. Лошади понуро стоят, почти не двигаясь, и пытаются насытиться редкими пучками травы. Запас сена, который у нас был, уже съеден ими, пока мы боролись с пригорками. Рано утром мы, замерзшие и голодные, запрягаем снова лошадей и продолжаем наш путь, борясь с местностью и с лошадиными силами. Наконец где-то около пяти часов вечера мы добираемся до нашего села. Оно видно километрах в двух или трех от нас. И тут лошади падают. У них подламываются ноги, и они валятся на дорогу с возгласами страдания и безнадежности и с укором в глазах роняют головы прямо в дорожную грязь. Это ужасное зрелище отчаяния и беспомощности, когда уже нет сил бороться с самим собой. Раньше я только в книгах читал — «лошади пали», а теперь увидел своими глазами, что это такое, и надеюсь никогда больше не быть ни причиной, ни свидетелем доведения животных до этого состояния. Поднять их было невозможно. Ни крики, ни удары хлыстом или палкой, ни попытки силой поставить их на ноги успеха не имели. В результате я почти в таком же лошадином состоянии, как во сне, едва передвигая ноги, отправляюсь в нашу деревню, захожу в наш дом, и медленно ворочая языком, говорю «Картошку привезли. Телега у деревни. Лошади пали». Затем я падаю сам и прихожу в себя только на следующее утро в изоляторе.

Конечно, наша жизнь состояла не только из таких тяжелых и запоминающихся событий. Стремление выбраться из нашего маленького и довольно однообразного мирка побудило нас создать довольно большую библиотеку, которая располагалась в нашей же комнате. Все приезжающие имели какие-нибудь книги и с удовольствием нам их отдавали. Кроме того, нам достались книги и журналы из старого и уже несуществующего клуба. Мы соорудили подобие стеллажей, разместили на них нашу необычную библиотеку, составили списки. Успех был необычайный. Жажда чтения охватила весь интернат, и долгое время от посетителей не было отбоя. Подбор книг, конечно, был случайный и своеобразный. У нас, например, оказались Библия, «Руководство по судовождению», а также целая стопка журналов «Нива» начала

века. Но в основном это была самая разнообразная художественная литература. Я с гордостью извещал отца и тетю, какие мне книжки удалось прочесть, и почему мне они понравились.

Мы, конечно же, играли в войну, и для этого было необходимо создавать оружие. Нас не удовлетворяли просто палки или сучья. Нет! Мы делали из обрезков деревянных досок самые настоящие автоматы, ружья и пистолеты. А для того чтобы они стреляли, я уж не помню, кто это придумал, для каждого автомата вырезались колесико с зубчиками и фанерная полоска. Когда колесико вертели, раздавался характерный треск, напоминающий автоматную очередь. Мы даже соорудили самый настоящий пулемет Максима и тоже прикрепили к нему трещотку. Зимой мы строили большие снежные крепости и делились на нападающих и обороняющихся. Кроме того, мы сами придумывали и создавали настольные игры и проводили за этим занятием долгие зимние вечера. У нас был один мальчик, который рисовал, раскрашивал и вырезал бумажных солдатиков, танки, самолеты, орудия и разнообразные машины. Он делал их десятками, сотнями. Они заполнили всю нашу комнату, и мы стали включать их в наши игры.

Вдруг летом сорок третьего года я получаю письмо от своей тети, которая, как оказалось, тоже находится в эвакуации и живет в городе Златоуст, где-то сразу за Уральскими горами. Она пишет, что работает сейчас в педагогическом институте, где готовят учителей, и преподает им русский язык. И вот она приглашает меня приехать к ней во время летних каникул и присылает денег на дорогу. Как выяснилось, Златоуст находился довольно близко от Башкирии, и это было осуществимо. Я учился и вел себя довольно хорошо, и после короткого разговора с Арсением Павловичем я получаю разрешение на эту поездку. Вы не представляете, какая это была радость — выбраться на какое-то время в новый и широкий мир после долгого пребывания в нашем селе. Но как я могу поехать в этих рваных штанах и в лаптях? Нет, это невозможно, и я уже был готов написать, что я не могу приехать. И тут происходит чудо. Я уж не знаю, на какие деньги, но мне покупают самый настоящий летний костюм из чертовой кожи бежевого

цвета. Это были самые настоящие длинные брюки и пиджак. Это были мои первые в жизни длинные брюки! Я выглядел в этом костюме, как щеголь с парижских бульваров. Все ребята сбежались посмотреть на такое необычайное зрелище и издавали возгласы восхищения и зависти. А у меня даже изменилась манера движения и поведения в этом блестящем одеянии. Не помню всех подробностей сборов и самого отъезда, но догадываюсь, что меня отвезли в районный центр Раевку и посадили на поезд. Помню отчетливо, что половину пути я просидел на подножке вагона с какими-то другими мальчишками и наблюдал, как наш поезд медленно, но упорно преодолевает Уральские горы. Они невысокие и протянуты в одном направлении несколькими почти параллельными хребтами, покрытыми невысокой зеленью и осыпями. Поезд движется вверх по диагонали и преодолевает эти хребты. Иногда он замедляет ход, останавливается. Паровоз тяжело вздыхает, пыхтит, а затем продолжает свою трудную работу. К вечеру мы прибываем в Златоуст. Меня встречает полная улыбчивая женщина невысокого роста, которую я очень смутно помнил из моего прошлого. Здесь по сути и происходит наше первое и настоящее знакомство. Она ведет меня к себе домой, где она снимает комнату в квартире рабочего с металлургического комбината, и тут происходит серьезный разговор, определивший на долгие годы мою дальнейшую жизнь. Она сообщает мне, что моя мама перед отъездом тети из Ленинграда, будучи неуверенной в дальнейшей судьбе, завещала меня ей и просила не оставлять меня, пока я не встану на ноги. Она дала такое обещание и теперь считает себя обязанной выполнить его. Сейчас она не может меня взять к себе, потому что у нее нет средств содержать меня, и поэтому будет лучше, если я вернусь в интернат и останусь там до тех пор, когда можно будет вернуться в Ленинград. Она будет следить за моей жизнью и устроит вызов домой, когда придет время. Она мне очень понравилась, потому что она была честным и открытым человеком. После этого в моей душе наступило некоторое успокоение по поводу моего будущего. После деревенского житья Златоуст показался мне огромным

городом, но совсем непохожим на все остальные, которые я видел до сих пор. Он расположен на отрогах Уральских гор, и поэтому его улицы бежали то вверх, то вниз, и казалось, что несколько отдельных маленьких городков, расположенных на высоких холмах, съехались вместе, да так и остались. В середине города в большой круглой долине было большое озеро — излюбленное место отдыха горожан. Тут я познакомился с высоченной вышкой для прыжков в воду. Сначала я прыгнул с самой низкой площадки, и это было такое же чувство, как нырять с нашей подкидной доски на Деме. Затем я поднялся на трехметровую высоту и после некоторого колебания отважился прыгнуть вниз. Дух замер, но я благополучно солдатиком вошел в воду. И, наконец, совсем осмелев, я забрался на пятиметровую высоту. Когда я подошел к краю и посмотрел вниз, мое сердце замерло, и я понял, что это не для меня. Я отпрянул, но спускаться было как-то неловко и стыдно. Тем более что внизу стояли какие-то мальчишки и девчонки и показывали на меня пальцами. Не знаю, чем бы все это кончилось, но в этот момент на площадку поднялось трое больших ребят. Один из них с ходу подбежал к краю и прыгнул вниз головой. А другой сказал мне: «Давай-давай, не задерживай. Прыгай быстрее, слабец». Этого я не мог пережить. На ослабших вдруг ногах, весь дрожа, я добрался до конца доски и, зажмурившись, полетел вниз. Не знаю, как летел, но громкий смех сопровождал мое нравственное и физическое падение. Сильный удар, полный рот воды, и я, охая и едва передвигая отбитыми ногами и руками, не считая все остальное, с трудом добирался до берега и выползаю на него. Пока я, лежа на спине, приходил в себя, вспомнил, как кто-то писал, что «вода мягка, пока об нее не ударишься». Да уж. Никогда не буду прыгуном в воду.

Тетя работала и каждый день уходила в институт, а я был предоставлен сам себе или иногда отправлялся вместе с ней и проводил весь день в институтской библиотеке, где погружался с большим удовольствием в разные миры. Как раз в это время она познакомила меня с научной фантастикой, о которой я до сих пор не имел никакого представления. Она мне

говорила, что ее очень важно читать, чтобы иметь представление о том, куда идет человечество. Тогда я не понял ее умных слов. Я уже совсем стал деревенским жителем и понимал очень хорошо только реальную и очень постоянную обстановку. Когда она была на работе, я бродил по городу и наблюдал совсем другую непривычную жизнь. Это были чужие люди, которые друг друга не знали, но которые становились знакомыми на короткое время, а затем снова становились чужими. Как это непохоже на нашу жизнь в Никифарово, где все знают всех.

Однажды тетя послала меня на базар, который находился недалеко от дома, купить молоко или что-то другое. Она дала мне деньги и сказала строго: «Не потеряй, у меня денег больше нет». Я быстро спустился вниз, подошел к длинным деревянным столам, где толпилась куча народу и, найдя нужные продукты, протянул деньги, получил сдачу, положил ее в задний карман и стал укладывать в сумку все купленное. Уложив, я опустил руку в карман и похолодел. Денег там не было. Я резко повернулся. За мной стояло несколько человек. Не знаю, как это произошло, но почему-то я схватил за руку одного из них и сказал: «Отдай деньги!». У меня не было времени на размышления, это произошло мгновенно, как-то само собой, как будто молния прорезала мой мозг. Он не выдернул руку, не закричал, а только тихо сказал: «Отойдем в сторону». Мы сделали несколько шагов в сторону, и он отдал мне мои деньги. А потом тихо, почти шепотом попросил «Дай три рубля. Я есть хочу». Я знал, что такое хотеть есть, дал ему эти три рубля, и он мгновенно исчез в толпе. У меня отлегло от сердца. Я очень боялся потерять эти последние тетины деньги. Я медленно пошел домой, размышляя о том, как это я понял, что деньги были у него. Это было какое-то неосознанное инстинктивное действие, которое произошло помимо моей воли. Когда я рассказал тете, что произошло на базаре, она похвалила меня и сказала, что у меня, по-видимому, редкий дар интуитивного поведения в непредвиденных обстоятельствах. Ее слова ничего мне не объяснили. Это было слишком сложно и непонятно для меня в то время, и я понял то, о чем она говорила, только спустя много лет.

Как я уже говорил, тетя жила в квартире рабочего и, вероятно, договорилась с его женой, что она будет готовить в том числе и на нас, пока я был в гостях. Поэтому меня каждый день кормили, и в супе было самое настоящее мясо — вкусное и душистое, которого никогда не было в интернате. Но его было так мало, да и порции были невелики. И вот однажды, когда никого не было дома, я подкрался к кастрюле, которая стояла на окне, открыл крышку и вытащил из нее кусок мяса. Это было так приятно, не торопясь, медленно переворачивать его во рту и глотать, глотать маленькими кусочками. Вечером, когда все сидели за столом, хозяйка вдруг сказала сама себе: «Странно, а мне казалось, что я рассчитала правильно». И мне стало мучительно стыдно. Я покраснел, как рак, но никто на меня не обратил внимания, или сделали вид. Это чувство вины преследовало меня все время, пока я был у тети. Я не давал никаких клятв, но знал твердо, что больше никогда этого не повторю. Дни пролетели быстро, и вот уже я отправляюсь в обратный путь. Мне было грустно, но в Златоусте я чувствовал себя не на месте и не дома. Сейчас моим домом был интернат, да и тетя для меня осталась не совсем понятной. Встретили меня весело и с вопросами. Как там было? Что делал? Что видел? И оказалось, что только в тот момент, когда я стал рассказывать, и собрались воедино все мои впечатления. О мясе я скромно умолчал.

Осенью у нас появились две новые девочки, которые потеряли родителей, и поэтому их направили в наш интернат. Они, конечно, не имели никакого отношения ни к музыке, ни к композиторам, но они тоже относились к «безматерным». Это были маленькие татарочки лет семи, плохо говорившие по-русски. Сначала они дичились и часто плакали, а потом привыкли и даже подружились с одноклассниками. Однажды к нашей Наталье Сергеевне подошла одна наша девочка и сказала, что уже несколько ночей под окном, у которого спят новые девочки, приходят какие-то люди и разговаривают с ними по-татарски через открытую форточку. Пришельцы что-то требуют от них или упрямывают, а те не соглашаются и даже плачут. Сначала мы думали,

что это их родственники или знакомые, которые стесняются подойти к ним днем. Но потом, когда Наталья Сергеевна с ними поговорила и заставила их сказать, о чем они разговаривали, выяснилась ужасная вещь. Оказалось, что это совсем чужие люди, которых девочки никогда не видели. Они требовали от девочек, чтобы они ночью отрыли входную дверь, и обещали, что их-то они не тронут. Девочки были перепуганы и дрожали, как осиновый лист. Страшная новость мгновенно распространилась среди нашего большого семейства, и несколько ночей мы почти не спали. Девочек переложили подальше от окна, и по ночам в доме стали по очереди дежурить взрослые. Наша входная дверь была очень слабенькая, и открыть ее не представляло большого труда. Поэтому мы стали теперь, помимо замка, просовывать через ручку здоровенный дубовый сук, который опирался концами на косяки и делал дверь очень крепкой. Но все равно уверенности в том, что она выдержит сильный напор ни у кого не было. Действительно, в течение нескольких дней ночью около нашего дома были слышны чьи то шаги. Кто-то поднимался по лестнке и трогал нашу дверь. У нас сердце замирало. Потом начинался лай Находки, ее рычание и визг, и затем были слышны убегающие шаги. По-видимому, взрослые обратились в местную милицию, потому что на несколько дней все прекратилось. Но однажды ночью опять пришли какие-то люди и стали ломиться в нашу дверь. Я помню, как я стою в темноте у этой двери, смотрю с надеждой на наш сук и держу в руках большой топор, которым мы кололи дрова. Мне безумно страшно, и я не знаю, что делать с этим топором, но я твердо знаю, что я должен защитить всех, кто находится за моей спиной. Дверь трещит, но пока выдерживает натиск, мои руки дрожат, и я чувствую себя, наверное, как те лошади, которые пали. Вдруг раздается какой-то шум, крики, звуки борьбы, вой Находки и затем постепенно все стихает. Топор вываливается из моих рук, и я, обессиленный от страшного напряжения, опускаюсь на ступеньки. Кажется, все кончилось. Не знаю, что произошло. Никто нам ничего не говорил, но вплоть до нашего отъезда из Никифарово ничего подобного



больше не происходило. Я не знаю, что в это время делали другие, я был сосредоточен только на двери. Кажется, они были готовы оборонять наши многочисленные окна.

Постепенно наша жизнь входит в обычную колею. Мы выкапываем наш урожай картошки, работаем на полях, убираем колхозное сено, ну, и конечно, продолжаем учиться. Я уже в седьмом классе. Происходит прием в комсомольцы, но я отказываюсь. Меня осуждают, и на какое-то время я становлюсь нежелательной персоной. Это был результат некоторых наших разговоров с тетей, которая сообщила мне некоторые подробности из истории нашей семьи, которые заставили меня несколько по-другому посмотреть на окружающий мир. Должен сказать, что стремление к сохранению внутренней свободы уберегло меня в дальнейшем от необходимости входить в противоречие с самим собой.

Приходит зима, и я получаю приглашение от моего дяди, который находится в Башкирии, и к которому уехала моя сестренка, приехать к ним на Новый год и на зимние каникулы. Я с удовольствием соглашаюсь. Он живет в районном центре, и от нашей станции Аксеново, которая находится в пятнадцати километрах от нашего села, туда идет поезд. Я приезжаю к ним и провожу изумительные десять дней с елкой, с интересными разговорами и попадаю даже на концерт, в котором он выступает со своей женой. Он был драматическим актером и режиссером. Как всегда, все хорошее быстро кончается, и приходит время снова ехать обратно домой, в интернат. Накануне вечером он говорит мне, что был на станции и выяснил, что билетов на поезд нет даже на месяц вперед. Поэтому как актер он предлагает разыграть следующую сценку. Он дает мне деньги на билет, мы приходим к поезду, он начинает разговаривать с кондуктором, а я прыгаю в вагон. Если приходит контроль, я отдаю деньги и еду дальше до моей станции. Затея мне понравилась. Сказано — сделано. И вот на завтра рано утром, в шесть часов мы отправляемся на вокзал, и первая часть задуманного нами плана осуществляется с блеском. Что уж он там говорил кондуктору, я не знаю, но тот стоял, разинув рот, и никого не видел. Я забрался в вагон,

в котором людей было, как сельди в бочке. Не то что сидеть, стоять было негде. Люди ехали с мешками. С какими-то большими, завернутыми в холстину вещами, с досками, с какими-то палками и даже с бочонками. Словом, все, что человек мог поднять, присутствовало в вагоне. Стоял громкий гул от одновременных разговоров, вскриков, ругательств и выяснения отношений. Поезд, наконец, тронулся, люди стали падать друг на друга, отдавливать ноги, а иногда и руки, и все это сопровождалось самыми откровенными высказываниями. Приблизительно через тридцать-сорок минут через эту толпу стали проталкиваться обозленные контролеры. У меня засосало под ложечкой, когда я увидел, как они обращаются с безбилетниками. Дошла очередь и до меня. Я что-то пролепетал, протянул деньги на билет и попытался объяснить, что я еду в интернат. Никто меня, конечно, не слушал. Деньги у меня взяли, затем взяли за шиворот и как мешок картошки, несмотря на мое сопротивление, просто вышвырнули из вагона на ближайшей станции. Пока поезд не ушел, вся эта контролерская компания стояла на ступеньках и ногами отталкивала всех желающих сесть в поезд. Они кричали: «Мест нет!» и не слушали никаких доводов. Поезд двинулся дальше, а я в результате остался один на платформе, без денег, без еды, не зная, куда и как мне ехать и вообще, что мне делать. У меня было такое ощущение, что жизнь кончилась. Я не знал, куда мне сейчас деться. Холодно, есть хочется, и слезы градом полились из моих глаз. Вдруг за спиной раздается мягкий женский голос: «Мальчик, что случилось? Почему ты так горько плачешь?». Я, захлебываясь слезами, судорожно всхлипывая, рассказываю, что со мной случилось. И снова начинаю рыдать. Вдруг она мне говорит: «Успокойся, не надо плакать. Пойдем со мной. Я думаю, мы сможем тебе помочь. У меня есть свои дети, и я хорошо тебя понимаю». Я с удивлением поднял на нее глаза. У нее было такое доброе лицо и такая спокойная улыбка, что я согласился и поплелся рядом с ней к ее дому. Мне, собственно говоря, нечего было терять, и никакого другого выхода из моего безнадежного положения я не видел. По дороге она мне сказала, что ее муж

работает на железной дороге в депо, и она думает, что когда он придет после работы домой, он сможет мне помочь добраться до моей станции. Мы пришли к ним в квартиру, она дала мне что-то поесть. Видно было, что и самим-то им есть было почти нечего. После этого она выслушала мою грустную историю, потом подошла ко мне, легонько прижала меня к себе и осторожно и мягко погладила меня по волосам. Я опять разревелся оттого, что за все эти годы так меня никто ни разу не приласкал. Было такое чувство, как будто это мама подошла ко мне и взъерошила мои волосы, как она любила делать, когда была в хорошем настроении. Потом я уселся на маленький детский стул посередине комнаты и сидел, почти не шевелясь, и с волнением ожидая прихода ее мужа. Она же пошла заниматься хозяйством. Наконец часов в пять вечера появился ее муж, выслушал мою историю, улыбнулся и коротко сказал: «Одевайся, пойдем». Мы пошли на станцию. Он оставил меня на вокзале, а сам исчез куда-то. Через несколько минут он опять появился и сказал: «Сейчас будет поезд. Вот тебе билет. Пойдем, я тебя посажу». Я с волнением стал его благодарить. Но он сказал: «Этого не надо. Я думаю, я даже уверен, что ты сделал бы то же самое на моем месте». Показался поезд. Он подошел вместе со мной к начальнику поезда, сказал ему какие-то слова и передал меня с рук на руки. Меня посадили к проводнику, и мы тронулись. Я сидел молча и думал, что произошло чудо. И почему? Ведь я им был совершенно не нужен. К сожалению, я по своей дурости не спросил, как их зовут. Я даже не запомнил, какая это была станция. Но на всю оставшуюся жизнь я запомнил эти короткие часы, вернувшие меня в мою жизнь. Я отчетливо представлял, что если бы не эта бескорыстная помощь, все могло круто измениться в моей жизни, а может быть, и самой бы ее не было более.

Поезд пришел на станцию Аксёново поздно вечером, было совсем темно, только один единственный фонарь освещал платформу. В домах было тоже темно, и вокзал был уже закрыт. Мне ничего другого не оставалось, как добираться пешком до нашего села. Все вокруг было покрыто снегом, а по нему

быстро не пойдешь. А идти-то надо больше пятнадцати километров. Делать нечего, и я пустился в путь. Дорога пролегла через лес, и только у самого села выходила в степь. Когда я отошел от станции километра два, в лесу раздались звуки, которые повергли меня в ужас. Это был вой голодных волков. Я совершенно о них забыл. Я оглянулся налево, направо и увидел, как в кустах горят их глаза. Я остановился, не зная, что делать дальше. Я знал очень хорошо, что бежать нельзя ни назад, ни вперед, потому что они сразу же нападут на меня и мне будет конец. К счастью, я вспомнил, что дядя подарил мне на Новый год фонарик. Не знаю, как это меня осенило, но я порылся в карманах, нашел там длинную бечевку и привязал к ней зажженный фонарик. Затем я привязал это сооружение к ремню брюк и двинулся вперед. Фонарик волочился по дороге, подпрыгивал и его свет освещал то одну, то другую сторону дороги. Волки, по-видимому, были озадачены, потому что на какое-то время их голоса умолкли. Ободренный успехом, я вдруг ни с того ни с сего начал петь очень громко, дрожащим голосом какую-то песню. Что я пел, я не знал и не помню. Я хотел только показать им, что мне совсем не страшно. Волки опять завyli, но уже каким-то другим, обиженным звуком. Так и дошел я до конца леса, а они на меня не бросились. Похоже, что фонарик действительно меня выручил. К этому времени у меня заболело горло, я совсем осип и замолчал. Глубокой ночью добрался я до нашего села. Залаяли собаки, страх отпустил меня, и я уставший от него и от длинной дороги притащился к нашему дому. Меня с восторгом встретила Находка, которая прыгала вокруг и издавала радостные звуки. Дверь открылась, и встревоженная Наталья Сергеевна приняла меня в свои объятия. Они ждали меня днем. Я свалился на свою кровать и проспал почти весь следующий день.

Пришла весна сорок четвертого года. Блокада Ленинграда была уже снята, и наши войска победно продвигались на запад. В нашем лагере начались волнения по поводу того, когда и как попасть в наш родной и горячо любимый город. Некоторые

родители стали забирать своих детей и понемногу перемещаться поближе к дому. Мы машинально выполняли все, что нужно было делать: пилить дрова, учить уроки, готовиться к последним экзаменам, помогать по хозяйству. Но мыслями мы были уже не здесь, а там. Все окружающее перестало нас занимать. Оказалось, однако, что вернуться в Ленинград было непросто. Во-первых, для всех желающих должен быть вызов из города. А кто пришлет вызов мне и другим «безматерным»? Во-вторых, возможность возвращения зависела от возраста детей, маленьких не брали. Пошли разговоры о том, что лагерь наш может развалиться. А мы куда денемся? Все это вместе вызывало паническое настроение и чувство полной беспомощности.

В этот период я засыпал письмами папу, который был на фронте, дядю и тетю, потому что мне было совершенно непонятно, что со мной будет, и никто из окружающих взрослых ничего определенного сказать не мог. Вот строки из некоторых моих писем. Они по чудесной случайности сохранились и дошли до меня много лет спустя после окончания войны.

*«Никифарово. 18/IV 1944*

*Здравствуй, дорогой папа!*

*Получил твое письмо, но ответил не сразу, потому что ждал, пока выяснится положение лагеря. Сначала хлопотали о том, чтобы лагерь перевели в самый Ленинград, но разрешения не добились (отчасти из-за того, что у нас у нас есть дети очаговского возраста). Затем начали хлопотать о переводе хотя бы в Ленинградскую область. Сперва встретили сопротивление, но потом разрешили. Выбор пал на Валдайский район, говорят, чудесное место. Из Ленинграда пишут, что там мы будем обеспечены в экономических и жилищных условиях. Там лагерь будет находиться до тех пор, пока не разрешат въезд в самый Ленинград. Лагерь должен покинуть Никифарово не позднее двадцатого мая. Теперь, очевидно, мы скоро с тобой увидимся. Скорей бы это было! Третью четверть я окончил на «отлично». Надеюсь перейти в 8<sup>ой</sup> класс с такими же отметками...».*

*«Никифарово. 30/VII 1944*

*Дорогой папа!*

*Получил ли ты мое письмо?*

*Дела с лагерем обстоят неважно: он с первого числа этого месяца ликвидируется. Меня, наверное, переведут в другой детский дом, если вызов не придет вовремя. Почти все (за исключением 1–2 семей) получили вызовы, которые везет из Ленинграда один из композиторов Розенфельд. В Уфе оформят пропуска и будут хлопотать о том, чтобы достать вагон и ехать всем вместе. Если бы мне пришел вызов к этому времени, я мог бы поехать вместе. Если же нет, то не знаю, как будут обстоять дела дальше. Не мог написать раньше, потому что узнал все только вчера. Ну, а в общем, так или иначе, а в Ленинград я попаду. Верно ведь?*

*Тетя Вера сдает дела в Златоусте и едет на работу в Москву. Как твоё здоровье и голос? До свидания. Целую крепко...».*

Но вызов все-таки пришел вовремя. Это сделал дядя, который уже перебрался в Ленинград к этому времени. Началось наше великое переселение домой. Мы высыпали сено из наших матрасов, и они снова послужили нам мешками, в которые мы запихивали наши вещи. Много из одежды пришлось выбросить, потому что мы из нее выросли, а что-то было в таком ветхом состоянии, что почти разваливалось в руках. Конечно, мы старались увезти с собой любимые книги. Но, в общем, вещей на обратный путь было значительно меньше. Жалко было расставаться со всем, что мы сделали своими руками, но наши воспитатели уверяли нас, что в Ленинграде наши игрушки нам уже не понадобятся, и мы, в конце концов, согласились с ними. Сначала мы со всем скарбом добрались до нашего районного центра Раевки. Помимо наших вещей, с нами была еще сибирская кошка Мурлыка с двумя недавно родившимися котятками и, конечно же, наша добрая и надежная Находка. Хотя нам сразу сказали, что Находку брать собой нельзя, потому что никто не выразил желания взять ее домой, она решила этот вопрос самостоятельно, и пока мы ждали очередного поезда на поляне, она нашла нас и теперь прыгала вокруг от восторга.

Нам действительно выделили отдельный вагон, и когда паровоз, который притащил его к нам для погрузки, резко свистнул, Мурлыка подскочила на всех четырех лапах и стрелой куда-то умчалась. Все наши попытки найти ее не увенчались успехом, и в результате мы остались с двумя малюсенькими, только что прозревшими котятками на руках. Началась погрузка, мы затащили все наши вещи, расположились на полках и слышали за окном жалобный вой Находки. Она поняла, наконец, что мы ее действительно бросили, и страдала неимоверно. А у нас не хватало духу выйти к ней и постараться как-то ее утешить. Да и как мы могли это сделать? Мы старались не думать о той бескорыстной службе, которую она добровольно несла последние три года. Поезд двинулся. Находка побежала за ним, стараясь не отставать. Поезд набирал ход. Находка бежала быстрее. И только тогда, когда он пошел совсем быстро, и она увидела, что ей его не догнать, она села на рельсах, подняла голову вверх и горестно завывала. Такой и запомнили мы ее навсегда, и нам было мучительно стыдно.

К счастью, у нас появилась новая забота — брошенные маленькие котятки. Они еще не умели есть. Сосок у нас, естественно, не было. Поэтому мы нашли кусочки бинта, макали их в подогретое на свечке молоко и давали им сосать. Развивались они очень быстро, и к середине нашего пути они уже научились лакать из блюдечка. Они были совсем разные. Один был рыженький и очень любопытный. Он все время норовил залезть на все полки и проникнуть во все дырки. Другой же, серенький, наоборот предпочитал сидеть на месте с задумчивым видом, но при этом находил самые изобретательные способы добраться до съестного. Соответственно их поведению мы их и назвали: рыжего — Путя, от слова «путешественник», а серого — Филя от слова «философ». И Путя, и Филя благополучно добрались до Ленинграда и обрели хозяев в лице двух наших девочек. Я их навещал позже, они превратились в больших гладких котов, но манеры их не переменились.

Ехали мы долго. Нас отцепляли от одного поезда и прицепляли к другому. Часто на станциях вообще не знали, что

с нами делать. А мы так были устремлены вперед, так хотели скорей увидеть наш родной город, что как-будто совсем забыли и о Никифарово, и о Гусынке, и о Деме. Мы стали вспоминать о нашей жизни вдали от дома уже значительно позже, когда снова привыкли к старому и в то же время новому для нас Ленинграду. Когда мы, наконец, добрались до города и вышли на улицу перед Московским вокзалом, мы замерли, и все разговоры стихли. Мы долго стояли молча, вытаращив глаза, совсем не узнавая то, что так усердно воскрешали в нашей памяти. Вся правая сторона Невского состояла из разрушенных или полуразрушенных домов. Проспект был пуст, и только вдали маячила одинокая фигура. И все равно это был наш город, наш дом, и именно к нему мы и стремились. Город был болен, но у нас не было ни капли сомнения в том, что он поправится и станет таким же прекрасным и притягательным, каким он был для нас прежде. И мы должны ему в этом помочь. С этими мыслями мы сели в автобусы, которые развезли нас по домам. Мы даже не прощались всерьез, потому что были уверены, что мы не можем потерять друг друга. Было замечательно, что мы и в самом деле не забыли друг друга и в течение почти пятнадцати лет поддерживали настоящие дружеские отношения. Мы встречались случайно на улицах, назначали друг другу свидания, отправлялись вместе в путешествия. Потом жизнь развела нас, и, наверное, это было естественно.



## Глава 3

# Вера

---

**В**ера — это моя тетя, которой моя мама, чувствуя приближение смерти в блокадном Ленинграде, поручила мою дальнейшую судьбу. Она не захотела покинуть свою обессиленную маму — мою бабушку, которая не смогла бы выдержать тяжкого пути по «Дороге жизни» через Ладожское озеро. В результате они погибли обе. Все эти подробности я узнал от Веры, когда я вернулся в Ленинград из эвакуации. Она пошла со мной в нашу квартиру, и когда мы открыли комнату, я увидел у стола на стульях два свертка наподобие гнезд. Они были свернуты из старых одеял и каких-то тряпок и сохранили еще силуэты лежавших в них тел. Отсюда-то и вынули их после смерти и унесли неведомо куда. Я так и не смог выяснить, где их похоронили, наверное, в какой-то братской могиле. А напротив, на стене, висел цветок бессмертника, который мама подарила мне как раз перед началом войны. Я не знаю, что она имела в виду, когда, протягивая его мне, сказала, что он никогда не завянет и всегда будет со мной, пока он находится здесь, в этой комнате. И действительно, он совсем не изменился. И на него, и на рояль совсем не повлияли те жуткие морозы, которые были в прошедшие зимы.

Я подошел к роялю, открыл его и пробежал по клавишам отвыкшими пальцами. Он ответил мне чистыми звуками, как и прежде, а у меня на глаза навернулись слезы. Я задумался,

вспомнил наши занятия с мамой и сказал про себя, что я обязательно должен в память о ней разучить до конца «Лунную сонату» Бетховена, на которой остановилось мое музыкальное образование. Я действительно сделал это, но несколько позже, когда стал жить в этой комнате, и эта соната сопровождала меня потом всю дальнейшую жизнь.

Вера тихо подошла сзади, мягко положила руку мне на плечо и сказала, что я стану жить здесь позже, когда подрасту. А сейчас, пока еще идет война, мне придется жить у нее, потому что нужно устроить все мои дела. Я звал ее просто Вера, потому что она так хотела. Никаких «Вы», а только «ты» и только по имени. Это очень сближало нас и упрощало наши отношения. Вообще она была удивительным человеком большого ума, такта, мудрости и бесконечной доброты. В течение всей последующей жизни мне не пришлось более встретить другого такого человека — с таким масштабным мышлением и смотрящего так далеко вперед. У нее самой детей не было, и как я догадываюсь, она смотрела на меня как на сына, но никогда ни одним словом или намеком она мне этого не показывала. Она никогда не посягала на мою свободу, хотя при этом она оказала огромное влияние на мое мировоззрение и на отношение к окружающему миру. Все важные для жизни знания преподносились мне не в виде назиданий, а путем знакомства с новейшей литературой и опытом разных народов. В результате я сам приходил к своим собственным выводам, не подозревая даже, что они были подсказаны ею. Иногда это происходило сразу, но чаще всего через месяцы и даже годы.

В первый же день после моего приезда она сказала мне: «Ты, я надеюсь, понимаешь, что ты остался один в этой жизни? Я могу тебе помогать деньгами, но я не буду тебя содержать. Я всегда буду рядом, и если что-нибудь случится, я, конечно, тебя не брошу и помогу тебе решить возникающие проблемы. Но ты должен стать на свои собственные ноги уже сейчас, чтобы стать уверенным в том, что ты сможешь выжить самостоятельно. Ты должен идти работать и учиться, только тогда ты станешь независимым. Никто из нас не знает, что еще может случиться в этом мире».

Эти слова как будто облили меня холодной водой. Я очень обиделся на нее тогда, но не сказал ни слова. Собственно говоря, почему кто-то должен обо мне заботиться? Я не подал вида, как я огорчен ее отношением ко мне, и только поздно вечером, лежа в кровати, я тихо рыдал в подушку и обращался к маме со словами: «Почему ты меня покинула? Как я буду теперь жить без тебя?». Эти слова я еще не раз повторял в период моего юношества, когда я сталкивался с несправедливостью или откровенным желанием унижить меня. А это случалось довольно часто. Когда люди понимали, что ты сирота и некому за тебя вступиться, они позволяли себе обращаться со мной жестоко и несправедливо. Те почти родственные отношения, которые сложились у нас в интернате во время войны, ушли в далекое прошлое.

Позже, через несколько лет, я понял, насколько справедливы и мудры были Верины слова, и как много она сделала для меня, научив меня рассчитывать только на свои силы. Этим она подарила мне свободу и независимость, которые стали для меня самым ценным подарком на всю оставшуюся жизнь. Кроме того, сама того не подозревая, она открыла для меня дверь в новый мир, который увлек меня и стал мне близким на долгие годы.

Решение было принято, и где же теперь предстояло мне работать? Вера жила неподалеку от нашего дома — на улице Союза Печатников, почти на углу проспекта Маклина, а моя новая 235-я школа располагалась на Крюковом канале, напротив каланчи Никольского собора. Чтобы я мог совмещать школьные занятия с работой, работа тоже должна была быть где-нибудь поблизости. И вот Вере приходит в голову блестящая мысль. Она обращается к дяде Ване, еще одному брату моего папы, и просит его устроить меня на работу в Мариинский театр, в котором он работал. Сначала было решено устроить меня в миманс. Миманс — это люди, которые на сцене не поют и не танцуют, а изображают слуг, королей или солдат. Когда меня показали ведущему режиссеру, он только засмеялся и сказал: «Какой миманс? О чем вы говорите? Он еще мал и даже двигаться на сцене не сможет. Нет, это невозможно!». Но в результате я все-таки в театр попал, но не актером,

а учеником осветителей — тех самых людей, которые делают свет на сцене во время спектакля. Там я и работал, пока не окончил школу. Таким образом, утром я шел в школу к девяти часам, в два или в три часа возвращался домой к Вере, а в шесть я уже должен был быть на работе. Как правило, спектакли заканчивались в одиннадцать — в половине двенадцатого ночи, и после этого я садился и делал уроки до двух-трех часов ночи. И так каждый день кроме понедельника, когда в театре был выходной день.

Вера обычно сидела дома и работала. Она была переводчиком и получала из Торговой палаты заказы на переводы с английского и японского языков самых невообразимых технических текстов о разнообразных машинах, кораблях и разных других технических сооружениях. До войны она окончила восточный факультет Университета и даже была в аспирантуре, но потом у нее возникли серьезные разногласия с деканом факультета, и ей пришлось уйти. Хотя она неоднократно рассказывала мне эту историю, я так и не понял, в чем было дело. Она знала японский и китайский языки, но кроме этого свободно владела немецким, английским, французским и испанским языками. Она могла также читать книги, написанные на польском, итальянском, болгарском, шведском и датском языках. Она говорила мне, что после того как выучишь три разных языка, гораздо легче понимать остальные. По своей специальности она была лингвистом, или иначе языковедом, и ее очень интересовало, как возникали и изменялись языки. Она демонстрировала мне, как путем чередования гласных и согласных возникали совсем другие слова с совсем другим смыслом. Это было увлекательное развлечение, и мы проводили за этим занятием целые вечера. В результате я понял, что разные народы имели в прошлом гораздо бóльшую близость друг к другу, чем это нам кажется сейчас. Оказалось, например, что даже такие противоположные по смыслу слова как «черт» и «церковь» образовались из одного и того же исходного слова.

Вера была убеждена, что после войны главным языком в мире станет английский, также как в свое время французский сменился на немецкий. Поэтому она заставила меня выучить

английский, несмотря на то, что в школе я учил немецкий. Ее способ обучения был весьма необычным. Я никогда такого больше не встречал. Она просто протянула мне детективный роман Агаты Кристи и сказала: «Читай!» Я опешил: «Как читать? Я же ничего не знаю! Я не могу это произносить!». Она сказала: «Начинай читать вслух, а я буду твоим живым словарем». Я начал на немецкий манер. Каждое слово она поправляла и заставляла произносить его правильно, затем мы переходили к следующему. В этот раз мы прочли всего только одну первую фразу. На следующий день это повторилось, и в течение всего времени пока я у нее жил, я должен был читать по-английски один час в день. Очень скоро она перестала исполнять роль живого словаря и вручила мне настоящий англо-русский словарь со следующими словами: «Самое главное понять смысл происходящего. Если ты понимаешь, что происходит, то ты можешь сам придать смысл тем словам, которых ты не знаешь. Читай дальше, пока можешь следовать развитию событий, а значение непонятных слов посмотришь в словаре потом». И действительно, таким способом я стал читать быстрее и быстрее и вскоре мог уже ощущать строй языка. Сначала я за этот час прочитывал только один абзац, затем полстраницы, потом страницу и через месяц таких занятий я за это же время прочитывал уже две-три страницы и все реже обращался к словарю. Вера говорила, что очень важно для этой цели иметь подходящую книгу. Она считала, что для такого изучения языка лучше всего подходят детективные истории, потому что в них мало общих рассуждений и идет быстрое развитие событий, за которыми легче следить.

Вера познакомила меня с новым видом литературы, о которой до этого времени я не имел никакого представления. Это был мир фантастических романов Герберта Уэлса, Рея Бредбери, Артура Кларка, Айзека Азимова. Она говорила, что при современном развитии науки и техники обычный человек скоро столкнется с явлениями, которые он не поймет и войдет в состояние шока. Для того чтобы этого не случилось, надо читать эту литературу, потому что она расширит мои горизонты,

подготовит к появлению новых неожиданных событий и, что самое главное, научит рассматривать и понимать их с позиции новых, нетрадиционных взглядов. Тогда для меня это была трудная и малопонятная философия. Но то, как она была права, я оценил в полной мере только сегодня. Вера говорила мне, что человеческий мозг так устроен, что он не может оставлять непонятные явления необъясненными, он должен дать какое-то, пусть даже неправильное объяснение. Так, например, появились боги — бог ветра, бог моря, бог солнца и так далее. Встретившись с каким-либо новым явлением в жизни или в работе, он приписывает ему какие-то определенные свойства, пусть даже неправильные, и это остается на века, пока новые знания не войдут в противоречие с прежним объяснением.

Вера проглатывала огромное количество литературы, преимущественно иностранной. Она брала книги в иностранной библиотеке Дома ученых, но через два или три года она стала возвращаться оттуда, горестно качая головой, потому что в библиотеке почти не осталось не прочитанных ею книг. «Как, ты прочла все книги, которые есть в библиотеке?». Я никак не мог поверить, что кто-нибудь в состоянии прочитать такую кучу литературы. Но это была правда, и в последующие годы, когда я стал выезжать за границу, я каждый раз привозил ей оттуда десять-пятнадцать книжек по заказу, а также по своему разумению. Для нее это был настоящий праздник. Она дрожащими руками принимала их от меня, гладила их, а глаза ее при этом излучали восторг.

Все, что она ни делала, она стремилась довести до совершенства. Так, переводя японские технические статьи, она поняла, что существующий японско-русский технический словарь не соответствует современному развитию техники и с его помощью невозможно нормально выполнить эту задачу. Это было связано, в первую очередь, с особенностями письменного японского языка. Дело в том, японские иероглифы являются не словами, а понятиями. Так, например, один и тот же иероглиф мог означать цвет (красный), краску или быть красивым. Истинное значение слова определяется его окружением. Более того, дополнительные

знаки определяли, будет ли это слово существительным, прилагательным или глаголом. Поэтому современные термины требовали новых сочетаний, которых в словаре не было. В результате Вера, имея энциклопедические познания и блестяще зная японскую литературу, каждый раз разгадывала новые сочетания для каждого нового перевода. В конце концов, она принялась за создание нового технического словаря и сделала эту каторжную работу, но опубликовать его не смогла по ряду причин. Во-первых, для издания словаря требовались большие деньги, которых у нее не было, и она не была сотрудником какого-либо научного учреждения. Во вторых, те люди, которые ее знали, готовы были ей помочь, но на определенных условиях — они хотели стать соавторами этой книги. На это Вера не могла согласиться в силу своего открытого и прямолинейного характера. Поэтому ее замечательный труд так и не увидел света.

Когда я освоил начала английского языка, Вера сказала, что было бы глупо не познакомиться с основами японского языка. Меня с самого детства занимали те самые иероглифы, которыми она занималась, поэтому я с удовольствием принялся изучать японскую азбуку. Я даже сейчас ее помню. Она состояла из двух различных последовательностей: катаканы и хираганы. Я заучивал наизусть: А, КА, СА, ТА, НА, ХА, МА, Я. РА. ВАН. Вера научила меня также основам написания иероглифов и некоторым мнемоническим приемам. Например, человек — это не дерево. На самом деле эти иероглифы отличались друг от друга только одной поперечной палочкой. Я выучил также самые необходимые слова: здравствуйте, до свидания, спасибо и некоторые другие. К сожалению, наши занятия оборвались, когда я переехал в нашу старую квартиру и уже не было времени заниматься языком.

Я думаю, что Вера могла бы стать знаменитым ученым, если бы вернулась в языковедение. Возможно, она даже хотела вернуться к научной работе, но подавила в себе это желание и решила свою жизнь по-другому. С одной стороны, она понимала, что, несмотря на то, что я пошел работать, я все равно оставался беззащитным и нуждался в помощи. С другой стороны, за стенкой

в этой же квартире жил ее родной брат дядя Шура с женой и моей маленькой сестренкой. Он был актером и режиссером в новом театре-студии под руководством Винера, который располагался на улице Рубинштейна. Актеры в те времена имели мизерную зарплату и выживали только за счет разнообразных дополнительных заработков. И, как я сейчас понимаю, Вера взяла на себя материальную ответственность за наше существование. Ее заработки, конечно, не входили ни в какое сравнение с нашими доходами. На протяжении многих лет она исподволь то тут, то там оказывала помощь окружающим ее близким людям, создавая определенную стабильность их существования.

Когда я поступил в городскую школу, со мной случилась большая беда, о которой Вера даже не догадывалась: я онемел. После трехлетнего пребывания в далекой деревне, в почти семейной обстановке, где в моем классе было всего пять человек, я попал в огромный класс из тридцати пяти бойких мальчишек. Тогда уже школы разделили на мужские и женские. Кроме того, здесь были совсем другие учителя — издерганные жизнью и разговаривавшие с нами так, как будто мы были виновниками того, что происходит вокруг. А вокруг был голод и холод, многие из них были почти дистрофиками. Часто создавалось впечатление, что они иногда даже с каким-то наслаждением ставили нам плохие отметки. Учитель по истории был, например, контужен на войне и от любого неправильного слова приходил в ярость и громко стучал, если не сказать лупил огромной линейкой по столу. От этого все съеживались и готовы были спрятаться под парты. И вот, попав в эту обстановку, я оробел и боялся говорить. Когда меня вызывали к доске, у меня внутри все сжималось, по спине бежали мурашки, во рту пересыхало, и в ответ на вопросы учителя, я начинал выдавливать из себя какие-то кривые слова. Видя мою растерянность, вся ватага откровенно развлекалась, отчего я начинал еще хуже отвечать. В результате у меня в таблице по всем устным предметам вместо прежних пятерок появились одни тройки. Очевидно, это настолько повлияло на мою психику, что мне удалось преодолеть мою боязнь говорить перед публикой



только через двадцать лет. Вероятно, это послужило причиной следующей неприятности, которая произошла перед окончанием восьмого класса. Меня вызвал к себе наш директор школы и сказал, что я должен для себя решить: или учиться, или работать. По-видимому, мои плохие отметки и мои неудачи на уроках были объяснены моей недостаточной подготовкой к занятиям из-за работы. Затем он произнес очень странные, обидевшие меня слова: «Если ты работаешь, значит, ты куришь, пьешь и еще чем-нибудь плохим занимаешься». Я действительно немного курил, но делал это только на работе и никогда в школе. На свои заработанные деньги я покупал с рук папиросы «Беломорканал», потому что табак выдавали только по карточкам и детям, конечно, не давали. Так как бросить работу я не мог, мне пришлось уйти из школы. Вера очень огорчилась. Ее походы в школу и разговоры с директором ни к чему не привели.

Как раз в это время произошло Великое событие. Как-то утром, когда я спал у Веры на трех сдвинутых стульях, потому что второй кровати у нее не было, по радио объявили, что Германия капитулировала и война окончена. От восторга я так подпрыгнул, что стулья подо мной раздвинулись, и я с грохотом полетел на пол. От ужасного шум Вера от испуга тоже подскочила на своей кровати. Но когда она узнала о причине моего падения, у нее от радости полились слезы, и она крепко прижала меня к себе: «Вот теперь начнется настоящая жизнь, а до сих пор все было только для фронта, только для победы».

В результате она устроила меня в заочную школу, которая находилась поблизости — на углу улицы Союза Печатников и Крюкова канала, сразу за Мариинским театром. В этой школе занятия и экзамены проходили только два раза в год: по моему, перед Новым годом — в ноябре и весной — в мае. Остальное время нужно было только выполнять большое количество письменных заданий и сдавать их секретарю школы — очень милой и дружелюбной женщине, которая всегда была готова помочь. Вера сказала мне: «Ну, вот тебе новое испытание себя. Посмотрим, как ты с ним справишься. Начинается твоя

самостоятельная жизнь. Теперь ты будешь жить у себя дома, скоро вернется твой папа с фронта. Тебе нужно будет самостоятельно справляться со всеми предметами. Если будет нужно, я помогу, но учти, в девятом классе много математики, а она просто не дается. Посмотрим, на что ты способен». Ох, зачем она только произнесла эти слова. Они легли на меня тяжким бременем и вскоре едва не изменили мою дальнейшую жизнь.

Получив свободу после очень напряженной жизни, я расслабился и не очень аккуратно выполнял школьные задания. У меня появились друзья, в основном театральные, и мы в свободное время развлекались как могли. Когда Вера спрашивала, как у меня в школе дела, я ее уверял, что все хорошо. Вместе с тем на душе начали скрести кошки, потому что зимнюю сессию я с трудом перевалил с большими долгами, которые я должен был погасить весной. Это, правда, меня не образумило, и к весенним экзаменам по математике меня не допустили. Это означало, что я остаюсь на второй год. Когда я понял это, то пришел в ужас. Как же я скажу об этом Вере? Нет, я не мог ей сказать, что меня не допустили к экзаменам, ведь она так в меня верила. Для нее это был бы тяжелый удар. У меня даже появились замыслы исчезнуть из Ленинграда, а потом ей написать обо всем. Но куда же деться? И тут мне в голову приходит сумасшедшая мысль наняться на какой-нибудь корабль юнгой. К счастью, секретарь, которой я поведал о своем ужасном положении, пришла мне на помощь. Она специально позанималась со мной, помогла выполнить задания и уговорила учителей принять у меня экзамен. Таким образом, я, все-таки окончил девятый класс, но не с блестящими оценками. В результате я понял, что заочное обучение — это не для меня, по крайней мере, в настоящее время. Для того чтобы учиться таким образом, нужно уметь управлять собой, а я этого еще не умел.

Приблизительно в это же время папа вернулся с фронта. Мы смотрели друг на друга и не узнавали. Я же был перед войной совсем маленький мальчик, а теперь я вырос и выглядел очень самостоятельным. А он тоже очень изменился — постарел, и на его лице как будто отпечатались те страдания, которые ему пришлось

пройти. Оно стало суровым и жестким. Когда он появился на пороге моей комнаты, мы бросились друг другу в объятия, слезы потекли у нас из глаз рекой, и мы долго-долго молчали, не в состоянии произнести ни одного слова. Затем он произнес: «Ну, как дела, Егорка?». И засмеялся, понимая всю глупость этого вопроса.

Первые дни мы не расставались с утра до вечера. Это были потоки воспоминаний последних лет — все то, что не могло быть выражено в письмах. Затем папа пошел устраиваться на работу, и выяснилось, что той оперетты, в которой он пел до войны, или еще нет в городе или нет вообще. В результате он поступил солистом в Ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа, которым руководил известный дирижер Анисимов. О нем я уже давно знал, потому что Наталья Сергеевна Анисимова — наш воспитатель в интернате — была его женой, а с ее дочкой Светланой мы были друзьями. Так как Ансамбль все время разъезжал по воинским частям, мы опять стали редко видеться. Вскоре после этого папа женился второй раз и перебрался к жене, а я опять остался один. Когда я с горестью сообщил об этом Вере, она восприняла это спокойно и сказала: «Я надеюсь, ты не хочешь, чтобы твой папа остался на всю жизнь одиноким. Что же касается тебя, то теперь ты видишь, как важно быть самостоятельным. Относись к этому спокойно и с пониманием».

Быть самостоятельным, конечно, хорошо, но кем быть?! Этот вопрос начал меня мучить в конце учебного года. У меня не было никаких особых пристрастий, и я совершенно не представлял себе свое будущее. Эта проблема полностью поглотила мое существо. Я обращался к себе и к окружающим с вопросом — что я должен делать на этом свете? Зачем я здесь появился, и в чем состоит мое призвание? Этот вопрос так меня мучил, что я находился как в лихорадке. Меня всего трясло, и я чувствовал, что начинаю сходить с ума. Новая жена отца пыталась меня успокоить, но все было бесполезно, мои истерики продолжались, а она не могла найти нужных слов.

Опять я бросился к Вере. Она сидела за столом и занималась переводом. Буквально упав перед ней на колени, я выложил

ей все свои мучения. Вера посмотрела на меня своими добрыми глазами, погладила меня по голове, прижала ее на мгновение к своей груди и затем сказала: «Успокойся, сядь и послушай, что я тебе сейчас скажу. Это очень хорошо, что тебя мучают эти вопросы. Значит, ты чего-то стоишь, и твое детство не пропало даром. Далеко не всех они волнуют в такой степени. Есть люди, которые имеют технические таланты. Ну, например, они умеют и любят играть на инструментах или петь, или рисовать или, наконец, возиться с винтиками и гаечками. Эти таланты проявляются у человека очень рано, и перед ним не стоит вопрос выбора. Всем ясно и ему тоже, кем он будет, и ему не придется долго мучиться по этому поводу. Но допустим, что твое призвание — быть философом. Может ли это состояться сегодня? Нет, этого не может быть, потому что для того чтобы быть философом, нужно очень-очень много чего узнать, и для этого потребуется длительное время. Следовательно, твое призвание еще впереди. Успокойся. Это придет в свое время, ты просто еще не готов. Ты знаешь пословицу — каждому овощу свое время? Так вот, твой овощ еще должен созреть».

Удивительно, но после этих слов я сразу же успокоился и перестал себя терзать, но не навсегда. «Но почему ты упомянула о детстве?» — спросил я. «Дело в том, что самая сильная основа человека закладывается в раннем детстве», — отвечала Вера. «От того, какую психологическую и эмоциональную форму он приобретет в течение первых пяти-шести лет его жизни, в большой мере будет зависеть его дальнейшее существование. Что такое хорошо, что такое плохо? Что можно, что нельзя, а что невозможно ни при каких условиях? И чтобы с ним не происходило в дальнейшей жизни, кем бы он ни стал в критические моменты, в минуты тяжелейших испытаний, он бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, делает выбор, который подсказывают законы его детства. Ты знаешь, в истории есть много случаев, когда враги захватывали какие-нибудь селения. Перед лицом неизбежной смерти очень часто наиболее сильные и смелые люди вдруг ломались и начинали ползать у ног победителей, моля о пощаде, и,

наоборот, слабые на вид и очень скромные люди проявляли чудеса стойкости и героизма».

Я слушал Веру с недоверием. Мне казалось, что это противоречит всему, что я видел или слышал во время этой войны. И только много лет спустя мне в руки попала книга одного американского корреспондента, в которой он описывал свое участие в армейских группах, которые занимались после войны поисками золота Рейха. Во время этих поисков они обнаружили в горах Гарц несколько секретных специализированных санаториев, в которые привозили с фронта офицеров СС и женщин из разных городов Германии независимо от их семейного положения. Здесь они должны были зачать продолжение арийской расы, которая стремительно уменьшалась в ходе войны. После появления ребенка на свет женщин отпускали домой, и они больше никогда не видели своих детей. Дети росли в исключительно хороших и даже шикарных условиях, но у них была только одна нянька на двадцать человек и, конечно, никаких персональных отношений с каждым из них у нее не было. И зачем они были нужны? Ведь они все равно еще ничего не понимают. А потом они получают самое блестящее образование. Корреспондента заинтересовала дальнейшая судьба этих детей, и оказалось, что все, кого ему удалось найти, были умственно отсталыми, а один из них напоминал скорее животного, чем человека. Вот тогда-то я и вспомнил Верины слова и признал, что она была совершенно права в отношении значения раннего детства для последующей жизни человека.

Через некоторое время после нашего разговора мне все-таки пришла в голову мысль о том, кем я хотел бы быть. Я явился к Вере и объявил, что я хотел бы стать дирижером. Музыку я люблю и даже умею играть на рояле. Мы с Верой часто ходили в Филармонию, и она заставляла меня следить по нотам за исполнением концертов для фортепьяно с оркестром. Это было очень трудно и превращалось не в удовольствие, а в каторжную работу. Возможно, что именно эти концерты и повлияли на мое решение. Вера вытаращила на меня глаза от неожиданности. Затем она задумалась и сказала, что об этом надо поговорить с Лешей.

Это был ее другой брат, который был композитором и, конечно, больше всех понимал, гожусь ли я для этой профессии. Когда мы с Верой приехали к нему, он посмотрел на меня внимательно и засмеялся: «Ты знаешь, что такое быть дирижером? Во-первых, нужно в совершенстве владеть каким-нибудь инструментом. Допустим, что ты сможешь научиться хорошо играть на рояле. Но не это главное. Дирижер должен уметь владеть большим оркестром, иметь силу, напористость и справляться с людьми. Разве ты сможешь — посмотри, какой ты робкий и скромный. Нет, это не для тебя! Даже и не думай об этом, ничего у тебя не получится». На этом все и закончилось. Мои робкие мечты рухнули навсегда.

Много лет спустя, когда я начал пробовать сочинять хореографические миниатюры, я встретил мамину подругу — она была концертмейстером. Уж не помню, как это получилось, и о чем мы с ней разговаривали, но она вдруг села за рояль и сыграла мне вторую балладу Шопена. Эта музыка так мне понравилась, что я решил обязательно на нее поставить танец. И вот, когда мы начали с ней репетировать, то я, погружаясь в это замечательное произведение, стал просить ее вносить те или иные изменения в характер исполнения. Через некоторое время она вдруг остановилась, удивленно посмотрела на меня и сказала, что я вел себя, как настоящий дирижер, и притом хороший. По-видимому, в те далекие времена я неспроста хотел избрать себе этот вид деятельности.

Примерно в то же время, когда происходило обсуждение выбора моего пути, я случайно встретил на улице другую подругу моей мамы. Она стала расспрашивать меня о моем житье-бытье и, узнав, что на следующий год я оканчиваю школу, вдруг в конце разговора спросила, не хотел бы я поступить учиться в Институт физкультуры имени Петра Францевича Лесгафта. Я великолепно знал этот институт, потому что он находился на улице Декабристов, как раз на полпути от Веры до Театра. Часто, проходя мимо, я останавливался у решетки, через которую можно было видеть, как на стадионе проходят разные занятия. Я с завистью смотрел, как красиво они умеют бегать, прыгать, играть в хоккей и делать много других спортивных упражнений. Как

бы я хотел быть таким же, как они: ловким и сильным. И вот вдруг такой неожиданный вопрос. Я растерялся и спросил у нее, как это возможно — ведь я никогда в жизни не занимался физкультурой, у нас в школе во время войны не было даже такого предмета. Она сказала, что это возможно и что она все это устроит. Потом она оглядела меня критическим взглядом и добавила: «А еще очень важно, что там дают зимнюю и летнюю спортивные формы, а еще дополнительную продуктовую карточку». Она все это хорошо знала, потому что сама окончила этот институт и была чемпионкой Советского Союза по художественной гимнастике. Я задумался и сказал, что я должен посоветоваться с Верой. Мы договорились встретиться через несколько дней, и я помчался к Вере с невероятной новостью.

Вера молча меня выслушала, задумалась, а потом сказала: «Вообще-то, тебе обязательно нужно окончить Университет. Но сейчас ты еще не готов к нему, и может быть это предложение как нельзя лучше подходит для тебя в настоящее время. К тому же каждый молодой человек должен уметь плавать, стрелять и управлять автомобилем. Тогда в критических ситуациях он не погибнет. Я надеюсь, что плавать и стрелять тебя там научат, ну а вместо машины научишься, по крайней мере, ездить на велосипеде. Я думаю, что тебе надо воспользоваться этим предложением».

Так и случилось, что я, сам того не ожидая, поступил на подготовительное отделение школы тренеров Института Лесгафта и одновременно оканчивал десятый класс специальной школы рабочей молодежи. Утром у меня были школьные уроки, а после школы я занимался спортивными занятиями. Вера пристально следила за тем, как я справляюсь с ними, и все время меня подбадривала. Надо сказать, что когда впоследствии я отправлялся в разные трудные лыжные или байдарочные походы, она никогда меня не отговаривала, а, наоборот, всячески поддерживала и не подавала вида, как она волнуется. Это было видно потом, когда после каждого моего возвращения и появления на пороге, она облегченно вздыхала и украдкой смахивала слезу. Затем она с большим интересом слушала о том, как проходило каждое

путешествие. Как я теперь уже понимаю, Вера хотела по возможности оснастить меня всем необходимым для дальнейшей непредсказуемой жизни. При этом в ее задачу входило подготовить меня не только физически, но и нравственно.

Рассказывая мне про все перипетии нашей семьи от начала революции до настоящих дней, она сказала мне, приводя разные примеры из жизни: «Никогда не иди на сделку со своей совестью. Путь предательства бесконечен. Достаточно только один раз уступить и пойти против своей совести, и ты можешь попасть в сети, которые увлекут тебя в пучину зла. Тобой в этом случае будут манипулировать, как марионеткой. И запомни: можно не принимать участия в том, что ты считаешь несправедливым, можно отмолчаться или уйти в сторону, но когда-то все равно наступит время выбора. Тебе придется в какой-то тяжелый момент сделать выбор и произнести «да» или «нет», и это будет зависеть от твоего нравственного фундамента. Это не значит, что после твоего выбора тебя уничтожат. Хотя и это случается. Но в любом случае крепких людей даже враги уважают, потому что они открыты, предсказуемы и занимают определенную жизненную позицию».

Такие разговоры продолжались у нас в течение всего нашего длительного общения, вплоть до ее смерти. Она была человеком крупного масштаба, и все, что происходило вокруг нас и со мной в частности, она рассматривала системно, а не как отдельные частные явления. Говорила она доступными словами, но угнаться за полетом ее мысли мне было практически невозможно. Поэтому в те времена многое из того, что она мне излагала, я воспринимал как заповеди.

Я думаю, что Вера отлично понимала мою неподготовленность к разговорам на такие сложные темы, но ей нужно было высказаться, а я был хорошим слушателем, которому она могла доверить самое сокровенное. Она обладала удивительным даром предвидения. По-видимому, энциклопедические знания и колоссальная интуиция позволяли ей проецировать в будущее, к какому результату приведут достижения техники и науки. Помню, когда я уже учился в университете и занимался биохимией, она неоднократно



мне говорила: «Я думаю, что ты станешь все-таки исследователем, и если ты хочешь добиться серьезных успехов, обязательно используй в своей работе компьютеры — за ними будущее». Я слушал эти слова и никак не мог понять, для чего белковой химии нужны эти игрушки. Это было то время, когда не только в нашей стране, но и на западе компьютеров еще и в помине не было. С первыми из них я встретился в шведской лаборатории только лет через двадцать. А она уже тогда знала и понимала, какую роль они сыграют в будущем. На мои недоуменные вопросы она отвечала: «Для того чтобы проанализировать все возрастающий поток знаний, одной головы недостаточно. Для этого нужно будет иметь мощный инструмент, и таким инструментом станет компьютер».

Из всех фантастов она больше всего любила Азимова за то, что он в отличие от многих других, прогнозируя появление новых, подчас совершенно невообразимых технических новинок, в корне меняющих способ существования людей, пытался представить, какое влияние они окажут на психику человека будущего. Азимов был не только писателем, но и ученым, занимавшимся, как и я, биохимией. Вероятно, поэтому ему был особенно близок процесс научного творчества и его последствия. Вера однажды дала мне прочитать его совсем нефантастическую статью, напечатанную в журнале «Science Fiction». Он написал ее в ответ на бесконечные преследования журналистов с постоянным к нему вопросом: «Откуда берутся ваши безумные идеи?». В ней Азимов изложил свои представления о том, какой должна быть творческая личность, и что ей необходимо для того, чтобы творить. Он так и назвал их основными принципами или условиями, без которых творческая личность не может состояться. Всего он выдвигает пять таких условий:

**Образование.** Неважно формальное или не формальное. Он понимает под этим накопление битов любой информации, даже, например, имена футболистов или номера телефонов знакомых. Важно другое — чем больше информации, тем больше возможности использовать ее для создания чего-нибудь нового. Образование доступно всем без исключения.

**Интеллигентность.** В его понимании, это способность пользоваться не только собственными накопленными битами информации, но и той информацией, которая есть в головах у окружающих людей, и обмениваться ею. Это умение не считать, что только то, что знаю я, существует, а остальное нет. Я в первый раз встретился с таким определением интеллигентности и после размышлений, пожалуй, с ним согласился. Действительно, что такое интеллигентный человек? Это не только умный и образованный человек, но и личность, способная к взаимодействию с окружающими ее людьми. Все наши «извините», «пожалуйста», «спасибо», «здравствуйте» и др. — это не что иное, как путь к общению и уважению других взглядов. Интеллигентность, по мнению Азимова, свойство врожденное, но может быть развито в течение жизни.

**Интуиция** — это умение улавливать связь между далеко отстоящими друг от друга данными и битами информации, не имеющими между собой видимой связи. На этой основе создаются новые, не существовавшие ранее конструкции взаимодействий между явлениями, что, по сути, и является процессом творчества. При этом Азимов подчеркивает, что это свойство врожденное — или оно у вас есть, или его нет, и обучиться этому нельзя — это особый тип видения мира.

**Смелость.** Если человек создает что-то новое, ранее не существовавшее и не укладывающееся в традиционные рамки понимания явлений, он должен быть готов к тому, что его не захотят слушать, освищут, объявят сумасшедшим, выгонят с работы. Поэтому он должен иметь достаточно смелости, чтобы противостоять этому, отстаивать свои взгляды и защищать созданное творение.

**Надо, чтобы окружающие люди дали тебе возможность творить.** Это, пожалуй, самое забавное и в то же время самое определяющее условие для творчества. Это еще хорошо, если результатом творчества будут только теоретические построения, а если для получения результата будет нужна экспериментальная работа и участие целой компании специалистов, то тут уж без поддержки не обойдешься, и негативное отношение может задушить новое создание в самом зародыше.

Мне думается, что Вера не зря дала мне прочитать эту статью. Во-первых, она вполне разделяла взгляды Азимова, а во-вторых, она по-прежнему верила, что я стану ученым и, стало быть, мне эти мысли могут пригодиться. Что касается ее самой, то она как раз обладала всем необходимым набором качеств творческой личности. У нее были необъятное образование, открытость к окружающему миру, развитая интуиция и безоговорочная смелость. В то же время, она являла собой отличный пример творческого человека, которому не дали состояться окружающие его люди.

Разговоры Веры о моей будущей учености вызывали у меня только веселый смех. Я никак не чувствовал в себе способности к этому виду занятий. «Какой я ученый? Я вот уже во втором вузе учусь и только впитываю и впитываю в себя, как губка, а когда же у меня хоть что-нибудь в мозгах родится?» — спрашивал я у Веры. «Придет-придет, не беспокойся, еще намаешься. Ты просто очень медленный, и твое развитие идет тоже медленно. Очевидно это результат войны. Но зато ты долго будешь молодым. По моим соображениям, ты приблизительно лет на десять отстаешь от своего возраста. Но когда ты, наконец, созреешь, у тебя может начаться непрерывное извержение идей, которые будут самостоятельно созревать в тебе и абсолютно без твоего ведома». Удивительно, но в какой-то мере это действительно стало происходить много лет спустя, когда я, наконец, понял, что не надо бояться говорить «глупости».

С годами Вера становилась все более императивной и настойчивой. А так как она обладала огромной, почти гипнотической силой воздействия на окружающих, я в какой-то момент понял, что я не могу и ни в коем случае не должен подчиняться ей в полной мере, если я не хочу полностью потерять себя. Она, например, очень неодобрительно отнеслась к моим занятиям танцами и единственное, что ее помирило с ними, это то, что мы стали выезжать с концертами в разные страны. Возможность познакомиться с миром, которой была лишена большая часть нашего населения, была воспринята ею как логическое продолжение моего образования. А кроме того, это был источник новой литературы,

которую я привозил изо всех поездок. Она даже ни разу не была на наших спектаклях и совсем не представляла себе того уровня, которого мы достигли. Ей казалось, по-видимому, что это лишь разновидность молодежных развлечений

Время от времени она повергала меня в невероятный ужас своими неожиданными решениями. Так, однажды, когда дядя Шура уехал со всей семьей на длительные гастроли в Польшу, Вера вдруг мне сказала: «Ты знаешь, вчера тут звонили Шуре из Ленконцерта по поводу участия в новогодних елках». Дядя Шура на протяжении уже нескольких лет исполнял роль Деда Мороза на городских елках. «Но его же нет, и он не вернется к этому времени!». «Я так им и сказала», — говорит Вера. — «А еще я им сказала, чтобы они не беспокоились, потому что ты его заменишь».

У меня ноги так и подкосились, и я рухнул на стул. «Что?!!! Это я? Я буду Дедом Морозом? Так я же не умею! Я даже не знаю, как это делать! Зачем ты только это сказала? Что теперь со мной будет?!». А Вера, и глазом не моргнув, спокойно говорит: «Ты же танцами занимаешься. Вот и потанцуешь с ребяташками, да еще им сказочку какую-нибудь расскажешь. Ты когда-нибудь Дедом Морозом был?». Я говорю: «Нет, никогда!». Вера также спокойно продолжает: «А если никогда, то откуда ты знаешь, что у тебя ничего не получится? Запомни, никогда ни от чего не отказывайся, пока не попробовал. Так ты никогда и не узнаешь, что ты можешь, а что нет».

В результате мне пришлось отработать Дедом Морозом на ленинградских елках. При моей боязни публики для меня это было жестоким испытанием. За мной приезжала машина с костюмом, я переодевался, и меня отвозили или на какую-нибудь елку или на квартиру, из которой заказывали Деда Мороза на дом. О, как я извивался, как пытался придумывать разные веселые штуки, фокусы, танцы. Я весь сгорал от стыда, когда что-нибудь с детьми не удавалось. К счастью, под бородой этого было не видно. Надо сказать, что очень часто дети сами мне помогали, подсказывая, что нужно делать и что они ждут от меня. Когда прошли эти десять дней каникул, точно тяжелая глыба свалилась у меня с плеч. И я понял, что в импровизаторы я не гожусь.

Мое намеренное выскальзывание из-под Вериной опеки облегчалось тем, что к этому времени подросла моя уже теперь немаленькая сестренка, и Верино влияние стало распространяться на нас обоих. Собственно говоря, я и не выскальзывал, а просто какая-то часть моей жизни не обсуждалась, потому что я не посвящал в нее Веру. Так мне удалось в какой-то мере сохранить свою независимость. Надо сказать, что вплоть до защиты моей диссертации мне приходилось дополнительно работать, чтобы сводить концы с концами. К тому же я, поступив на работу после аспирантуры, женился. Не могу сказать, что к этому моему шагу Вера отнеслась одобрительно. Она понимала, что дело к этому идет и что это неизбежно, но она считала, что я должен сначала защитить диссертацию, а потом устраивать свою личную жизнь.

При всей своей доброте и отзывчивости она обладала, тем не менее, удивительным свойством, которое усиливалось у нее с годами. Если что-то ее тревожило, и она не могла этого изменить или повлиять на ход событий, у нее появлялась защитная реакция, которая заключалась в сознательной или бессознательной подмене угрожающего явления на безобидное. Это, по всей вероятности, успокаивало ее и позволяло сохранить внутренний баланс сил. Никакие объяснения или аргументы не могли заставить ее изменить сформулированного представления. Так, например, когда тяжело заболел ее брат Шура, и врачи определили у него рак, она превратила для себя этот диагноз в довольно безобидное расстройство пищеварительной системы, которое скоро должно пройти, и придерживалась этого мнения вплоть до самой его кончины. Это наиболее трагический пример, но более безобидных случаев, иногда даже вызывающих улыбку, было предостаточно. Она очень часто не понимала и не признавала спонтанных реакций человека и пыталась распознать за ними некий умысел в рамках системного подхода к окружающей жизни. В то же время она умела разговаривать с любым человеком на понятном ему языке, независимо от того, какое положение он занимал в обществе, и это была, с моей точки зрения, высшая степень интеллигентности. Как правило, простой народ относился к ней с большим уважением и всегда был готов ей помочь.

У Веры было больное сердце, и с годами ей становилось все тяжелее и тяжелее выходить из дома, особенно на далекие расстояния. Не знаю, что у нее было на самом деле, но объясняла она это тем, что у нее было слишком маленькое сердце, не соответствующее габаритам ее тела. В связи с этим она снизила свою переводческую деятельность, но зато у нее появилось много учеников, которых она обучала английскому языку. В основном это были сотрудники нашего института. И, как я догадываюсь, с ними она, помимо английского языка, проводила также и большую просветительскую работу, судя по тем восторженным отзывам, которые изредка до меня доходили. Наш институт<sup>12</sup>, в котором я работал после окончания аспирантуры, находился на проспекте Маклина, почти напротив Вериного дома, и это было очень хорошо, потому что я в любое время мог появиться у нее и помочь ей. По этой же причине наше общение практически не прерывалось. Я почти каждый день у нее появлялся после работы, и она была поэтому в курсе всех моих дел.

Когда Вера узнала, что я стал создавать в институте новый отдел, она облегченно вздохнула и сказала: «Ну, наконец-то, свершилось то, что я ждала так много лет. Ты, наконец, состоялся, и перед тобой открывается широкая и интересная дорога. Только обещай мне с нее не сворачивать, несмотря на все обстоятельства, а их на твоём пути будет достаточно». Я довольно легкомысленно обещал, потому что еще не отдавал отчета в том, сколько еще будет трудностей на нашем пути. Она продолжала: «Я наблюдала за тобой в течение многих лет, и теперь настало время, когда я могу и должна сказать тебе о результатах моих наблюдений. Ты — не теоретик и никогда им не будешь. Не потому что не сможешь, а потому что ты вошел в свою жизнь через множество реальных дел, проверяя свои мысли практической работой. Ты — экспериментатор, и это самая сильная твоя черта. Запомни — никогда не сворачивай с этого пути, никогда не прекращай делать опыты своими собственными руками, тогда ты никогда не разведешься

---

<sup>12</sup> Институт цитологии АН СССР (открыт в 1957 г.).

с наукой. Она будет с тобой до последних лет твоей жизни». Такой взволнованной и такой убежденной в правильности своих суждений я ее еще никогда не видел. Она вся покраснелась, когда произносила эти слова и от волнения с трудом переводила дух во время длинного монолога. Этот разговор заставил меня задуматься и посмотреть на себя самого со стороны. Не могу сказать, что я полностью был тогда с ней согласен, просто в те времена я шел, летел, бежал вперед и вперед и никогда не оглядывался. Времени не было. И только сейчас я понимаю, что она-то хорошо разобралась в сильных и слабых сторонах моего характера.

В последний год жизни она практически не вставала с кровати, у нее не было сил. На основе своего спортивного опыта я пытался заставлять ее ходить по комнате с моей поддержкой, но ей было безумно тяжело это делать, и она умоляла меня не терзать ее. Несмотря на тяжелое состояние, она по-прежнему много читала и вела какие-то записи. До самого конца у нее был ясный ум и способность обсуждать самые невероятные проблемы. При всей реалистичности ее ума она в это время была сосредоточена на странных, с моей точки зрения, размышлениях. Вера была убеждена в принципиальной возможности телепортации предметов и даже человека. Она серьезно интересовалась реальностью существования инопланетян. Ее занимали идеи о возможности передачи мыслей на расстоянии.

За несколько дней до смерти она указала мне на общую тетрадь в серой обложке и сказала: «Возьми эту тетрадь, это тебе, но не смотри в нее сейчас. Потом посмотришь». Я понял, что значит слово «потом» и молча кивнул головой. После похорон, когда я раскрыл тетрадь, я увидел написанное крупными буквами: «МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ».

Я стал читать и вдруг остановился в крайнем изумлении. Это было завещание не мне, не моей сестре, не нашим детям. Это было завещание всем людям — человечеству. Это было ее обращение и послание будущему поколению. Вот что волновало Веру в последние часы жизни. Вера была поистине великим человеком своего времени.

## Глава 4

# В театре

---

**К**огда я, будучи еще в восьмом классе, поступил на работу в Мариинский театр, который в те времена назывался Театром оперы и балета имени С. М. Кирова, я попал в осветительский цех на положении ученика осветителя. Прежде всего, мне предстояло разобраться с электричеством и уметь с ним обращаться; узнать, куда подключаются бесчисленные приборы; как их располагать на сцене, чтобы их не было видно из зала; как их быстро перемещать во время темных перемен картин (то есть, при открытом занавесе); и, наконец, что нужно делать при внезапном повреждении аппаратуры, соблюдая осторожность, или как теперь это называют, технику безопасности. По заведенной традиции мне был выдан очень удобный коричневый комбинезон с большими карманами и широким поясом. Он был цельный, и в него нужно было залезать сверху, а потом застегиваться на большие черные пуговицы. Под ним я должен был обязательно носить белую рубашку с галстуком — такова была форма осветителей, которая придавала им очень красивый вид. Кроме того, при необходимости нас можно было сразу рассмотреть за кулисами в толпе разнообразных лиц, а это часто случалось. Поскольку у меня были большие проблемы с одеждой и существовали одни единственные штаны, в которых я ходил в школу, то все остальное время я проводил



в этом самом комбинезоне. Он у меня был на все случаи жизни — и в пир, и в мир, и в добрые люди.

Вся осветительная система театра состояла из шести частей: это была рампа, которая располагалась на переднем крае сцены и освещала лица актеров; софиты, которых было шесть или семь рядов, и они находились высоко над сценой и освещали ее сверху. Тут же на сцене или, как мы говорили, на планшете, устанавливались разнообразные лампы и подсветки, которые перемещались с места на место в течение всего спектакля. Это была самая суежливая работа, которую надо было выполнять очень быстро и четко. Затем высоко над сценой на уровне софитов по обеим сторонам сцены проходили длинные балконы, которые назывались галеркой. На них с каждой стороны было установлено по пять или шесть мощных двухкиловаттных прожекторов, с помощью которых высвечивали сверху определенные места на планшете, например, дом, окно, лобное место, стол, скамейку и так далее. Это все были постоянно направленные потоки света. Но, кроме того, существовали еще две осветительские ложи, находившиеся в зрительном зале на уровне второго яруса. Помимо постоянно направленных прожекторов, в них еще были прожектора, которые все время двигались и высвечивали, как правило, солистов как в опере, так и в балете, причем они направлялись именно на того из них, который в данный момент исполнял ведущую партию. И, наконец, самое сердце осветительной системы — регулятор.

Когда вы смотрите из зала на сцену, вы видите сразу за рампой два возвышения. Одно из них очень небольшое — это суфлерская будка, в которой на всякий случай сидит суфлер и подсказывает певцу или певице слова, если они вдруг их забудут, что, правда, очень редко случалось. Слева от суфлерской будки расположен регулятор. В нем в течение всего спектакля находятся самые опытные осветители, которые управляют всем светом на сцене и в зале. Кроме того, они же управляют еще и некоторыми другими механизмами, например, когда на сцене открывается люк, и кто-нибудь уходит под землю или, наоборот, появляется из-под земли, или кто-то пролетает через всю сцену. Всем этим

тоже управляют из регулятора. Перед тем человеком, который управляет светом, находятся три больших вала — это реостаты. На них находится множество маленьких ручек, каждая из которых связана с каким-нибудь одним источником света. Поднимая или опуская ручку, можно прибавлять или уменьшать яркость света. А перед глазами у этого дирижера света стоит партитура, как у настоящего дирижера, только вместо музыкальных инструментов его слушаются инструменты световые. На партитуре обозначены все светильники, и в каком положении они должны быть на этом спектакле. Если же нужно мгновенно вырубить весь свет (это так называемая вырубка), то быстро поворачивается весь вал, и свет гаснет. Я много раз наблюдал, как все это происходит, и понял, что для того чтобы управляться со всем этим хозяйством, нужно иметь незаурядную ловкость и чувство художника. Несмотря на существование партитуры, живость освещения зависит от таланта исполнителя. Кроме того, часто создаются неожиданные ситуации, когда по какой-либо причине перестает работать тот или иной источник света, и приходится импровизировать, включая запасные источники или усиливая работу других.

Сначала меня определили работать на планшете, и в мои обязанности входило разносить по кулисам разную аппаратуру, устанавливать в ней соответствующие рамки или светофильтры. Потом мне разрешили проводить их установку самостоятельно. Убедившись, что я понимаю весь процесс и выполняю его без ошибок, меня перевели на более ответственное место — на галерку.

Тут выяснилось, что после войны я стал плохо видеть и не мог издали различить те объекты, которые нужно освещать. Пришлось срочно заказывать очки. Не помню по какой причине, но таких очков с дужками, которые обычно носят, не оказалось, и вместо них мы с Верой нашли старую основу для пенсне. Пенсне — это небольшое устройство, которое зажимает переносицу носа, и к которому прикреплены стеклянные линзы. Раньше пенсне носили профессора, адвокаты и вообще люди из высшего общества. Поэтому мое появление на работе в пенсне вызвало бурю восторга. Надо мной потешались, наверное, весь сезон. Мне кричали: «Эй, ты, который

в пенсне, пойдика сюда!». Или: «Профессор, не соблаговолите ли перенести эту лампу?!». Благодаря этому приспособления я стал известен почти на весь театр. И часто балетные, спешащие на свой выход, увидев меня в пенсне, улыбались и отпускали всякие шуточки. Это приспособление оказалось очень неудобным, потому что во время моей физической деятельности на планшете оно часто сваливалось с носу. В конечном счете, его пришлось заменить обычными очками.

Итак, я стал работать на галерке. Это была не очень обременительная работа. Перед началом каждого акта надо было сменить рамки и направить прожектора на определенные места на планшете. Лишь в исключительных случаях нужно было менять направление света во время действия, например, в опере «Сорочинская ярмарка» в картине «Ночь на лысой горе». И вот тут-то на галерке я впервые познакомился с электричеством. Однажды надо было перевести луч прожектора на другое место. Прожектор был большой и тяжелый. Я попытался повернуть его, но он не поддавался. Тогда я взялся одной рукой за его ручку, а другой за рельсу, которая проходила вдоль другой стороны балкона. И тут меня начало трясти со страшной силой, потому что через мои руки пошел электрический ток. Я не мог оторваться, мои мышцы были парализованы, и я чувствовал, что я погибаю. Вокруг никого не было, я был на галерке один. Я стал падать, благодаря весу моего тела мои руки оторвались от рельса и прожектора, и я покатился по балкону. Я тут же вскочил и, несмотря на боль в руках, направил прожектор в нужное место. Затем мои ноги подкосились, и я долго сидел на полу, весь мокрый от пота. Мои руки болели, как будто их били палками. Это был жестокий, но хороший урок, и впоследствии я никогда не касался металлических предметов, когда работал с электрическими приборами. Кроме того, я хорошо понял, что это означает, когда говорят, что прибор «стал бить на корпус».

Я недолго работал на галерке, и вскоре меня перевели на новое место, а именно в осветительскую ложу, которая находилась в зрительном зале. Там я и остался на все время моей работы в театре. В правой ложе работала Таня, у которой я учился,

а в противоположной — Мила, на чье место я переместился, когда научился и стал работать самостоятельно. Всего в ложе было семь прожекторов. Три из них составляли верхний ярус и, как правило, были направлены постоянно на планшет. Три нижних устанавливались в зависимости от типа декораций. А последний, самый маленький, был предназначен для того, чтобы подсвечивать актеров на сцене. И это означало, что я должен был каждый спектакль сидеть у этого прожектора с начала до конца. Каждую оперу я прослушал не менее тридцати раз: «Князя Игоря», «Хованщину», «Ивана Сусанина», «Травиату», «Кармен» и много других. Я запомнил мелодии и слова всех арий наизусть и мог исполнить их за всех исполнителей. Я выучил наизусть все балеты, но, к сожалению, не мог их воспроизвести. Когда главные певцы или певицы перемещались по сцене, подсвечивать их ведущим прожектором было очень легко. Они почти не двигались во время исполнения. Иногда даже происходили курьезные случаи, когда ты держишь и держишь луч на актере во время исполнения им какой-нибудь длинной арии, которую ты слышал уже не менее двадцати раз, а он не двигается с места. Постепенно глаза закрываются, и ты дремлешь, держа прожектор в том же положении. Потом встрепенешься, откроешь глаза — о, ужас, он уже ушел в другое место, а ты светишь на пустой планшет. Дай бог, чтобы это не заметили в регуляторе, а то будет тебе большая взбучка.

Другое дело — освещать танцовщиков во время балета. Это серьезная и тонкая работа, требующая большого внимания и ловкости. Помимо того что каждый исполнитель одной и той же партии имеет свои особенности, существуют строгие правила, как нужно освещать танцующего. Так, например, когда танцовщики совершают разнообразные па или делают прыжки, ты должен освещать их полностью с головы до ног. Если же они начинают вращаться и делают пируэты, шенэ или тридцать два фуэте, ты сразу же должен убрать свет с головы, чтобы он не слепил им глаза. Иначе они могут упасть и разбиться. Когда исполняются вариации, т.е. танцует только один исполнитель, его освещают сразу из обеих лож. При исполнении дуэтного танца с вариациями, который носит

название па-де-де, каждая ложа освещает исполнителя, который находится на противоположной стороне сцены. Когда он переходит на другую сторону его «берет» другая ложа, а ты принимаешь его партнера. Для этого нужно хорошо чувствовать друг друга.

В некоторых балетах исполнители внезапно появляются из-за кулис, да еще в темноте или при слабом освещении. Если их не осветить, то никто и не заметит, что они появились. Так, например, в «Лебедином озере» злой волшебник Ротбарт много раз выскакивает из-за кулис и моментально исчезает. Причем некоторые исполнители могут появиться совсем не из той кулисы, из которой ты их ожидаешь. Вот и сидишь в напряжении с закрытым прожектором, как охотник за дичью, готовый мгновенно открыть диафрагму и поймать его в любом месте. Мало было быть готовым поймать лучом возникающего актера, нужно было точно знать по музыке, когда это произойдет. Поэтому одновременно с наблюдением за сценой нужно внимательно следить за развитием музыки. Вот сейчас скрипки заканчивают лирическую мелодию, и одновременно с ударом в барабан выскочит Ротбарт. При этом нужно, не открывая диафрагмы, четко направить прожектор в нужное место.

Иногда мы допускал разные шалости, которые для ведущего режиссера и регулятора оставались незаметными. В тех случаях, когда по ходу спектакля идут массовые танцы, например полонез или общий вальс без солистов, ведущими прожекторами подсвечивать было не надо. Но мы делали это исподтишка. Мы направляли луч на своих друзей или любимых танцоров, и они сразу выделялись на общем фоне. В ответ они улыбались нам или качали укоризненно головой, или незаметно грозили пальцем. Надо сказать, что ближе всего по возрасту ко мне были, конечно, балетные актеры, и поэтому у меня среди них было много друзей. Количество их увеличилось на следующий год, потому что летом по путевке от театра меня отправили в дом отдыха РАБИС<sup>13</sup>,

<sup>13</sup> РАБИС или Сорабис (Союз работников искусств), с 1924 года — Всерабис (Всесоюзный профессиональный союз работников искусств) — массовая профессиональная организация в России и затем в СССР, объединяющая на добровольных началах всех работников искусств.

где в это же время отдыхали выпускники хореографического училища Юра Григорович, Юра Мячин, Юра Малахов и много других ребят.

Не могу сказать, что отношения балетных ко мне были во всех случаях чисто дружеские. Я познакомился с целым рядом женподобных мужчин из числа танцовщиков, у которых были другие основания быть во мне заинтересованными. К счастью, после одного случая в раннем детстве у меня сложилось стойкое неприятие взаимоотношений такого рода. Поэтому иногда дело доходило до вынужденного физического сопротивления. В конечном счете, все стало на свои места, больше никто ко мне не приставал, и с некоторыми из этих людей у меня возникли впоследствии даже хорошие дружеские отношения.

Это было время, когда почти все наши лучшие танцовщики работали в Мариинском театре. Уланова танцевала с Сергеевым, и это была лучшая пара классического балета. Невозможно забыть ее пробег по сцене в роли Джульетты, он был прост и в то же время насыщен большим чувством. И это производило гораздо большее впечатление, чем значительно более сложные вращения или прыжки. Каждый раз, когда Уланова появлялась на сцене, ты невольно следил за развитием эмоциональной драмы, не обращая внимания на технику выполняемых движений. Они были всего лишь инструментами, с помощью которых она выражала свои чувства. Иное дело, когда на сцену выбегали Балабина и Зубковский, Это был задор, темперамент и откровенная демонстрация танцевального мастерства. Головокружительные прыжки, вращения и блестящее завершение вариаций. Когда Уланова переехала в Москву, ее место заняла Дудинская. Она обладала филигранной техникой. Казалось, что для нее не существует технических сложностей. Я не помню ни одного раза, когда у нее не получилось бы какое-либо движение. Но при этом ей не хватало той глубины чувств, которая исходила от Улановой. Вячеслова, независимо от того, что она исполняла, всегда несла в себе некоторое коварство и непредсказуемость. От Шелест исходила внешняя сдержанность и даже холодность наряду с огромным внутренним

темпераментом. По части темперамента и огромного внутреннего напора никто не мог сравниться с Вахтангом Чабукиани — когда он исполнял свои вариации, зал стонал от восторга.

Эти различия в исполнении ролей можно было понять только в результате многократного просмотра балетов в течение года. При этом необходимость постоянно следовать лучом за исполнителем заставляла сосредотачиваться на нем и позволяла подмечать очень тонкие детали его поведения на сцене, ускользающие от обычного зрителя. Даже если солисты были одни и те же, каждое представление было новым и неповторимым. Несмотря на то, что все па были многократно отрепетированы и триста раз повторены, каждый выход на сцену был как будто только сейчас придуман. И это зависело от партнера, публики, дирижера и многих других обстоятельств, о которых мы зрители даже не догадывались. Вот эта способность создавать образ прямо сейчас и насыщать его разными эмоциональными оттенками приводила меня в восхищение и являлась самым притягательным свойством балета. Даже просто подать руку партнерше можно было тысячью разных способов: властно, просительно, ласково, жадно, нежно, умоляюще, брезгливо, безвольно, требовательно. Это вызывало ответную реакцию и в известной мере определяло дальнейшее развитие событий, несмотря на то, что сама схема танцевальных движений оставалась одной и той же. Когда же бурные и заразительные характерные танцы, например «Танец с саблями» в балете «Гаянэ» или «Панадерос» в «Баядерке»<sup>14</sup>, исполняли Стуколкина с Андреевым или Анисимова с Бельским, это в обоих случаях было восхитительное и захватывающее зрелище, но с разными акцентами и характером преподнесения одного и того же движения. Нельзя было сказать, какое из них было лучшим, — они просто были разными.

Среди осветителей был молодой стройный парень Андрей Станчул. Он очень любил балет и в свободные минуты пытался повторять балетные па, которые мы видели почти каждый день.

<sup>14</sup> «Панадерос» — танец из балета «Раймонда».

Он великолепно, не хуже балетных артистов, выполнял пируэты и мог делать по пять-шесть поворотов подряд. Для меня это было недостижимо, но я также пытался повторять разные движения и некоторые из них даже с успехом, за что получал одобрительные комментарии и советы Андрея. Конечно, мы занимались этим, когда актеров на сцене не было, иначе наши неуклюжие попытки вызвали бы поток насмешек. Со временем наши успехи возрастали, а число заинтересованных ребят увеличивалось. Мы даже пытались некоторые фрагменты из балетов изображать в комическом виде

А оснований для изображения их в смешном виде было предостаточно. Несмотря на жесткую дисциплину и тщательную подготовку каждого спектакля, то и дело возникали непредвиденные ситуации, вызывавшие восторг и смех зрителей и нас, но повергавших режиссеров ужас. Идет, например, «Лебединое озеро», акт лебедей<sup>15</sup>. Все лебеди в белых пачках, таких же трико и с белыми перьями на головах. И вдруг один из лебедей появляется в черных протертых до дыр гамашах. Обычно балетные до начала акта и между ними разминались, и чтобы сохранить ноги в тепле, надевали такие гамаши. Окружающие девушки знаками пытаются сообщить ей о беспорядке в ее костюме. Из-за первых кулис появляются указующие руки ведущих режиссеров. Она начинает нервничать, но ничего не понимает. Оглядывает себя, но ничего не видит, потому что пачка полностью закрывает ее ноги. В результате все лебеди, стоящие в изящных позах, начинают содрогаться от смеха. Вместе с ними смеется публика, лирический акт практически сорван.

Обычно во время спектакля задник закрыт, и за ним можно проходить с одной стороны сцены на другую. Но в некоторых картинах, когда нужно показать перспективу, его раскрывают и за ним устанавливают декорации дальнего плана. Так, например, опять же в «Лебедином озере» задник раскрывают, и лебеди

---

<sup>15</sup> Вероятно имеется ввиду 2-я картина первого действия балета, появление Одетты и лебедей.



танцуют на фоне красивого озера. И вдруг по озеру невозмутимо шествует новый рабочий сцены в ватнике и с резиновыми сапогами через плечо. В этом случае исполнители, повернутые лицом к залу, конечно, ничего не видят и не понимают, отчего веселится публика в самом лирическом месте картины. Рабочий же, услышав шум в зале, заметался, всплеснул руками и убежал обратно, вызвав очередной взрыв смеха.

Идет опера «Ночь перед Рождеством». Кузнец Вакула отправляется во дворец к императрице просить у нее черевички для любимой девушки. В разгаре картина во дворце, идет бал, появляется Екатерина в сопровождении Потемкина. Вакула приближается к ней, и вдруг прямо перед императрицей с небес падает валенок. Это рабочий сцены, который сидел наверху у софитов и бросал снег в предыдущей картине, задремал, а валенок с ноги свалился. Слава богу, народ не растерялся и, когда Вакула стал просить черевички, произошла мимическая сцена. Екатерина сперва молча предложила ему этот валенок, от которого он с ужасом и тоже жестами отказался. Ну а дальше все пошло своим чередом. Но можно себе представить, что было за кулисами. Сначала ужас, потом восхищение находчивостью актеров, а затем гомерический смех до коликов.

Или, например, идет «Шопениана». Все девушки одеты в очень красивые платья с лифом, обтягивающим тело до пояса, и с воздушными прозрачными пачками, но не торчащими в стороны как обычно, а спускающимися ниже колен. Под пачки надеты нижние юбки. И вот, в самый разгар танца сольной пары у партнерши на поясе лопаются завязки, и нижняя юбка опускается на сцену. Я уже не помню, кто танцевал в этот раз, но партнерша легко и грациозно, высоко поднимая ноги, под музыку перешагивает через нее и невозмутимо продолжает свой танец. Это, конечно, высший класс, и далеко не все способны сделать вид, что все идет так, как и было задумано.

В последнем акте балета «Спящая красавица» идет торжество, и исполняется целый ряд танцев, среди которых и венгерский танец. Согласно постановке, сначала появляется несколько пар,

которые делают несколько танцевальных па, затем выстраиваются по диагонали, и появляется солист. По замыслу он должен сделать длинный прыжок и проехать почти до середины сцены на одном колене. Но нерадивый осветитель, передвигая лампу, забыл убрать закрепительное устройство, и наш бедный солист, зацепившись ногой за него, вместо запланированного прыжка пролетает вперед почти через всю сцену ласточкой, животом вниз, с поднятыми руками и ногам, вызывая восхищение зрителей невиданным трюком. Затем он вскакивает и с невероятной злостью и азартом заканчивает танец на ура.

Однажды в балете «Баядерка» во время массового танца у одной из танцовщиц схватило поясницу. По-видимому, у нее был радикулит, и она замерла на месте не в состоянии двинуться. Все вокруг танцевали, она стояла, наклонившись вперед с раскрытыми руками на скрюченных ногах. Хорошо, что молодые танцовщики сообразили и, исполняя какой-то импровизированный танец, не соответствующий ни музыке, ни действию, окружили ее, и пока одни отвлекали зрителей, другие очень осторожно унесли ее за кулисы.

Великолепный пример того, как можно привлечь внимание зрителей, практически ничего не делая ногами, продемонстрировал однажды замечательный характерный танцовщик Румянцев. В конце балета «Бахчисарайский фонтан» есть очень быстрый и изнуряющий татарский танец, я забыл его название. Обычно после его окончания артисты почти валились с ног и не могли отдышаться. Надо сказать, что во время исполнения массовых танцев из-за первой кулисы, как правило, следили ведущие режиссеры, в обязанность которых входило выявлять тех, кто плохо танцевал. Затем лентяи подвергались разносу. Так вот, во время одного из спектаклей Румянцев был на первом плане перед режиссером, который смотрел прямо на него. При этом он с большой экспрессией делал все руками и верхней частью туловища и почти ничего ногами. Хотя режиссер смотрел на него в упор, он этого не замечал. Этот эксперимент был проделан им, конечно, на спор, специально чтобы

доказать, что даже специалисты могут не заметить ошибки, если правильно преподнести себя на сцене.

Так как я с малых лет часто бывал в папином театре и изучил, что происходит до начала спектакля и во время него, для меня было все понятно и не вызывало удивления, как у других ребят, впервые попавших за кулисы. Тем не менее, я любил пробираться в костюмерные и разглядывать роскошные костюмы, в которых появлялись короли и придворные. Иногда мне даже разрешали в них облачаться, но только так, чтобы не заметил начальник миманса Иванцов. Благодаря тому, что дядя Ваня и дядя Коля, который погиб во время войны, работали в театре, меня многие знали и относились как к своему, и даже иногда называли меня в шутку «сыном полка». Многократно слушая «Князя Игоря» я вспоминал, как дядя Коля пел мне перед войной арию Кончака, и как он мечтал выйти на сцену в этой роли. Сравнивая его с другими певцами, я пришел к выводу, что он был бы не худшим исполнителем этой арии. За три года работы я познакомился практически со всеми основными операми и балетами. Несмотря на войну, репертуар театра был огромен. Из опер шли «Иван Сусанин», «Князь Игорь», «Садко», «Хованщина», «Травиата», «Орлеанская дева», «Золотой петушок», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Аида», «Лоэнгрин», «Свадьба Фигаро», «Ночь перед Рождеством», «Кармен», «Обручение в монастыре», «Риголетто», «Отелло». Я не могу сказать, что все они нравились мне в равной степени, но, судя по тому что некоторые картины врезались в мою память на всю жизнь, они, по-видимому, были особенно близки моему сердцу. Конечно, это зависело и от исполнителей. Я, например, вижу прямо перед своими глазами Преображенскую в роли Марфы в «Хованщине», когда она гадает, и в роли Жанны Д'Арк в «Орлеанской дева», когда она поет: «Прощайте вы леса, поля и реки...». Или Нелепа в «Травиате». Я очень близко принимал к сердцу судьбу Князя Игоря. И всегда с волнением слушал и смотрел последнюю картину «Травиаты», в которой Виолетта, постепенно слабая, умирает, и перед ее глубоким и искренним чувством отступают все условности и материальные соображения.

Вероятно из-за моей бабушки, которая мне в детстве пела арии из опер, я встречался с персонажами «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» как с родными.

Ежедневное и обязательное слушание оперной и балетной музыки великих композиторов явилось для меня своеобразной консерваторией. Оно составило для меня основу моего музыкального образования. Преподнесение этой музыки разными дирижерами показало мне, как одна и та же мелодия может по-разному интонационно раскрываться. Можно было видеть и ощущать, как одни дирижеры вели исполнителя, а другие просто ему следовали. Конечно, разбираться в этом помогали мне и те музыкальные занятия, которые вела со мной до войны мама. Во всяком случае, после работы в театре музыка стала для меня постоянной спутницей жизни. Чем бы я ни занимался, и где бы я ни был, я обязательно должен был ее слушать. Она как бы снимала все напряжение повседневных забот, облегчала горечь неизбежных разочарований и позволяла погружаться в мир поэтических фантазий. И как я понял позднее, она создавала тот особый эмоциональный настрой, который так необходим для любой творческой работы. Конечно, сейчас это запоздалые мысли. В те юношеские годы я не отдавал себе в этом отчета, а только ощущал невероятную легкость после замечательных мелодий, которые действовали как освежающий душ. Когда я уже ушел из театра, мои музыкальные познания и формирование музыкального видения мира продолжилось почти регулярным посещением филармонии. На смену ненасытному поглощению литературы, которое происходило в моем инкубаторе до войны, пришло увлечение разнообразной музыкой.

## Глава 5

# В спорте

---

**П**о окончании девятого класса я неожиданно для себя оказался в институте физкультуры имени П. Ф. Лесгафта. Вернее, сначала на подготовительном отделении школы тренеров этого института. Я попал туда благодаря подруге моей мамы, которая была членом сборной Советского Союза по художественной гимнастике. Я никогда не занимался спортом и даже физкультурой, да это было и невозможно во время войны. Когда она предложила мне стать спортсменом, я был в замешательстве, потому что не имел никакого представления об этом виде деятельности. Но она меня успокоила, сказав, что все известные спортсмены тоже когда-то начинали с нуля. Поскольку у меня не было никакого представления о том, что мне предстоит, и я совершенно не знал, кем хочу быть, я согласился. Мы пошли с ней в институт, который находился почти рядом с моим домом, и она представила меня как своего брата какому-то мужчине. А когда он спросил, что я умею, я даже не успел открыть рот, как она спокойно сказала: «Он работает по третьему разряду спортивной гимнастики». «Замечательно, — произнес мужчина, — давайте ваши документы».

Так началась моя новая жизнь. Заниматься на подготовительном отделении означало оканчивать десятый класс в школе рабочей молодежи, которая располагалась на углу Садовой

улицы и Лермонтовского проспекта, а затем по окончании уроков отправляться в институт на занятия по гимнастике и по другим видам спорта. В первый раз в жизни я с трепетом вошел в настоящий гимнастический зал и впервые увидел разные снаряды, на которых предстояло демонстрировать свое умение. Брусья, кольца, турник или перекладина, конь, козел. Кроме того, шведская стенка, бревно, маты — все это я встречал в книгах, но никогда не видел. У нашей группы был пожилой хромоногий тренер, который не мог сам показывать упражнения, но зато произносил всякие непонятные для меня слова: подъем разгибом, шмыг, перешмыг, флик-фляк, стойка на кистях, переворот боком, большой оборот и многое другое. Когда задавали какое-нибудь упражнение, я старался быть последним и внимательно рассматривал, как это нужно выполнять. Так, сначала надо немного подтянуться, потом просунуть ногу между рук, откинуть корпус назад и зацепиться ногой за перекладину. Все, казалось бы, понятно, но когда начинаешь делать сам, то получается совсем не так, и болтаешься на снаряде, как сосиска. Я старался, как только мог, так как мне ни в коем случае нельзя было показывать, что я ничего не знаю и не умею. Каждое занятие было для меня тяжелым испытанием, многие элементы я выполнял коряво, как мне казалось, и на пределе своих возможностей.

Подошел новый год, и перед зимними каникулами состоялся первый разбор наших успехов в гимнастике. Тренер собрал нас всех в зале и стал всех по очереди отчитывать за небрежное выполнение тех или иных элементов и за недостаточное усердие. Дошла очередь и до меня. Я весь сжался и закрыл голову руками. Сейчас он скажет, что меня нужно немедленно выгнать за непригодность. И вдруг я слышу: «Вот посмотрите на Пинаева, ведь когда он пришел, он ничего не умел делать. Но в течение всего этого семестра он так старался и относился к занятиям с таким вниманием, что сделал большие успехи. Вот так надо работать всем!».

А я-то думал, что он не замечает моего абсолютного неумения. От сердца отлегло, нервное напряжение спало и, как

ни смешно, после этого разговора все стало получаться гораздо легче и лучше. Я перестал бояться.

К концу учебного года, однако, я понял, что хорошего гимнаста из меня никогда не получится, прежде всего, по причине моего телосложения. У профессиональных гимнастов мощный треугольный торс, легкие тонкие ноги и длинные руки. А у меня тяжелые ноги, довольно короткие руки и отнюдь не мощный плечевой пояс. Поэтому при поступлении в институт после подготовительного отделения мне пришлось сменить специализацию и основным видом спорта для меня стало плавание. Особенно хорошо у меня получался стиль баттерфляй.

Институт состоял из двух факультетов — педагогического и спортивного. На спортивный факультет отбирали студентов с явно выраженными спортивными талантами, поэтому я вполне естественно оказался на педагогическом факультете. Нас одевали практически с головы до ног. Каждый год нам выдавали летний и зимний спортивные костюмы, майки, трусы и спортивную обувь. Во всем этом мы и щеголяли не только на спортивных занятиях, но и в жизни, потому что большинству вообще нечего было одеть. Кроме того, нам выдали дополнительные карточки на продукты, на которые можно было купить еды даже больше, чем на рабочую карточку. Когда ты шел в магазин, то, прежде всего, от этой карточки отрезали талончики на тот или иной вид продуктов: хлеб, крупу, мясо, что-нибудь молочное, и только после этого ты мог заплатить деньги и получить желаемое. Не дай бог потерять карточки, потому что без них в это послевоенное время ничего купить было нельзя, и человек оставался без еды на целый месяц. Карточка была для нас спасением, потому что она помогала поддерживать наши силы для разнообразных спортивных занятий,

А занятий было много. Мы должны были освоить весь спектр существующих видов спорта. Прежде всего, легкую атлетику, в которую входили бег на короткие и длинные дистанции, прыжки в длину и высоту, прыжки с шестом, спортивная ходьба, бег с баярами, тройной прыжок. Лучше всего у меня получались бег

на средние и длинные дистанции и прыжки в высоту. Я познакомился с «мертвой точкой»<sup>16</sup>, за которой, если ты с ней справишься, открывается второе дыхание. Это происходит где-то в середине дистанции, если бежишь на полторы тысячи метров. Наступает момент, когда тебе нечем дышать, когда ноги отказываются бежать дальше, когда сил больше нет, и возникает непреодолимое желание сойти с дистанции. И именно в это время необходимо собрать в кулак всю свою волю и продолжать движение вперед. Тогда через несколько секунд возникает необыкновенная легкость, как будто открываются какие-то клапаны, и в тебя вливается поток силы. После этого можно бежать бесконечно долго. Это и есть так называемое второе дыхание. Позднее я понял, что мертвая точка наступает не только при беге, но и при любой другой напряженной работе, как физической, так и умственной, и очень важно уметь заставить себя преодолеть этот барьер. Это дается далеко не сразу, и спасибо спорту, который научил меня совершать такое насилие над собой. И даже не по желанию, а по необходимости, потому что ты находишься в команде, и если ты сойдешь с дистанции, то твоя команда проиграет. Это обостренное чувство команды позволяет преодолевать себя и совершать невероятное. Для меня это особенно проявлялось в прыжках в высоту. Когда ты смотришь на прыгуна, то видишь, что он вначале зачем-то переминается с ноги на ногу, потом вдруг отходит в сторону, снова возвращается на место, на минуту замирает, затем три-четыре больших шага, и вот он уже в воздухе и плавно перетекает через планку. На самом деле, когда становишься на старт, ты вливаешься глазами в планку и, преступая с ноги на ногу, концентрируешься на предстоящей работе. Ты внутренне понимаешь что высота, которую предстоит преодолеть, выше твоих обычных возможностей, и что тебе предстоит совершить невероятное. Поэтому нужно сконцентрировать всю свою волю, чтобы на какой-то миг

---

<sup>16</sup> Мертвая точка — в спорте — состояние острого снижения работоспособности спортсмена при интенсивной физической нагрузке (бег, ходьба на лыжах, езда на велосипеде, гребля и т.д.), возникающее через непродолжительное время после ее начала и исчезающее при дальнейшей работе.





*Георгий Пинаев — в спорте*

внутри тебя открылись чудесные клапаны, и чтобы это произошло именно в момент последнего толчка. И вот в это самое время концентрации тебе приходит на помощь чувство команды. Именно оно оказывает на тебя какую-то магическую силу и заставляет организм превозмочь себя. В какой-то мере эти ощущения были мне уже знакомы и очень хорошо сочетались с нашим чувством поддержки друг друга во время войны. Но там они были неосознанными, а здесь они превратились в правило жизни. Больше всего они проявляются в спортивных играх, где забитый гол или бросок в кольцо очень часто зависит не столько от твоего умения, сколько от хорошей подачи товарища, присутствие которого ты, даже не видя его, физически ощущаешь.

Помимо легкой атлетики нам предстояло освоить в качестве обязательных дисциплин тяжелую атлетику, бокс, борьбу, фехтование, коньки, греблю, плавание, волейбол, баскетбол, футбол,

хоккей и разные виды лыжного спорта: бег на разные дистанции, слалом и прыжки с трамплина. Такое обилие физических упражнений требовало много сил, а стипендия была очень небольшая, и денег катастрофически не хватало. Поэтому все студенты подрабатывали, где только могли. Сначала я вместе с другими отправлялся на Московский вокзал, где за очень небольшую плату мы доносили до транспорта багаж приехавших пассажиров. Многие принимали участие в разгрузке товарных составов. Дело было послевоенное, и мужской силы категорически не хватало, а обилия разгрузочной техники еще не было. Мои новые друзья познакомили меня с еще одним видом довольно хорошо оплачиваемого заработка — это было участие в массовых съемках на Ленфильме. Так как все были заняты в дневное время — кто в институте, а кто на основной работе, — массовые съемки проводили в ночное время. Как правило, нас вызывали в студию часов в семь-восемь вечера, а иногда и позже. Затем нас одевали соответствующим образом, гримировали, и начинались репетиции, на которых каждый получал задание — что, где и когда нужно делать. Как правило, это занимало довольно много времени, и сами съемки начинались за полночь. Заканчивались они рано утром, и домой я добирался часов в шесть, а в девять надо было быть на занятиях в институте. Я, по-видимому, оказался достаточно сообразительным, потому что меня стали часто вызывать на студию. Оказалось, что это довольно трудно — совмещать с занятиями. После бессонной ночи я сидел, вытирашив глаза, и мало что понимал. Затем голова моя опускалась на тетрадку, и я засыпал до тех пор, пока сосед не толкал меня в бок. А потом все повторялось сначала. Однажды меня вызвали на студию и предложили пройти пробу на сольную роль. В это время снимали художественный фильм «Пирогов» о знаменитом русском хирурге. В фильме была роль студента медицинского института Козлова, который выступал в качестве прототипа Пирогова в юности. Вот эту-то роль и предстояло мне исполнять. Я удачно прошел все необходимые пробы. Но в это время в июне в Москве должен был проходить всесоюзный физкультурный парад, и для

участия в нем весь наш курс вывезли туда в полном составе. На параде мы исполняли массовые вольные упражнения, а, кроме того, должны были устанавливать и перемещать по полю специальные огромные, в пять-шесть метров высотой, спортивные снаряды — перекладины и брусья, на которых демонстрировали свое искусство чемпионы по спортивной гимнастике. Я помню, как мы с замиранием сердца следили за блестящим выступлением Бормоткина на перекладине, когда он делал бесчисленное количество больших оборотов, или как мы называли «солнышко». Когда я вернулся домой и пошел на студию, секретарь спросила меня: «Где же вы были? Мы не могли вас найти». Я отвечаю, что был на параде в Москве. «Очень жаль, но сегодня в вашей роли уже снимается другой человек». Так и не состоялась моя артистическая карьера в кино. Несколько позже мне случилось еще раз сняться в кино, но уже в другом качестве — в роли каскадера. В картине «Медовый месяц» я дублировал Кадочникова, которому по замыслу режиссера нужно было на всем ходу выпрыгивать на землю из кузова грузовика. А дело было так. На первом курсе института я уже не жил в моей старой квартире. Мы с отцом разменяли наши комнаты, и теперь я жил один в другой коммунальной квартире — на углу Бородинской улицы и Фонтанки, почти напротив Большого драматического театра им А. М. Горького. В этой же квартире за стеной в то время находился пожилой артист цирка. Однажды утром он стучит ко мне и говорит, что ему предложили дублировать Кадочникова, но он отказался, потому что ему уже тяжело делать такие трюки, и предложил меня как опытного спортсмена. Я говорю, что я никогда ничего подобного не делал и боюсь не справиться, но он уверил меня, что для меня выполнить эту задачу будет не сложнее, чем прыгнуть через козла. Поминая наказ Веры не отказываться ни от чего пока не попробовал, я с дрожью в душе согласился на этот эксперимент. И вот на следующее утро за мной заезжает Кадочников и на своей шикарной легковой машине везет меня в Юкки, где происходят съемки этой картины. Согласно сюжету, главный герой останавливает машину и просит довести его поскорее на железнодорожную

станцию, откуда должен вскоре отходить поезд. Вдруг по дороге он видит идущую любимую девушку, за которой он едет на станцию. Он начинает стучать по крыше кабины, а шофер говорит: «Успеем, успеем!» — и прибавляет скорость. Тогда герою ничего не остается, как выпрыгнуть из машины на ходу. Вот это я и должен был сделать. Машина едет с холма по лесной дороге, и на выезде из леса нужно было побарабанить по кабине и затем прыгнуть. На репетициях машина ехала медленно, и все было более-менее просто. Но когда начали снимать, шофер неожиданно прибавил ходу, и мне стало страшно. Тем не менее, как на соревнованиях, отступить было некуда и, собрав все силы, я выбросил себя из машины и распластался на земле. Потом на это же место с разбегу падал Кадочников в ту же позу, и подмена была незаметна. Режиссер был очень доволен, но зачем-то решил сделать еще три дубля. По его мнению, солнце недостаточно хорошо освещало мой полет. Кончилось это тем, что на последнем дубле в момент падения я вывихнул себе левую руку в плече и в течение нескольких месяцев не мог поднимать ее вверх. Это сильно сказалось на моих спортивных успехах. Поэтому я решил каскадерством больше не заниматься.

Я был достаточно медлителен и неповоротлив. У меня не хватало быстроты реакции, и поэтому такие виды спорта, как баскетбол, хоккей или бокс, удавались мне хуже всего. Несмотря на то, что я выучил все хуки и апперкоты, после каждого спарринга или соревнования по боксу мой нос болел так, что до него нельзя было дотронуться. От самого легкого прикосновения у меня слезы градом лились из глаз. Напротив, неожиданно хорошо пошло фехтование на рапирах, и меня даже включили в команду института на городские соревнования. В известной степени этому способствовали, как это ни странно, занятия гимнастикой. В обоих случаях необходимо научиться контролировать положение своего тела или отдельных его частей в пространстве. Это, как объяснили нам на лекциях по физиологии спорта, называется кинестетическими ощущениями. Они заключаются в том, что ты совмещаешь зрительное восприятие положения своего тела

с разной степенью напряжения тех или иных групп мышц, и это позволяет контролировать свои движения изнутри даже с закрытыми глазами. В фехтовании существует даже специальный тренажер для этой цели. Он состоит из металлической пластины, в которой прорезана латинская буква S. В задачу входит провести концом рапиры в прорези вдоль этой буквы и не коснуться ее краев. При соприкосновении с краем загорается лампочка, и приходится начинать снова. В начале ты учишься производить это движение, пристально следя за концом рапиры и прислушиваясь к поведению мышц кисти. А затем ты должен проделать то же самое, но закрыв глаза и доверившись умным мышцам. Это очень сложное и деликатное упражнение, но зато оно способствует развитию способности ощущения себя в пространстве и чувства поддержания определенной позы. Значительно позже я понял, что ощущение позы не ограничивается только зрительными и мышечными составляющими. Оно еще требует еще очень важного компонента — определенного эмоционального посыла, который наполняет эту позу тем или иным содержанием. Мы обычно не отдаем себе отчета в том, что мы бессознательно, но беспрестанно своими движениями и позами распространяем вокруг себя очень важную информацию о своем состоянии, которую большинство окружающих, к сожалению, просто не способно воспринять. И плох тот тренер, который не чувствует и не воспринимает эмоционально-двигательного настроения подопечного. Иногда это заканчивается трагедиями. Когда вам предстоит тяжелый серьезный разговор, от которого зависит ваше решение или ваши дальнейшие отношения с человеком, не смотрите ему в глаза, смотрите на его руки. Глаза могут лгать, а руки — никогда, если только человек не проходил специальную тренировку. Они могут быть бегающими или напряженными, смущенными или вибрирующими, безвольными, угрожающими, неуверенными и, наконец, спокойными. Они лучше всего отражают состояние души человека в минуты тяжелых испытаний.

Вскоре моя работа на киностудии закончилась неожиданным образом. Как-то по пути я зашел на студию и спросил, почему

меня уже давно не вызывают. Секретарь вздохнула и, несколько смущаясь, ответила: «Ваш типаж больше не подходит. Сейчас новая мода на колхозную тему, и вы не вписываетесь в нее». В это время у нее сидела какая-то женщина, и она вдруг повернулась к ней и сказала: «Кстати, не хотите ли взять этого молодого человека к себе? Он студент института Лесгафта и может вам подойти». Оказалось, что сидящая у нее женщина была секретарем Художественного фонда. Та внимательно на меня посмотрела и произнесла: «Что же, давайте попробуем. Приходите ко мне завтра на улицу Герцена<sup>17</sup> в Союз художников. Знаете, это почти напротив «Астории». Так я на многие годы стал натурщиком, и это было для меня основным способом зарабатывания денег. Такая работа оказалась очень удобной, потому что каждый раз с каждым скульптором или живописцем мы договаривались о подходящем для обеих сторон времени. Обычно сеансы продолжались два-три часа в день. Я больше выдержать не мог, а художник тоже уставал за это время. Я предпочитал работать у скульпторов по двум причинам. Во-первых, они, как правило, работали с обнаженной натурой. Во-вторых, скульпторам была нужна моя мускулатура, а не свет и тени, которые смещались при каждом небольшом движении, и этим приводили живописца в исступление. Кроме того, я мог получать приличное вознаграждение за короткое время. За обнаженную натуру платили десять рублей в час. Если сопоставить это с размером моей стипендии, которая равнялась шестидесяти рублям, то я становился достаточно обеспеченным человеком. Обычно, за редким исключением, позирование занимало у меня один-два раза в неделю. Мне пришлось работать у многих известных скульпторов, например, у Аникушина, Манизера, но больше всего я позировал Николаю Васильевичу Дыдыкину. Это был удивительно теплый и интересный человек, который стал для меня почти родным

---

<sup>17</sup> Сейчас — Большая Морская улица. Прежние названия: Большая Гостиная (с 1737), Бриллиантовая (неофициальное название), Морская (с 1902), улица Герцена (с 1918 по 1993).

и был в курсе всех моих жизненных перипетий. Его мастерская находилась на улице Декабристов между Институтом Лесгафта, с одной стороны, и проспектом Маклина, где жила Вера, с другой. Поэтому мне было очень удобно совмещать учебу с работой и с посещением Веры. Николай Васильевич был по происхождению из Палеха — города, известного знаменитыми мастерами народного промысла. Он много рассказывал мне об этом и показывал свои собственные удивительно красивые изделия. Однажды он срочно вызвал меня по телефону и сообщил, что ему сделали срочный и важный для города заказ. В это время, в конце сороковых, стали возрождать разрушенный во время войны Новый Петергоф и в частности Большой каскад фонтанов. После ухода немцев исчезли все фигуры, и в распоряжении скульпторов были только случайные, а не специальные, старые фотографии. Дыдыкину досталось воссоздать группу из двух тритонов, дующих в раковины. Эти тритоны располагаются на самом верху каскада, сразу под балюстрадой у дворца. Я позировал для обоих тритонов и таким образом могу теперь видеть состояние моих мускулов в то далекое время. Работа натурщиком оказалась очень изнуряющей. Хотя обычно ты стоишь в какой-либо позе положенные сорок пять минут, а затем десять-пятнадцать минут отдыхаешь. Тем не менее, за это время все тело деревенеет, начинает ныть, и ты не можешь дождаться конца этих истязаний. Сколько раз, одеваясь после окончания сеанса, я говорил себе: «Все, больше я не хочу заниматься этой ужасной работой. Это было в последний раз!». Но достаточно было дойти до автобусной остановки, как все боли исчезали, и жизнь уже не казалась такой изнурительной. Потом я нашел путь не изнывать от затекания и мышечной боли. Оказалось, что перед вступлением на этот вращающийся помост надо поставить себе какую-нибудь задачку, над которой надо подумать. Тогда ты стоишь в заданной позе и вместо ожидания конца изнурительного срока погружаешься в размышления, и время при этом течет незаметно. Оказывается что все эти физические терзания не что иное, как изматывание самого себя. Найдя такой простой прием, я уже так не уставал, и жизнь уже не казалась

такой жестокой. Не всегда, однако, удавалось пользоваться таким подходом. У одного скульптора мне предстояло изображать бегуна на финише, разрывающего грудью ленточку. Это означало, что я должен был стоять в позе бегущего человека на одной пятке, раскрыв в стороны руки и выпятив вперед грудь. При всем моем желании я никак не мог удержаться в такой позе. Тогда мне натянули веревку на уровне лица, за которую я мог держаться. И даже при ее помощи мне удавалось выдержать не более пяти минут. Затем следовал короткий отдых, разминка и следующие пять минут. Так продолжалось два часа. Это была выматывающая работа, которая длилась больше месяца.

В Художественном фонде время от времени проводили вечерние занятия по повышению мастерства. Они заключались в том, что приглашали натурщика, и человек десять-двенадцать художников сидели вокруг помоста и рисовали человеческое тело с натуры, как какую-нибудь вазу. Однажды меня вызвали на такое занятие. Когда я пришел, оказалось, что стоять я буду не один, а вдвоем, и к тому же с какой-то девушкой. Меня бросило в дрожь. Стоять обнаженным перед аудиторией я уже привык. Но вместе с обнаженной девушкой...!!! Судя по ее виду, она тоже была не в восторге. В те времена нудисты были далеко еще не в моде. Мы разделись за отдельными ширмами и не решались появиться на публике. Наконец раздался раздраженный голос ведущего: «Сколько можно вас ждать!? Мы же не на приеме у королевы!». Потупившись и не глядя друг на друга, мы вышли из-за ширм. «Вставайте на помост!». Мы кое-как взгромоздились на маленький помост, сгорая от стыда, красные, как раки. Затем ведущий заставил нас принять какую-то позу, наподобие рабочего и колхозницы. При этом мы должны были держаться за руки и касаться друг друга телами. Не знаю как девушка, но я не видел ее фигуры и даже не имел о ней никакого представления. Я стоял как вкопанный и, кажется, ничто в мире не могло заставить меня повернуть глаза в ее сторону. Так мы простояли два часа с перерывом. К концу я был весь мокрый от смущения. Слух о необычном повышении мастерства распространился по Союзу художников,



и через несколько дней разразился страшный скандал, в результате которого ведущего отстранили от этой работы. Слава богу, таких случаев в моей практике больше не было. Я занимался позированием около восьми лет, вплоть до последующего окончания Университета. На меня был спрос, потому что я умел хорошо держать позу, а этому я научился на занятиях гимнастикой.

Несмотря на постепенное овладение своим телом, мне, тем не менее, приходилось постоянно находиться в напряжении и все время догонять своих сокурсников. На первом и на втором курсах у нас были зимние лыжные сборы, которые проходили в Кавголово на постоянной базе института. На первом курсе они продолжались полтора месяца, а на втором — только один. Вот тут то и начались для меня самые большие мучения. Надо начать с того, что я никогда в жизни не стоял на лыжах. В этом смысле я был подобен тем студентам, которые приехали в институт из южных республик. Каждый день утром сразу после завтрака мы отправлялись на занятия. Перед этим нам давали для поддержания сил необычный чай, в котором почти половину стакана занимал сахар. Это надо было обязательно выпить, чтобы выдержать напряженные тренировки, проходившие до самого обеда. Сначала мы выходили на круг, где отрабатывали технику лыжного хода, а он может быть разным, и зависит это от местности, по которой идешь, и от характера снега. Перед выходом на лыжную нужно было научиться мазать лыжи соответствующими мазями. А их было четыре или пять. Кроме того, в некоторых случаях их комбинировали для лучшего сочетания отталкивания и скольжения. Например, под площадку, на которой стоит нога, наносили мазь для лучшего сцепления со снегом, а на концы лыж другую, для лучшего скольжения. От правильного намазывания лыж очень часто зависел успех гонки. В известной степени это своего рода искусство, и во время соревнований каждый держит в секрете свой рецепт, который он нашел для данной погоды и состояния снега. Лыжные ходы были самые разнообразные. Обычный ход, когда попеременно отталкиваешься противоположными ногами и руками — его применяют на среднeperесеченной местности.

Двухшажные или трехшажные шаги, когда одновременно с шагами выносишь обе палки вперед, и затем на второй или третий шаг ими отталкиваешься и какое-то время скользишь на двух ногах в полусогнутом состоянии. Обычно их используют на абсолютно гладкой поверхности, например, на озере или на гладком склоне. Или ход вперекидку, когда одновременно с шагом ноги выносятся вперед противоположная палка, потом то же самое производится с шагом другой ноги и другой палки, а затем толчок двумя палками одновременно. Происходит скольжение, и все начинается сначала. Есть еще коньковый ход, который так популярен в последнее время. Затем существуют всякие способы подъема в гору, например, елочкой или лесенкой и, наоборот, спуска с гор: прямого, с торможением или веерного. Весь этот набор приемов вы все время меняете в зависимости от характера дистанции, и основная задача тренировок заключается в том, чтобы научиться автоматически, не раздумывая, применять в каждом случае оптимальный. В этом-то и состоит искусство лыжника.

В первый год мне было не до искусства. У меня была очень простая задача — не отстать от остальных. После занятий на круге, которые продолжались около часа, проводилась прогулка длинной в пятнадцать-двадцать километров, каждый раз по разной местности с возрастающей степенью сложности. Вот тут-то все и начиналось. Лыжи у меня то разъезжались в разные стороны, то наезжали одна на другую. В результате я падал, а в это время все уходило вперед, и я, как загнанная лошадь, даже не скользил, а бежал за ними, чтобы не отстать. Затем на пути встречалась какая-нибудь ничтожная горка, которую мне, тем не менее, не удавалось преодолеть сходу. Напрягая все имеющиеся силы и используя усвоенные приемы, я с трудом добирался до ее середины, а затем неизбежно падал и сползал обратно к ее основанию. Когда, наконец, я появлялся на ее вершине, людей уже не было. Оставались только их лыжные следы, по которым я снова пускался в погоню. Но хуже всего случалось на спусках. Я обязательно либо врезался в дерево, либо застревал в кустах, или никак не мог высвободить лыжи из снежного плена. Короче

говоря, в течение всех лыжных сборов я каждый день догонял, догонял и догонял уходящую от меня группу. Хотя преподаватель, имея в виду отстающих, строил дистанцию в виде восьмерки, возвращаясь через некоторое время на то же место, мне это мало помогало. Еще хорошо, что у нас был не один, а два преподавателя. Один шел впереди и вел за собой группу, а другой был замыкающим и собирал отстающих, попутно давая им советы, как выпутаться из той или другой ситуации. Наконец сборы подошли к концу, и за несколько дней до окончания был устроен кросс на дистанцию в тридцать километров. Нужно было пробежать пятнадцать километров в одном направлении, затем развернуться и бежать обратно к линии старта. За полтора месяца я все-таки чему-то научился и поэтому первую половину дистанции я бежал довольно резво. Тем не менее, они все-таки от меня убежали, и когда мне оставалось идти еще около километра, основная группа участников шла уже мне навстречу. Это оказало на меня, по-видимому, какое-то психологическое действие, потому что, добравшись до поворота, я вдруг почувствовал, что силы мои иссякли. Я заставил себя выполнить необходимый разворот и ринуться вдогонку за ушедшими, но это было последнее, на что меня хватило. С каждым следующим километром я шел все медленнее и медленнее. К счастью, ко мне подбежал Ваня Иванцов, который был лыжником по специализации и помогал преподавателям проводить этот кросс. Он дал мне свои сухие варежки, а через несколько минут сказал: «Слушай у тебя очень тяжелые палки. Возьми мои тростниковые, они легкие, может быть, они помогут тебе идти быстрее». Я был ему глубоко благодарен, но силы мои таяли с каждым километром. Наконец, мы добрались до озера, на берегу которого стояла наша база. «Ты видишь базу?» — спросил Ваня. Я кивнул. «Доберешься до нее?». Я опять кивнул. «Тогда я побежал, а то я с тобой совсем замерз». И он быстро полетел к базе. Я с трудом пересек озеро и медленно дотащился до подножья холма, на котором стояла база. На этом мои силы кончились, и подняться наверх, стоя на лыжах, я уже не мог. Ноги мои подкашивались. Я встал

на колени, взял в зубы ремешки палок и на четвереньках очень медленно вполз наверх, к входу в наше здание. Здесь я с великим трудом отцепил лыжи и, опираясь на них и на палки, шатаюсь из стороны в сторону, преодолел несколько ступенек, открыл дверь и ввалился в здание. Тут силы совсем оставили меня. Лыжи полетели в одну сторону, а я в другую. Подбежали ребята подняли меня с пола и отнесли к доктору. После осмотра он поместил меня на три дня в изолятор с диагнозом «нервное истощение». Так закончился для меня первый лыжный сбор.

На втором курсе мои спортивные успехи значительно возросли. Я получил второй разряд по плаванию, третий — по фехтованию, третий — по скоростному бегу на коньках. Меня стали включать в команду института на соревнованиях по бегу на средние и длинные дистанции. Тем не менее, по мере приближения второго лыжного сбора мне становилось не по себе при воспоминании о моей беспомощности и ежедневных погонях за исчезающей вдаль цепочкой лыжников. Наконец день нашего перемещения на лыжную базу наступил, и мы выехали в Кавголово. На основании результатов предыдущих сборов из всех учебных групп отобрали студентов, плохо владеющих лыжной техникой, и создали специальную группу, как мы говорили, «группу слабцов», в которую, естественно, вошел и я. В какой-то степени это было обидно, но зато уравнивало степень подготовленности ее участников. Кроме того, опыт прошлого года не прошел для меня зря, и кое-какие организационные выводы я для себя сделал. Прежде всего, я понял, что успех моего лыжного образования зависит в большой степени от места, которое занимаешь в лыжной цепочке. Во время прогулки у кого-то сваливается лыжа, другой не сразу забрался на горку, третий упал, и в результате группа движется не равномерно, а рывками. Последним каждый раз приходится догонять впереди идущих, чтобы заполнить образующиеся разрывы. Поэтому после окончания занятий на кругу, как только преподаватель поворачивался к нам спиной и начинал движение по дистанции, я стремился занять место сразу за ним или быть, по крайней мере, вторым или третьим. Это положение

моментально изменило мое состояние на дистанции. Во-первых, мне не приходилось догонять других, а во-вторых, я мог свободно наблюдать за тем, как он преодолевает разные препятствия и стараться повторять эти приемы. К своему удивлению, я обнаружил также, что за время почти годичного перерыва я непонятным для себя образом стал гораздо лучше владеть лыжами. Как будто приобретенный в прошлом году опыт закрепился в памяти моей двигательной системы. Я назвал это «мышечной памятью» и впоследствии неоднократно мог наблюдать на примере других, как двигательное мастерство возрастает даже после значительного перерыва в регулярных тренировках. На этот раз во время занятий у меня фактически не было серьезных технических проблем.

Примерно через две недели после начала новых сборов состоялись институтские квалификационные соревнования и я, пробежав десять километров, к моему удивлению получил третий разряд. С этой радостной вестью я отправился в свою группу, но вместо поздравлений встретил недоверчивый и ироничный прием. «Ну, конечно, ты наверняка где-то срезал на дистанции», — сказал один из моих товарищей. Такое недоверие в известной степени было понятно, потому что большая часть нашей группы на разряд не пробежала, и они не могли поверить, что какой-то «слабец» может их опередить. Я обиделся, повернулся и ушел. На этом мое неожиданное совершенствование в лыжном мастерстве не закончилось. На городских соревнованиях, которые проходили там же, в Кавголово, под конец наших сборов я получил второй разряд за олимпийскую дистанцию в пятнадцать километров. С этих пор и на всю жизнь, будучи пловцом по специализации, в душе я стал лыжником. При этом, однако, вероятно по причине плохого зрения и замедленной реакции у меня были весьма скромные успехи в слаломе и в прыжках с трамплина.

Помимо чисто спортивных практических занятий, у нас были занятия по методике обучения разным видам спорта и, конечно, лекции и практические занятия по общеобразовательным дисциплинам. Очень много времени уделяли анатомии. Она продолжалась в течение двух лет и главным образом была сосредоточена

на опорно-двигательном аппарате. Ее преподавали на уровне медицинского института. Мы должны были знать все мышцы человека: где они начинаются и где кончаются, какие движения они выполняют, какие у них синергисты и антагонисты, какие движения нужно делать, чтобы тренировать определенную группу мышц. Мы заучивали наизусть их латинские названия и знакомились с ними не только по картинкам и муляжам. У нас была хорошая анатомичка, и каждый студент получал задание препарировать на трупе ту или иную мышцу и показать, с какими костями и каким образом она соединяется. Вначале было очень трудно заставить себя разрезать скальпелем человеческое тело. Некоторые девушки даже падали в обморок. Необходимо было убедить себя в том, что без этого ты не сможешь получить реального представления о том, как работают наши руки и ноги. Мне, например, нужно было проследить за некоторыми мышцами руки. Добиться этого было можно только при условии очень внимательного анализа своих собственных действий и максимальной осторожности. В известной степени такая работа прививала студентам навыки экспериментатора. Нам читали большой курс по физиологии спорта, из которого мы узнали много полезного о том, что происходит в организме при мышечной деятельности, что такое предстартовая лихорадка, что дает разминка, что на спринтерских дистанциях организм работает в долг и только потом восполняет свои расходы. Мне очень нравились лекции по психологии спорта, которые нам читал Авксентий Цезаревич Пуни — сын известного композитора Цезаря Пуни, который написал музыку для балета «Дон Кихот»<sup>18</sup>. Мне были очень понятны психологические проблемы вхождения в спорт, ощущения, возникающие на старте и в период обостренной борьбы. Через все это прошел я сам и теперь получал научное объяснение своим переживаниям. Я даже записался в кружок по психологии. Меня очень заинтересовала эта сторона человеческой деятельности. Но когда всем надо было выбрать

---

<sup>18</sup> Авксентий Цезаревич Пуни (1898–1985) — правнук композитора Цезаря Пуни (1802–1870). Музыка для балета «Дон Кихот» написал композитор Л. Минкус.

тему для самостоятельного выступления, я почему-то решил сделать доклад на тему «Животные — музыканты», чем поразил всех окружающих. Сведения из литературы и мои собственные наблюдения за пением птиц в период четырехлетнего пребывания в деревне во время войны убедили меня в том, что испускание звуков для животных, также как и для нас, — не автоматический процесс, а отражение эмоционального внутреннего состояния. В детстве я даже умел модулировать звуки некоторых птиц. Иногда они мне отвечали, и у нас получался настоящий диалог.

На первом курсе нам стали читать курс общей химии. Лекции были нудные и неинтересные. Кроме того, я через некоторое время перестал понимать, о чем идет речь. Лекции читала Александра Александровна Глаголева, которая была известным физико-химиком, но, по-видимому, не учитывала особенности контингента студентов нашего института и делала это формально. Химия была так далека от спорта, что нормальные студенты или не ходили на эти лекции, или откровенно спали на задних рядах. Мое непонимание начало меня беспокоить, и я отправился на кафедру химии и попросил дать мне что-нибудь дополнительное, потому что я не понимаю, о чем говорят на лекциях. Они невероятно обрадовались, потому что я был первым и может быть последним студентом, пришедшим на кафедру с подобной просьбой. Они вытащили список тем, приготовленных для СНО (студенческого научного общества) и предложили мне что-нибудь из них выбрать. Такой список каждая кафедра должна была иметь, независимо от того, существует оно или нет. И вот, я веду пальцем по списку и натыкаюсь на фразу, которая меня чрезвычайно заинтересовала — «Белки как основа жизни». Вот это! Я хочу вот эту тему! И вдруг они засмутились и впали в задумчивость. Оказалось, что на кафедре никто белками не занимается. После бурного обсуждения они нашли выход из создавшегося положения. «Вы знаете, — говорит Александра Александровна, — недалеко от нас, на углу проспекта Маклина и улицы Союза печатников, находится Естественно-научный институт тоже

имени Петра Францевича Лесгафта. Так в нем работает Михаил Александрович Хенох, и он занимается белками. Он у нас читает некоторые лекции. Вот к нему то мы вас и направим».

Я встретился с Михаилом Александровичем, он мне понравился, и я ему, по-видимому, тоже, и эта встреча впоследствии оказала определяющее влияние на всю мою дальнейшую судьбу. В то время белковая химия в нашей стране только нарождалась. Он дал мне книгу Абдергальдена и еще другие книги о структуре и функции белков, пошел со мной в Публичную библиотеку и научил меня пользоваться каталогом, чтобы найти интересующую меня литературу. С его помощью и объяснениями я, в конечном счете, создал некоторое сочинение на заданную тему и доложил результаты моих поисков на заседании кафедры. Успех превзошел все мои ожидания, и после доклада кафедра решила, что я должен у них остаться и выполнить какую-нибудь полезную для института экспериментальную работу. Тема работы нашлась довольно быстро, и в мою задачу входило, как это было написано на бумаге, поданной в деканат: «Исследование воды плавательного бассейна». Объектом исследования являлся бассейн на Разночинной улице, в котором я тренировался сам три раза в неделю. Во время этих тренировок я брал пробы воды и затем исследовал их в лаборатории. Меня научили измерять электропроводность, кислотность, проводить микробиологический анализ, устанавливать солевой состав и наличие хлора в воде. В результате получилась весьма занятная картина, согласно которой плавать в такой воде было не очень полезно. Выполненная работа, с одной стороны, получила вторую премию на студенческой конференции, а с другой, привела к серьезному скандалу, потому что на основании моих данных бассейн следовало закрыть на какой-то срок, чтобы привести в порядок водоснабжение. Не знаю, что было потом, но на моей плавательной судьбе это сказалось негативным образом. Каждый раз, когда у преподавателей были основания сделать мне замечания, они делались в такой форме, как если бы я был преступник. Несколько раз, вернувшись, домой, я зарывался лицом в подушку и плакал, как маленький



мальчик. Я в первый раз в жизни понял, что идти против системы опасно. К счастью, война развила у меня устойчивость к невзгодам и, кроме того, спорт, и в частности бокс, приучил меня к необходимости «держаться удар». Это означает, что если даже тебе очень плохо, надо уметь собрать воедино все силы и противостоять нападению превосходящего противника. В конечном счете, ты либо выигрываешь, что чаще всего и бывает, либо погибаешь, но не побежденным. В любом случае ты остаешься самим собой. Как правило, физическая или административная сила чаще всего не обладает силой нравственной.

По окончании занятий в период летних каникул все мои заработки, как правило, прекращались до осени, и приходилось искать другой вид работы. Отдыхать, как это делали другие люди, мне было некогда, да и не на что. В поисках работы мне помогла моя будущая специальность. Требовались физруки в многочисленные пионерские лагеря. Я попробовал, и мне понравилось. Работа с детьми приносит большую радость, если ты умеешь найти с ними общий язык и чем-то заинтересовать. Хотя по правилам я должен был проводить только физкультурные занятия, фактически я был занят с ними с раннего утра до позднего вечера. Помимо зарядки и спортивных занятий, я ходил с ними в походы, устраивал военные игры, ориентировку на местности, подготовку к родительскому дню в виде самодеятельного концерта и многое другое. Конечно, все это было не без трудностей, и к каждому ребенку нужно было найти свой подход, чтобы затем соединить их в некое подобие команды. В действительности моя работа в лагерях оказалась хорошей педагогической практикой, на которой проверялась справедливость преподносимых нам на лекциях истин. В первый год это был обычный небольшой пионерский лагерь в Парголово, и справляться с ребятами было несложно. Но на следующий год я попал в лагерь Ленинградского военного округа, состоящего сплошь из детей среднего и высшего командного состава. Это была совсем другая компания. Когда я приехал, воспитатели и пионервожатые обратились ко мне за помощью, потому что дети делали то, что хотели и никого не слушались.

Действительно, это была какая-то орда орущих и носящихся взад и вперед подростков, которые не обращали никакого внимания на распоряжения взрослых. Увидев эту картину, я заперся в своей комнате и целый день размышлял, как справиться с проблемой. Никаких педагогических приемов кроме насилия не существовало, но такой подход совершенно очевидно не мог решить главную задачу — создать в лагере управляемую и интересную жизнь. Наконец мне в голову пришла любопытная мысль, и я решил ее проверить. В течение следующих двух дней я выучил имена и фамилии большинства ребят. Затем я начал свой эксперимент. Когда я увидел, что один из мальчиков полез на дерево, я закричал: «Ваня Колесников, слезь с дерева!». И он сразу же слез. Или: «Маша Круглова, куда ты тащишь лопату? Подойди ко мне!», и она моментально прибежала. И тогда я понял, что как только ребята становятся узнаваемыми, они начинают быть управляемыми. Если воспитатель кричит: «Мальчик, куда полез!?!», мальчик понимает, что его не знают и не узнают, следовательно, ему ничего не грозит, и он может делать все, что ему заблагорассудится. Этот прием моментально изменил ситуацию, и наша лагерная жизнь постепенно вошла в нормальное русло.

Как ни смешно, но то же самое относиться не только к детям, но и к вполне взрослым людям. И если сегодня я веду занятия с группой студентов, их успех в известной степени зависит от того, насколько я распознаю каждого из них. В конечном счете, я пришел к заключению о том, что при работе с любым коллективом очень важно для успеха дела иметь персональные отношения с каждым его участником.

Мой интерес к экспериментальной работе все возрастал, и я попросил Михаила Александровича дать мне возможность поработать с этими удивительными белками, от которых зависит жизнь человека. «Насчет жизни я обещать тебе ничего не могу, а вот как на них влияют физические силы, мы посмотреть можем». Так началась работа под названием «Изучение действия ультразвуковых колебаний и ультрафиолетовых лучей на водные растворы белков и углеводов». Михаил Александрович объяснил

мне, что под влиянием того и другого в растворах образуются свободные радикалы, которые действуют на биологические молекулы и даже способны перестраивать их с образованием новых молекул. «Вот мы и посмотрим, что с ними происходит», — сказал он. Михаил Александрович оказался великолепным преподавателем для таких начинающих экспериментаторов, как я. Например, он входит в лабораторию смотрит на мой стол и спрашивает:

— А что это у тебя в этих бутылочках?

Я говорю, что в одной — натрий хлор, а в другой — уксусная кислота.

— А почему не подписаны?

Я отвечаю, что не успел и подпишу позже. Тогда он, как знаменитый Станиславский, произносит:

— Не верю!

Затем берет бутылочки и спокойно выливает всю мою работу в раковину.

— Но Михаил Александрович! Я ведь так долго это делал!

— Ничего. Сделаешь еще раз. Каждый раствор должен быть подписан сразу после его приготовления, и дата должна быть поставлена. А то придет кто-нибудь, переставит случайно баночки и бутылочки, и начнутся невероятные и невозпроизводимые открытия.

Горестно киваю головой и начинаю всю работу сначала.

— И запомни еще одну важную вещь — никогда не пользуйся чужими растворами. Ошибки делают все, но если это твоя ошибка, ты можешь сообразить, откуда она взялась. Если ты берешь чужой раствор, значит ты не готов к работе, ты не подумал о ней заранее. Вот ты собираешься делать эксперимент, а где твои инструменты, а где ручка и карандаш? И почему у тебя в тетради не написано, что ты собираешься делать. Все это должно быть сделано до, а не после, чтобы не бегать во время работы с вытаращенными глазами. На столе должен быть порядок, как в музее Петра Францевича Лесгафта. Видел, а? Вот тогда-то и результаты будут понятные.

Такие разговоры и контроль моих действий продолжались до тех пор, пока он не добился от меня стабильной лабораторной работы, за что ему большое спасибо, потому что он научил

меня во время работы думать о протекающем процессе, а не об его обеспечении. Руки, как лаборанты, должны самостоятельно вести рутину и не мешать мозгам искать пути достижения цели. Михаил Александрович был великолепным методистом и одним из первых начинал использовать новейшие методы и подходы к решению научных задач. У него стоял первый в городе ультразвуковой генератор. Он первый начал использовать радиоактивные изотопы, и поэтому у него же появился первый счетчик Гейгера. Мы вдруг к своему удивлению обнаружили, что мы со всех сторон окружены реактивами, излучающими радиацию. Счетчик буквально захлебывался, когда к нему подносили баночки с солями кобальта или другие реактивы, названия которых я уже и не помню. В то время одним из основных методов определения состава исследуемых препаратов была бумажная хроматография. С ее помощью я и наблюдал за изменениями, наступающими в растворах под влиянием ультразвука и ультрафиолета.

К третьему курсу, несмотря на то, что я наконец-то справился со своими проблемами и вошел равноправным членом в наше спортивное сообщество, я стал понимать, что не хочу быть ни тренером, ни учителем физкультуры. Это не означало, что я не любил спортивные занятия. Напротив, они мне все больше и больше нравились. У нас начались занятия по академической гребле. Мы ездили на занятия на гребную базу института, расположенную на Каменном острове. Там из больших эллингов мы выносили длинные узкие лодки, называемые восьмерками, потому что в каждой сидит по восемь гребцов. И под руководством преподавателя, который в то же время был и рулевым, мы начинали наши тренировки. Этот вид спорта как никакой другой требует исключительной слаженности команды и единообразия действий, характер которых определяет загребной. Полный цикл одного гребка на восьмерке сам по себе не сложен и включает в себя ряд последовательных элементов. Вначале гребец двигается вперед на подвижном сиденье, максимально вытянув руки и повернув весло под некоторым углом к воде. Затем происходит резкое опускание весла ударом в воду с моментальным откатом

сидения назад за счет отталкивания ногами. Дальнейшее проведение весла, плоскость которого уже повернута перпендикулярно воде, собственно сам гребок, происходит за счет максимального отката и наклона корпуса назад с завершающим подтягиванием рук к груди. На последнем этапе перед подъемом весла из воды оно должно быть повернуто плоскостью параллельно воде. В таком положении оно не тормозит скольжения лодки. Затем корпус поднимается, руки идут вниз к животу и оттуда снова вперед в исходное положение. Одновременно происходит замах веслом, и все готово для следующего гребка. Осуществить все эти этапы несложно. Самым сложным является совершить их всем единообразно, отчего и зависит успех гонки. Ритм гребли меняется на дистанции и зависит от рулевого, который во весь голос произносит одно и то же, но с разными вариациями: «Ииии-рраз, иииииии-рраз или и-раз, и-раз». От длины этого «иии» и зависит скорость цикла одного гребка, а от громкости и интонации, а иногда и ненормативной лексики, степень вкладываемой силы. Тут уж не сойдешь с дистанции. И даже если у тебя совсем не осталось сил, ты, тем не менее, должен все равно раскачиваться в том же ритме, как остальные, иначе для тебя все может кончиться плохо. При остановке ты можешь быть выброшен из лодки мощными ударами весла сзади или спиной надвигающегося впереди сидящего. Наконец раздается команда: «Суши весла». Вот теперь-то можно немного вздохнуть и подумать о своей технике. С точки зрения соединения сил и умения в одном направлении, гребля является определенным психологическим тренажером, полезным, как мне кажется, для любой совместной деятельности.

К числу разнообразных полезных занятий, которыми мы занимались, относились и уроки спортивного массажа. Мы должны были уметь сделать массаж всего тела, начиная от ног и кончая шеей. Обычно группу делили пополам, и затем в течение полуторачасового урока они поочередно должны были совершить этот массаж на своем товарище. Руки надо было смазать тальком или каким-нибудь кремом, чтобы они не терли тело. Начиналось все с легкого поглаживания, затем шло разминание соответствующей

группы мышц, при котором руки, опираясь на запястья, передвигались вдоль мышцы, а пальцы перебирали ее, как будто хотели разобрать на составные части. Затем производилось покручивание мышцы поочередно в разные стороны всей кистью, После этого проводилось ее легкое поколачивание ребром ладони и завершалось снова легким успокаивающим поглаживанием. Умение делать массаж мне неоднократно помогало в дальнейшем лечить всяческие травмы как самому себе, так и моим товарищам.

Много полезных сведений я почерпнул также из курса «Теория и методика физического воспитания». Например, я узнал, что при проведении физических упражнений с детьми надо учитывать некоторые анатомические особенности, характерные для каждого возраста. Так, нельзя устраивать физические перегрузки детям до десяти-одиннадцати лет, потому что у них глотка имеет форму воронки, расширяющейся кверху и при нагрузках легко может начаться рвота. А после этого возраста она приобретает обратную форму, и таких последствий больше не наступает. Наоборот, в раннем возрасте невозможно надорвать сердце, потому что его объем и возможности превышают объем сосудов. Но очень опасно перегрузить сердце в период интенсивного роста, когда объем сосудов резко начинает опережать возможности сердца, и баланс между ними наступает значительно позже. Очень важно также учитывать, что в период от двенадцати до пятнадцати лет с некоторыми вариациями у подростков наступает крайняя психическая неустойчивость, и неудачи в этом возрасте могут привести к самым трагическим последствиям. Удивительно, но никогда после, даже в университете, хотя там тоже учат педагогике, я такой полезной информации не получал.

На третьем курсе у нас появился новый вид спорта, хотя пока еще в факультативном варианте, т.е. занятия по желанию. Это было фигурное катание на коньках, и преподавал его нам ученик знаменитого Панина, который по существу и заложил основы этого вида спорта в России еще до революции. Конечно, еще не существовало головокружительных прыжков в три или четыре оборота в воздухе и других мудреных трюков. Владение

коньками выражалось в большей степени в выписывании разных фигур на льду, вращениях и исполнении сольных и парных танцев. У меня появились самые настоящие фигурные коньки с завернутыми кверху носами и широкими лезвиями. Я пробовал делать скобки на внутреннем ребре конька и на внешнем. Это было похоже на балетные упражнения и не доставляло большого удовольствия. Хотелось быстрее перейти к танцам, но преподаватель был строг и требовал сначала освоить школу. Однажды вечером, когда у меня оказалось свободное время, я забрал коньки и отправился на наш институтский стадион, который зимой превращался в каток. Одев коньки, я решил самостоятельно попробовать некоторые элементы, которые я видел на показах. Как это они делают, когда в танцах мгновенно изменяют направление движений? Они разгоняются, затем выставляют вперед ногу, и происходит поворот. Попробую-ка я сделать то же самое. Я разгоняюсь и на всем ходу выдвигаю вперед ногу. Поворот действительно получился и действительно моментальный, но необычный. Мои ноги взлетели в небо, а я врезался лбом в лед. С трудом поднявшись на ноги, я машинально продолжал движение, стирая с лица мокрый снег. Голова моя раскалывалась на части от боли. «Вот это удар! — подумал я. — Такого я еще не испытывал». Снег почему-то продолжал течь по лицу. Я стер его и увидел, что вся моя ладонь полна крови. Тогда я прямо на коньках, прижимая ко лбу ком снега, побежал к Вере. Она перевязала мне голову бинтом и сказала: «Немедленно беги в травматологический пункт. У тебя на лбу глубокая рана!». Я помчался туда, и мне наложили шесть швов на правую бровь, которая была рассечена до кости. Так закончились мои самостоятельные занятия фигурным катанием.

Подошла весна, и я твердо решил, что я хочу заниматься настоящей исследовательской деятельностью, а для этого нужно получать другое специальное образование. Михаил Александрович сказал мне, что по его сведениям, белками занимаются на химическом факультете [университета] в лаборатории Садикова. Туда я и отправился, но выяснилось, что лаборатории этой больше не существует, а то, что от нее осталось, передали кафедре

биохимии биолого-почвенного факультета. Туда я и решил поступать и подал заявление в деканат с просьбой перевести меня на заочное отделение по семейным обстоятельствам. Вера была несказанно довольна тому, что я, наконец, определился и получу университетское образование, которое, по ее словам, даст мне хороший фундамент для дальнейшей жизни.

С грустью прощался я со своими товарищами, с которыми прожил вместе эти три непростых для меня года. Я не жалел времени, потраченного на преодоление спортивных препятствий. Я уходил с солидным багажом приобретенного знания о своих возможностях, с обретенным умением бороться с самим собой и преодолевать свои слабости, с большим запасом физической крепости и психологической устойчивости. Все это было важно для сохранения своей свободы и независимости, о которой говорила мне Вера, и помогало «держаться удары» окружающей жизни. Я полагаю, что такую тренировку необходимо проходить каждому, входящему в этот мир, и вполне согласен с П. Ф. Лесгафтом, который закладывал основы этого института, будучи убежденным в том, что физическое воспитание является неотъемлемой частью общей культуры человека.



## Глава 6

# В балете

---

**В** период моего обучения на подготовительном отделении школы тренеров Института им П. Ф. Лесгафта я часто оставался в гимнастическом зале после занятий, чтобы потренировать те элементы, которые у меня не получались. Однажды я решил отработать сальто вперед, которое у меня совершенно не шло и, расстелив маты на полу, попытался осуществить его с разбега. Нашлепавшись о маты бесчисленное число раз и чуть не свернув себе шею, я решил передохнуть и начал повторять некоторые балетные прыжки и вращения, которые мы разучивали еще с Андреем Станчулом в театре. Делать это здесь было удобно. Зал был большой, никто на меня не смотрел, а места для подходов было более чем достаточно. Вдруг я слышу: «Молодой человек!». Я поворачиваюсь и вижу, что в дверях зала стоят две девушки. Они у меня спрашивают: «Вы что, занимались классическим танцем?». Я сказал, что не занимался, но видел, как такие элементы делают другие, и решил попробовать выполнить их сам. «Похоже, что у вас может получиться. А не хотите ли пойти вместе с нами в хореографическую студию, в которой мы занимаемся? Может быть, вам там понравится, а у нас катастрофически не хватает мальчиков». «Ну что ж, можно попробовать», — ответил я. Так я и попал в хореографический коллектив Дворца культуры имени А. М. Горького, где и остался на целых двадцать семь



*Г. П. Пинаев — в балете*

незабываемых лет. Дворец стал вторым моим домом, а сам танец даже более того, стал второй половиной моей души и всей жизни. Когда мы приехали во дворец, который находился у Нарвских ворот, и поднялись по широкой лестнице на последний этаж, где помещался балетный класс, оглядываясь вокруг, я вдруг вспомнил, что уже был здесь до войны. Как раз напротив класса, где шли сейчас балетные занятия, находился тот самый небольшой зрительный зал, в котором я под мамин аккомпанемент когда-то разучивал и танцевал матросский танец. И вот снова судьба привела меня в то же самое место и для той же цели — для занятий танцем. В то время хореографический коллектив только начал свое новое послевоенное существование. Студия состояла всего из двух классов. В младшем классе преподавала Маргарита Федоровна Кирхгейм, а в старшем — Лидия Осиповна Большакова — известные балерины и репетиторы Мариинского театра. А художественным руководителем был Михаил Георгиевич Тер-Степанов, который преподавал характерный танец в хореографическом

училище и одновременно был руководителем производственной практики в том же училище.

Шел сорок шестой год. Только закончилась война, которая перемешала все судьбы, и людям пришлось заниматься не тем, и не там, где они собирались быть. Так произошло и со многими детьми. Обычно если родители хотели, чтобы их дети стали балетными артистами, их сначала отдавали в какой-нибудь танцевальный кружок. Затем в восемь-девять лет их приводили в Вагановское училище, и если у них ноги и руки были соответствующей длины, если они имели подходящие рост и выворотность ног, их зачисляли в это легендарное училище. Но во время войны дети этого возраста не попали в училище, да и не до того было, нужно было выживать. А теперь они уже были переростки, и путь в балет для них был закрыт навсегда. И в результате вот здесь, в этом Дворце культуры, в хореографическом коллективе собрались способные девушки и юноши, которые уже вышли из того положенного возраста. И таким образом тут собралась компания талантливых ребят, которая, скорее всего, не могла бы встретиться здесь в мирное время. Более того, они пришли сюда уже не по воле своих родителей, а по своему собственному желанию. Некоторые из них, но таких было очень мало, даже начинали до войны учиться хореографии, но были вынуждены прервать эти занятия в силу происходивших в то время событий.

Я, естественно, попал в младший класс. Кроме меня в нем был еще один мальчик, и мы вдвоем представляли мужскую половину всего балетного коллектива. Начало было невероятно мучительным и угнетающим. Руки и ноги не слушались и не хотели правильно выполнять все необходимые элементы упражнений у палки, которые назывались экзерсисом. Выворотности ног, необходимой для правильного выполнения разных па классического танца, и в помине не было. Мои ступни упорно заворачивались внутрь, а не наружу. Самым трудным оказалось научиться следить одновременно за положением ног, рук, туловища и головы. Если ты сосредотачиваешься на ногах, то провисают локти. Если же тебе удастся привести в правильное положение верхнюю

часть тела, то ноги делают что-то невообразимое. Так продолжалось довольно долго, и у меня неоднократно возникало желание прекратить эти бессмысленные попытки. Только исключительно благожелательное отношение Маргариты Федоровны и полное отсутствие каких-либо насмешек со стороны окружающих, к счастью, удержали меня в классе. К тому же занятия гимнастикой в институте тоже в значительной мере способствовали борьбе с моим непослушным телом. Вначале в классе не было зеркал, и было трудно проверять себя самому, но потом они появились, и овладение техникой, а также правильным положением рук и ног пошло успешнее. Надо сказать, что педагоги относились к нашим занятиям очень серьезно и требовали от нас такого же совершенства, как от настоящих танцовщиков. Тер-Степанов собрал вокруг себя замечательных людей, которые тоже преподавали в училище, но не были согласны с существующим представлением о том, что балетными актерами могут стать только те, кто начал заниматься классикой в раннем детстве. Они хотели доказать что важнее всего способность к танцу как таковому, а не умение в идеальной форме поднимать руки и ноги, как в гимнастике. И они решили создать во Дворце коллектив, который станет ростком хотя и самодеятельного, но настоящего классического балета. В то время по всей стране шло развитие самодеятельного творчества в самых разнообразных направлениях искусства. Создавались замечательные хоры, например, университетский хор под руководством Сандлера, оркестры народных инструментов, даже была оперная студия во дворце культуры им С. М. Кирова. Было огромное количество танцевальных коллективов, в которых занимались народными танцами. И только в единственном месте в стране — в Ленинграде, во Дворце культуры имени А. М. Горького отважились создать студию классического танца для взрослых. Во Дворце был еще и детский сектор, в котором также были балетные классы для маленьких, но это считалось более естественным и не вызывало протеста у профессионалов.

Прошло больше года, и я постепенно научился в какой-то степени владеть своим телом не только у палки, но и на середине,

и начал понимать, что одни и те же движения могут быть выполнены с многочисленными оттенками. Глядя вокруг себя, я вдруг обнаружил, что даже учебные движения исполняются с разными нюансами, зависящими от характера каждой из наших будущих балерин. Тогда я исподволь попытался следовать стилю то одной, то другой, и вдруг неожиданно для себя почувствовал, что один характер исполнения совпадает с моим собственным внутренним ощущением движения, другой почему-то вызывает внутреннее сопротивление, а третий заряжает энергией. Тогда я только посмеялся над своими фантазиями, но много лет спустя я понял, что как внутренний эмоциональный настрой определяет двигательный образ исполнителя, так и характер движений затрагивает внутри какие-то разные эмоциональные струны, которые, в свою очередь, создают образ исполняемого персонажа. После войны мы познакомились значительно ближе с жизнью и культурой наших союзников — Англии и Америки. И вот тогда прозвучала фраза, которой должны были следовать сотрудники американских фирм — *keep smiling*, то есть, сохраняй улыбку. Смысл этого правила состоял в том, что когда человеку внутренне хорошо, он улыбается. Поэтому если ты хочешь прийти в хорошее расположение духа, заставь себя улыбаться, и это со временем произойдет.

В течение первых двух лет все занятия нашего класса были посвящены тренировке своего тела, освоению азбуки хореографического искусства и умению разговаривать на хореографическом языке, который был французским со времен Петипа. Нужно было выучить множество терминов: *плие*, *тондю батман*, *фондю батман*, *батман фραπε*, *гранд батман*, *ассамбле*, *антраша-катр* и *антраша-сис*, *глиссад*, *де су-де сю* и много других. Не могу сказать, что все это было очень интересно, и я, наконец, ушел бы, но меня удерживали воспоминания о театре. Делая эти скучные бесконечные упражнения, я стал понимать, каким образом мои театральные друзья-танцовщики с такой легкостью создавали свои ослепительно красивые прыжки и вращения. Они их наслаивали на уже имевшийся каркас тренированного тела. Им уже не приходилось думать о том, о чем

я думаю сейчас и, следовательно, если я хочу быть похожим на них, я тоже должен преодолеть этот этап.

Страна постепенно отходила от войны, наш хореографический коллектив стал быстро разрастаться, и в результате образовались четыре женских класса и два мужских. Нам отстроили новые просторные классы с зеркалами. Расширилась и программа занятий. Помимо классики нам стали преподавать все необходимые элементы хореографического искусства. Сам Михаил Георгиевич вел класс характерного танца, и мы познакомились с русскими, украинскими, молдавскими, кавказскими и даже восточными танцами. Затем появился известный преподаватель Иосафов, который стал нас учить историко-бытовым танцам. Это был большой набор бальных танцев: менуэт, полонез, мазурка, па-де-спань, танго и много других. К сожалению, по состоянию здоровья ему пришлось прекратить уроки, но на смену ему пришел сам художественный руководитель хореографического училища Ивановский, и занятия возобновились. Кроме того, Николай Николаевич Серебренников стал вести у нас дуэтный танец. Оказалось, что танцевать с партнершей и ее поддерживать значительно труднее, чем танцевать самому. Любой дуэт с поддержками подразумевает, прежде всего, что партнерша стоит на пуантах, т. е. принимая различные позы или вращаясь, она стоит не на полной ноге, а на пальцах в специальных туфлях с твердым носком. Что бы она ни делала на этом носке, она может устоять только несколько секунд, и поэтому ей нужна поддержка партнера. Вот тут-то и начинаются основные трудности взаимодействия. Ее действительно нужно не держать, а только слегка поддерживать. Если партнер крепко держит, то балерина не ощущает положения своего тела, своей позы. Партнер же, поддерживая партнершу, должен чувствовать, стоит ли она на ноге. И если она падает, то нужно осторожно, легким движением, поставить ее на место, но не мешать ей продолжать движение. В этом-то и состоит мастерство партнера, в том случае, когда танец происходит в «партере». Но очень часто в дуэте нужно делать и воздушные поддержки, и тогда уже должна быть

сочетанная и согласованная работа обоих. Чаще всего вес партнерши превышает силовые возможности партнера, и он не может легко и быстро поднять ее высоко в воздух. Поэтому она должна дать «темп», то есть начать движение в прыжок, чтобы партнер подхватил это движение, и если они выполняют его одновременно и синхронно, то зрителю кажется, что балерина взмывает вверх без видимых усилий.

На самом деле для того чтобы добиться такого эффекта, необходимо овладеть многими техническими приемами и очень хорошо чувствовать друг друга. Это тот случай, когда двум людям необходимо быть предельно внимательными друг к другу. На самом деле такое идеальное сочетание — большая редкость даже среди профессионалов высокого класса, и именно по этой причине такие сложившиеся пары, как, например, Дудинская и Сергеев, как правило, не меняют партнеров.

Мариетта Харлампиевна Франгопуло, педагог хореографического училища и хранитель его музея, читала нам лекции об истории русского балета. Как он создавался. Какие балетмейстеры ставили знаменитые балеты, и как это происходило. Какие были знаменитые танцовщики. Чем отличалось творчество Нижинского, Анны Павловой и Карсавиной. Как возникла вагановская школа, ставшая основой русского хореографического искусства. Эти лекции не только нас развивали, не только давали нам необходимые знания о предмете, которым мы занимались. Они приобщали нас к тем вековым традициям поведения и отношения к искусству и, в конечном счете, создавали в нас ощущение причастности к большому хореографическому сообществу.

Прошло три года с момента моего появления во Дворце культуры им. Горького. Наш хореографический коллектив постепенно расширялся и достиг довольно внушительных размеров общей численностью около восьмидесяти человек. У нас появился, наконец, наш собственный замечательный педагог — Борис Васильевич Соловьев. Он преподавал в средних классах училища, и через его руки прошли наши знаменитые танцовщики, такие как Рудик Нуриев и Миша Барышников. Время

от времени они навещали его у нас во Дворце и присутствовали на наших занятиях. Иногда даже помогали ему справляться с нашей неуклюжестью. Надо сказать, что благодаря его усилиям мы, наконец, затанцевали по-настоящему. Он оттачивал все наши движения и добивался профессионального выполнения каждой позы, каждого поворота, каждого прыжка. Хотя, конечно, у большинства из нас физических данных было недостаточно. Правильного положения рук, ног и головы он добился и, что самое важное, мы научились исполнять все основные движения правильно и не задумываясь. Короче говоря, мы прошли серьезную школу и уже стали способны работать над выразительностью нашего танца. Этому способствовали и специальные уроки актерского мастерства, на которых мы должны были выразить под музыку какую-либо мимическую задачу и так, чтобы зрителям было понятно ее содержание.

Наконец дело дошло и до постановок разных танцев. Поначалу на долю мужской части выпадало разучивание только характерных танцев. Классикой занимались девочки, а нас к этому «святая святых» балета пока не допускали.

Из всех танцев, которые мы тогда учили, на меня произвел большое впечатление один. Он до сих пор стоит перед моими глазами. Это был грузинский танец «Хоруми». В нем принимало участие семь человек, которые типичными горскими движениями выходили из-за кулис шеренгой, положив руки на плечи соседям, склонившись несколько вперед и всматриваясь вдаль. Это был маленький отряд воинов, следивших за врагом и готовый к бою. В какой-то момент одного из них поднимали высоко вверх на руках, и в этот миг в него попадала вражеская пуля. Он падал вниз, но не умирал, а, преодолевая боль и опираясь на руки товарищей, продолжал движение и вместе со всей фалангой исчезал за кулисами. Я думаю, что этот танец так мне запомнился, потому что это были не просто движения, а целая драматическая история, вызывавшая горячий отклик зрителей. Они восторгались его мужеством, способностью преодолеть боль и не покинуть товарищей. Сообразно развитию событий изменялся и сам характер,



казалось бы, тех же самых движений. Стил ь их исполнения передавал эмоциональное состояние этой маленькой группы воинов.

Приблизительно в это же самое время в нашем детском секторе появился Юрий Николаевич Григорович, с которым мы познакомились в период моей работы в Мариинском театре. Его пригласили поставить детский балетный спектакль «Аистенок». Мы с ним подружились тогда, когда он еще был в последнем классе хореографического училища, а я работал в театре, и были очень близки в течение многих последующих лет. Когда он заканчивал работу над этим балетом, он однажды пришел ко мне и сказал: «Ты должен мне помочь. Мы делаем балет, но никто не понимает, как поставить свет, а ты имеешь такой большой опыт осветителя». Я, конечно, согласился, и началась моя первая творческая работа, которая меня очень увлекла. Это был трехактный балет, и мне надо было составить полную партитуру освещения и его изменения по ходу действия. Мне пришлось вступить в контакт со всеми имевшимися осветителями и договориться с ними о многих деталях освещения сцены из разных мест. Это был первый балет Юры Григоровича, и его успех определил всю его дальнейшую судьбу в качестве балетмейстера. А я был чрезвычайно горд моим участием в постановке самого настоящего спектакля.

В эти годы в стране повсюду стала развиваться художественная самодеятельность, проводили региональные и всесоюзные смотры. Финальные концерты, на которые отбирали лучших исполнителей из всех республик, проходили в Кремлевском дворце и даже в Большом театре. Как правило, съезды Партии или профсоюзов заканчивались также демонстрацией народных талантов. Участие в этих конкурсах и концертах было престижно и необходимо для дальнейшего развития и поддержки самодеятельных коллективов. Поэтому и у нас началась пора создания больших хореографических номеров.

Дошла очередь и до меня. Предполагалась поездка в Москву на X Съезд профсоюзов, и для заключительного концерта должны были отобрать самые лучшие номера. К нам был приглашен Григорович, который поставил небольшой номер — «Вальс»

на музыку Ребикова. В нем участвовало шесть девушек и сольная пара. Моей партнершей оказалась самая лучшая наша танцовщица — Нина Алексеева. Она великолепно исполняла классические танцы, потому что несколько лет до войны и во время нее занималась в хореографическом училище. Танец был не большой, но насыщенный поддержками и сложными для меня прыжками, которые требовали большой отдачи сил. К тому же в институте как раз в это время у нас были интенсивные занятия по плаванию. Как правило, после двух часов плавания приходишь в расслабленное состояние. А тут нужно было собирать все силы, потому что партнерша была отнюдь не пушинка. После нескольких репетиций я почувствовал, что силы мои иссякли, и после очередной неудачной верховой поддержки я растянулся на полу и сказал, что больше репетировать не могу. Все пришли в ужас, позвали директора Дворца, и состоялся консилиум, в результате которого было решено меня подкормить и дать какие-то деньги, чтобы в этот период большой физической нагрузки я мог бы, по крайней мере, обеспечить себя едой. Но как это сделать? И тут нашему директору приходит в голову блестящая мысль: «Я поручаю тебе выкрасить ножны кинжалов для танца «Хоруми», и за это мы тебе заплатим». Я, конечно, выкрасил эти ножны, но они не стоили тех денег, которые мне дали, и которые действительно облегчили мое существование. Наконец, номер был отрепетирован, и настало время ехать в Москву. Все было хорошо, кроме одного — я никак не мог сделать финальную поддержку. Я должен был поднять Нину вверх в арабеске на вытянутых руках и замереть в этом положении на несколько секунд. Каждый раз я либо не попадал в темп и не мог вытолкнуть партнершу вверх, либо, подняв ее с большим усилием, терял равновесие, и наша скульптурная фигура разваливалась. Времени для тренировок уже не было, и решили продолжить их в Москве, а если не получится, то придумали упрощенный финал. Просмотр предполагаемых участников концерта состоялся в Колонном зале Дома Союзов. Номер понравился даже в упрощенном варианте, и нам было велено его повторить еще

раз, но только при одном условии. «Солист должен сбрить усы! Что это за исполнитель классического балета с усами!» — провозгласил главный режиссер этого концерта. И вот, сидя под лестницей, которая вела в Колонный зал, я без мыла и воды, в сухую судорожно сбрываю одолженной мне бритвой мои замечательные усы. Очень больно, и слезы градом льются из моих глаз. Мне очень жаль их, но я не могу подводить своих товарищей.

После повтора нас окончательно включают в программу концерта, который состоялся через два дня в Театре Красной Армии. Объявили наш номер. Я стою за кулисами на выходе, и меня от волнения бьет дрожь. Михаил Георгиевич стоит рядом со мной и шепчет мне на ухо: «Не рискуй, сделай упрощенный вариант». Я автоматически киваю головой и вылетаю на сцену под музыку серией жэтэ. Для меня весь танец пролетел, как во сне, и когда мы дошли до финала, я вдруг почувствовал в себе то самое сосредоточение сил и внимания, которое бывает во время прыжков в высоту через планку. Я рванулся вперед, подхватил партнершу, в один миг выбросил ее вверх и замер под гром аплодисментов. У меня все получилось в первый раз и прямо во время представления. На всех последующих концертах проблемы финала уже никогда не существовало.

Юрий Николаевич продолжил работу с нашим коллективом и вскоре перешел к постановке уже гораздо более серьезных хореографических постановок, которые остались в репертуаре студии почти до самого конца моего пребывания в ней. Первым номером был «Вальс-фантазия» Глинки. И вслед за ним была поставлена «Чешская сюита» на музыку «Славянских танцев» Дворжака. Она состояла из четырех танцев, объединенных единой идеей, и среди них был лирический дуэт, который я танцевал с Галей Эйдельман. Этот танец остался со мной на всю жизнь, и я многократно его исполнял отдельно, независимо от остальной сюиты. Мне безумно повезло с партнершей или скорее нам обоим. Когда мы выходили на сцену, мы сливались в одно целое, и наша влюбленность убеждала зрителей, и они верили в искренность происходящего. Однажды меня попросили станцевать

на праздничном концерте в Педиатрическом институте, где я проходил в это время аспирантуру. Мы с Галей станцевали этот танец с большим успехом. А на следующий день мой руководитель профессор И. И. Иванов сказал мне: «Вы знаете, я под таким сильным впечатлением от вашего танца, что я пришел к такому заключению, что вы либо очень сильно любите эту девушку, либо вы действительно великолепный актер!».

Я должен сказать, что за все 27 лет моей хореографической деятельности во Дворце у меня не было лучшей партнерши. И дело было не в ее техническом совершенстве или четкости исполнения отрепетированных движений. Каждое новое исполнение этого номера было уникальным и неповторимым по выразительности. На почти автоматическое выполнение его двигательной канвы накладывалось наше сегодняшнее восприятие музыки и эмоционального настроения каждого из нас. Мы чувствовали каждое движение души партнера и отвечали ему тем же. Мы сливались воедино, чувствуя каждый взгляд, каждое случайное прикосновение и плели гармонию переполнявших нас чувств. В нашем исполнении это был гимн любви.

Однажды к нам в класс входит очень возбужденный Михаил Георгиевич и торжественно объявляет о том, что мы едем с концертами за границу. Наступило гробовое молчание, а затем посыпался поток вопросов: «Куда? Как это возможно? Каким образом? Кто решил? Кто едет, и что будут танцевать? Нет, это невозможно!». Надо сказать, что это была весна 1951 года. Это было то время, когда Сталин еще был жив и «железный занавес» был плотно закрыт. Выезд за границу был практически невозможен. Даже профессиональным актерам не разрешали выезжать из страны. Каждый выезд был необычайным событием и сопровождался тщательным анализом кандидата со стороны соответствующих органов. А тут вдруг посылают нас. Михаил Георгиевич объяснил нам, что посылает нас ВЦСПС, и что едем не только мы, а целая большая группа самодеятельности из разных городов Советского Союза. Мы должны выехать в Москву, где будем находиться две или три недели, пока будет отрабатываться вся программа концерта,

а затем мы все вместе отправимся в Финляндию. Там мы будем посещать разные города и в каждом будем давать концерты. Было решено включить в программу концерта уже известный «Вальс» Ребикова в том же составе и парный танец «Краковяк», который исполнял Коля Петров с одной из наших девушек. Всего нас было десять человек: Михаил Георгиевич, мы с Колей и семь девушек — Нина Алексеева, Галя Эйдельман, Тамара Кирш, Лида Гильдебрандт, Сара Ялышева и еще две девушки, имена которых я забыл. Когда мы прибыли в Москву, сначала был устроен просмотр наших номеров, после чего они были включены в программу концерта. Затем нас попросили явиться на следующий день в парадном одеянии, чтобы было ясно, как мы выглядим в жизни. Когда мы предстали перед режиссером и какими-то неизвестными людьми, они пришли в ужас от наших одеяний и сказали, что в таком виде выпускать нас за границу нельзя. Вслед за этим последовало распоряжение ВЦСПС одеть нас с головы до ног. Это и было исполнено буквально. Нас отвезли в какое-то учреждение, в котором шили одежду, обмерили со всех сторон и, в конечном счете, мы получили все, начиная от нижнего белья и кончая шапками, шарфами, перчатками, галстуками и даже зонтиками. Теперь мы действительно имели роскошный вид. Единственной ошибкой, которую они сделали, и которую мы осознали уже только в Финляндии, было то, что они всех нас одели в одежду черных или очень темных тонов. На фоне разнообразных весенних красочных нарядов окружающей публики мы выглядели, как кучка черных жуков, случайно залетевших в цветник.

Репетиции шли каждый день, но вечерами мы были свободны и, как правило, отправлялись в театры, музеи, на выставки и даже посещали ипподром. Таким образом, нам удалось познакомиться со всеми слоями культурной жизни столицы того времени.

Наконец концерт был сверстан. В нем принимало участие большое число разных коллективов. Был даже хор. Кроме того, в нем участвовали и солисты, самодеятельные певцы, пианист, скрипач. Был также ансамбль народных инструментов и народные танцы, которые исполняли сибирские коллективы.



*Г. П. Пинаев — в театре*

После генеральной репетиции нас отвезли на вокзал, погрузили в купейные вагоны и мы отправились в сторону финской границы. Тут мы узнали, что наши вагоны — это не только транспортное средство, но и наш дом. По замыслу нашего руководства, мы должны были приезжать в какой-нибудь город, знакомиться с ним, затем устраивать представление, а вечером возвращаться обратно в вагоны, ложиться спать и просыпаться уже в другом городе.

Помимо режиссера, его помощников и руководителей ансамблей, нас сопровождали какие-то другие люди, обязанности которых нам вначале были совершенно непонятны, но вскоре это выяснилось. Первый наш концерт состоялся в Хельсинки в огромном полуспортивном зале на десятки тысяч зрителей. Концерт прошел на очень хорошем уровне. Все, естественно, волновались, но это как всегда придавало больше выразительности нашим выступлениям. На концерте присутствовало, как выяснилось, много русских эмигрантов, которые после окончания повалили на сцену, чтобы выразить свой восторг, пообщаться с соплеменниками и узнать, как там у нас дома. Мы, ничего не подозревая, охотно с ними разговаривали, объясняли, как мы занимаемся и как добиваемся таких хороших результатов. Но затем нас подвергли детальному опросу со стороны сопровождающих лиц о том, с кем мы разговаривали, о чем, что они хотели от нас узнать. Все наши объяснения о том, что речь шла о нашем успешном выступлении, не принимались, и мы чувствовали себя как преступники на допросе. Теперь нам стала ясна их роль — это было пристальное и постоянное наблюдение за нашим поведением. Они сопровождали нас повсюду и особенно, если у нас возникали разговоры со зрителями или другими окружающими людьми. Нам было запрещено на прогулках при знакомстве с городами отдаляться более чем на пять метров от основного ядра группы. Всякая самостоятельность подавлялась. Единственным местом, где можно было свободно поговорить и обменяться мнениями, был общественный туалет. Мы сначала просматривали все кабинки, и только убедившись, что там никого нет, могли начать разговор.

После Хельсинки мы поехали в Тампере, затем в Турку и таким образом проехали почти по всей стране и побывали во многих красивых местах. Мы давали концерты в городах Ваза, Ювескюле, Хамелина. Наибольший успех был в Хамелине, где жило около двух тысяч русских, уехавших сюда после революции и во время последней войны. Успех нашей поездки превзошел все ожидания и, прежде всего, в том, как нас встречали люди, для которых раскрылась неизвестная до этого сторона жизни нашей страны. Они увидели людей, мирно настроенных и увлеченных искусством, которое они несли зрителям с открытым сердцем. Эта сторона поездки очень заинтересовала наше высокое руководство, и заграничные гастроли ансамблей художественной самодеятельности с нашим участием в дальнейшем были много раз использованы в тех случаях, когда надо было повлиять на отношение людей разных стран к Советскому Союзу. Так, нас посылали в 1957 году в Германию после нашего конфликта и ввода танков в Берлин, а затем в Венгрию после путча и, наконец, на Кубу после известного урагана «Флора».

Но все это было потом, а вскоре после нашей поездки произошло великое событие, кардинально изменившее нашу танцевальную жизнь. Михаил Георгиевич собрал всех нас и объявил, что мы стали уже достаточно профессионально танцевать, и он хочет перейти, наконец, к большой серьезной работе и поставить настоящий балетный спектакль. Но это можно будет осуществить только при одном условии — если коллектив будет активно в этом участвовать и не пропускать репетиции. Мы были в восторге и, конечно же, поклялись, что не пропустим ни одной репетиции. Тогда он сказал, что он уже договорился с главным балетмейстером Малого оперного театра Борисом Александровичем Фенстером о постановке у нас балета «Каменный цветок» на музыку композитора Фридлендера. Это была всем хорошо известная сказка Бажова «Хозяйка Медной горы».

Начались репетиции, которые совершенно отличались от тех, к которым мы уже привыкли при постановке балетных номеров. Там нам преподносили определенный набор балетных па,



которые надо было выучить и затем воспроизвести в наилучшей технической и эмоциональной форме. Здесь все было не так, но как я выяснил позже, это зависело, прежде всего, от личности постановщика. В этом отношении нам сильно повезло с Борисом Александровичем, потому что он заставил нас создавать наши образы самостоятельно. Я исполнял роль Данилы-мастера, который создавал под наблюдением старого мастера Прокопьяча тот самый каменный цветок. И вот, Фенстер дает нам прослушать музыку, объясняет мизансцену, то есть то, что должно происходить на сцене, и предлагает осуществить это так, как мы сами ее ощущаем. Сначала мы даже не понимаем, как к этому приступить, и двигаемся, как манекены. Он нас поправляет и объясняет, что у нас должен быть внутренний диалог, который мы должны выразить движениями, и движения эти должны быть эмоциональными и в то же время носить танцевальный характер. Танцы, дуэты, поддержки — все было им поставлено, но они появлялись в ходе репетиции как продолжение образа, созданного нами самими. В этом и заключалось искусство балетмейстера — найти то единственное сочетание внутренней природы исполнителя с тем хореографическим языком, с помощью которого он доносит до зрителя свои переживания. В период постановочных репетиций он давал нам полную свободу импровизаций для поиска наиболее близкого к себе и выразительного образа. Но как только этот образ был найден, он прекращал наши поиски и заставлял вживаться в него, чтобы почувствовать все нюансы движений и слияния их с музыкой. Такой творческий подход к созданию роли позволял нам чувствовать себя на сцене свободно и уверенно. Кроме того, он явился серьезной и незаменимой школой актерского мастерства, которое затем только совершенствовалось при участии в следующих балетах. Моими партнершами в этом балете были Нина Алексеева и Галя Эйдельман. Хозяйка Медной горы — Тамара Кирш, Северьян — талантливый новый участник нашего коллектива Борис Снимщиков и, наконец, Прокопьяч — Костя Утин. Ну и, естественно, во всех картинах русские и классические танцы исполняли остальные участники нашей студии.

В процессе репетиций выяснилось, что труднее всего не танцевать, а просто ходить по сцене, сохраняя образ действующего лица и реагируя на все происходящее вокруг. Так, в картине под землей, где Хозяйка демонстрировала Даниле все свои несметные богатства, нужно было реагировать на появление и танцы разных драгоценных камней и передавать через свое отношение к ним, насколько они замечательные. И зритель смотрел не только на сам танец, но и на мою реакцию на него, что усиливало эффект исполнения того или иного номера.

Наконец состоялась премьера, и успех этого первого представления превзошел самые дерзкие ожидания. Публика бурно аплодировала и долго не отпускала со сцены нас и нашего постановщика.

Появление «Каменного цветка» на нашей самодеятельной сцене было совершенно неожиданным событием в культурной жизни города. Никто не ожидал от любителей такой дерзости, и результатом этого явилось появление на наших спектаклях известных танцовщиков Мариинского театра. Дудинская, Сергеев, Осипенко, Вечеслова приходили за кулисы после окончания спектакля поздравляли нас и наших педагогов и желали нам дальнейших успехов.

Вскоре после этого замечательного события, в еще большей степени объединившего нас между собой и создавшего в нас ощущение настоящей балетной труппы, последовали новые зарубежные гастроли. В этот раз наш путь лежал в Германскую Демократическую Республику. Насколько я понимаю, отправили нас туда из соображений разрядки напряженности, возникшей в связи с возведением в Берлине стены, разделяющей восточную и западную части города. В этот раз наш самодеятельный коллектив значительно расширился. В него влилась группа грузинских танцоров, представители народного ансамбля танца из Магнитогорска, а также из Узбекистана. В этот раз мы с Галей Эйдельман выступали с нашим любимым Славянским танцем Дворжака. Народу в нашей группе было очень много, и два выделенных переводчика не справлялись со всей огромной работой

и с решением бесчисленных мелких проблем, неизбежно возникавших во время подготовки к каждому концерту. Так как я несколько раз помогал в переводе для своих товарищей, меня почти официально определили третьим переводчиком, и теперь в течение всей нашей поездки, которая продолжалась около трех недель, я целый день совершенствовал свой немецкий. Надо сказать, что делал я это с удовольствием, потому что с самого раннего детства я слышал немецкую речь со стороны бабушки и мамы, когда они не хотели, чтобы я понимал, о чем они говорят. При этом они и не подозревали, что я понемногу все выучил и был в полном курсе дела, о котором шла речь. В связи с этой дополнительной нагрузкой я очень много общался с окружавшими нас немцами и к моему огромному удивлению обнаружил, что самое дружелюбное и даже дружественное отношение к нам исходило от тех людей, которые были у нас в плену. Казалось бы, они должны были быть настроены враждебно. Нет, подчас они вспоминали те дни даже с некоторым налетом лирики. И я, наконец, понял, что эта ужасная война также как и нам, была не нужна и этим людям. В результате наших встреч мое крайне негативное отношение к Германии и к немцам вообще значительно смягчилось. Мы побывали во многих городах, и передо мной возникали картины из прочитанной в детстве литературы. Вот мы в Веймаре, где встречались Шиллер и Гете. Мне хотелось увидеть, где творили Бетховен, Бах и Вагнер.

Мы с грустью смотрели на разбомбленную англичанами Дрезденскую картинную галерею. Очень светлым и даже радостным показался Лейпциг, где люди говорили совсем не на том языке, которому нас учили в школе. И, наоборот, не понравился Берлин — огромный и холодный город, от которого пахло чем-то жестоким и воинственным. И, наконец, как раз во время ноябрьских праздников нас повезли в изумительную часть Германии — в горы Гарц.

Там мы тоже давали концерты и немного отдохнули в очень уютном санатории. Этот санаторий напомнил мне историю, которую написал один американский журналист о специальных

санаториях, в этих самых местах специально построенных для выведения нового поколения арийской расы.

Туда привозили эсэсовцев с фронта и специально отобранных женщин из разных районов Германии, где они должны были пополнить убывающих вследствие войны арийцев. Женщины должны были родить и затем забыть об этих своих и в то же время чужих детях. Однако оказалось, что, несмотря на блестящее обслуживание, идея провалилась с треском, так как малыши были лишены крайне необходимого для них близкого общения с мамами, и в результате практически все, кто воспитывался в этих санаториях с одной нянькой на двадцать человек, оказались безнадежно умственно отсталыми.

В один из этих ноябрьских дней мы покинули наш санаторий и целой кавалькадой небольших автобусов и легковых машин двинулись по горным дорогам к нашему следующему городу — Карл-Маркс-Штадту. Вдруг машины остановились, немцы выскочили на дорогу и, оживленно что-то обсуждая, показывали пальцами в небо и звали нас. Когда мы выскочили из автобуса, то слышали знакомое слово. «Шпутник, шпутник!» — кричали немцы. Действительно высоко-высоко в ясном небе можно было различить движущуюся сверкающую точку. Это был наш первый спутник земли, который запустили в космос как раз в эти дни. Мы только сейчас осознали, что спутник — это действительно реальность, что это наш спутник и почувствовали, как наши хозяева смотрели на нас в этот момент с большим уважением. Мы двинулись дальше, но долго еще не могли успокоиться. Ведь мы присутствовали при величайшем событии для всего мира.

В общем, помимо удовольствия от великолепного приема наших концертов, поездка дала нам полное представление об этой стране, об ее прошлом и ее образе жизни. И, что было, наверное, самым важным, — это было не туристическое знакомство со стороны, а настоящее взаимодействие и сотрудничество с окружающими нас людьми другой страны.

Вскоре после возвращения из Германии у нас началась постановка нового балета «Мирандолина» на музыку композитора

С. Василенко. Это было балетное воплощение всемирно известной комедии Карло Гольдони «Хозяйка гостиницы». Ставил этот балет Юрий Дмитриевич Воронцов. Это было очень живое и юмористическое представление, в котором Граф (Костя Утин), Барон (Миша Васюченков) и Кавалер (Борис Снимщиков) тщетно пытались добиться расположения очаровательной, но своенравной Мирандолины (Тани Ильиной). А я был влюбленным в нее слугой — Фабрицио. В качестве слуги я все время должен был появляться на сцене, и все ухаживания за Мирандолиной проходили у меня на глазах. Это означало, что, будучи влюбленным, я не мог оставаться безразличным к тому, что я видел и в то же время не мог показывать присутствующим все мои переживания. Единственным моим собеседником оставался зритель. И вот, пожалуй, в первый раз я почувствовал существование этих невидимых нитей, связывающих нас вместе. Это не были какие-либо явные движения в зрительном зале или звуки, но я отчетливо чувствовал их реакцию. И когда я оказывался один перед залом, я ощущал всем своим нутром, как в течение нескольких секунд после первых моих движений устанавливается это взаимодействие. Теперь-то я уже понимаю, что такой диалог с залом необходим при любом выступлении, будет ли это танец или доклад, или лекция для студентов. Каждый сидящий в зале должен почувствовать, что ты разговариваешь именно с ним и ему поверяешь свои сокровенные мысли. И это действительно должно быть так, это нельзя формально изобразить, ты должен внутренне настроиться и передать некий эмоциональный заряд собеседнику. В этот момент ты становишься актером, но хорошим актером, который не допускает фальшивых нот.

Должен сказать, что в результате такого контакта со зрительным залом возникает невероятное ощущение блаженства от своей силы убеждения, заставляющей смотрящих на тебя людей следовать твоим эмоциям, сочувствовать им и возвращать тебе свой эмоциональный ответ. Это называется «владеть залом», и я думаю, что именно такими способностями владеют маги и чародеи, когда они начинают управлять массой людей.

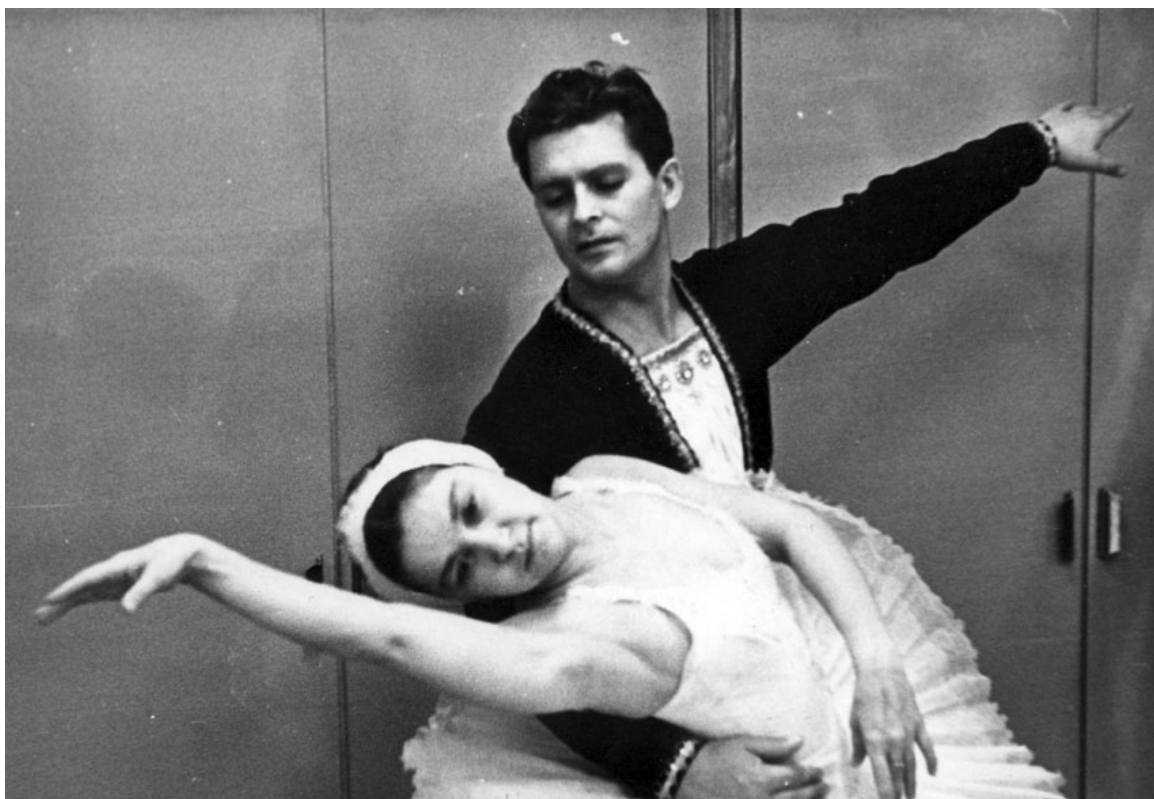
Сочетание такого почти драматического действия с лирическими дуэтами и бравурным па-де-де с настоящими вариациями, переходящими в финале в зажигательную тарантеллу, создавали ощущение целого водопада эмоций и полного опустошения к концу спектакля. Балет был насыщен характерными неаполитанскими танцами, и для работы над ними были приглашены из Мариинского театра характерные танцовщики и репетиторы — Тахир Балтачев и Саша Поляков. Видимо, им понравилось с нами работать, потому что они и один из лучших репетиторов театра Юрий Дружинин в течение многих лет принимали участие в выпуске последующих балетов и концертных номеров.

Не успели мы закончить «Мирандолину», как нас призвали на следующие заграничные гастроли. В этот раз нас отправили в Венгрию, и это было после Сегедского восстания. В отличие от двух предыдущих поездок, у нас было постоянное место обитания. Мы жили в Будапеште в большой гостинице «Маргитцигет» на покрытом зеленью острове Святой Маргариты, который находился на середине Дуная. Как оказалось, название столицы Венгрии возникло из двух частей города. С одной стороны острова на высоком берегу широкой реки находилась Буда, а с другой Пешт — низкая часть города. Буда — это древняя аристократическая часть столицы с разбросанными дворцами, роскошными гостиницами, ресторанами и виллами. А Пешт, наоборот, был более поздний, однородный и чем-то напоминавший по планировке и архитектуре наш Ленинград.

В отличие от наших предыдущих поездок, мы все время находились на этом острове, откуда почти каждый день поутру на автобусах выезжали в разные города страны, где давали концерты, а поздно вечером возвращались в свою гостиницу. Это было очень утомительно, потому что большую часть дня мы находились в дороге и не имели возможности достаточно хорошо познакомиться с теми изумительно красивыми местами, которые мы навещали. С другой стороны, постоянное место жительства позволило нам гораздо лучше познакомиться с нашими компаньонами, с которыми у нас установились длительные и дружеские отношения.

В результате этих двух поездок у меня, например, появился грузинский друг Вахтанг Гамцемлидзе, с которым мы поддерживали связь в течение многих лет. Конечно, не эту цель преследовали организаторы наших гастролей. По-видимому, так было организовано в целях нашей безопасности. Когда наш концерт проходил в самом городе Сегед, где был центр путча, выходить на сцену было даже боязно, потому что за каждой кулисой стояло по автоматчику. Вероятно, организаторы боялись, что в зале могут возникнуть волнения. Возможно, по этой же причине и наши концертные номера носили максимально развлекательный характер. Я, например, танцевал вместе с моими двумя партнершами шуточный танец под названием «Соперницы», в котором каждая из двух девушек на протяжении всего танца старалась привлечь к себе одного юношу (то есть меня), в результате чего он убегает от обеих, а они остаются ни с чем. Мое знание немецкого языка оказалось как нельзя кстати и в Венгрии, где практически все говорили на нем. Это позволило мне подружиться с рядом венгров, которые, несмотря на существовавшую в то время напряженность, были, тем не менее, значительно ближе к нам по темпераменту, чем немцы. Во время последующих моих визитов в Венгрию уже с научными целями мы встречались как лучшие друзья, и все свободное время проводили вместе. Таким образом, наши поездки имели глубокий смысл взаимного познания характера и образа мышления другого народа.

Завершилась наша поездка комическим случаем, который произошел на прощальном банкете. Надо сказать, что наши руководители не владели иностранными языками, и им приходилось общаться с нашими хозяевами только с помощью переводчика. Тем не менее, иногда они старались произвести впечатление на окружающих, произнося отдельные венгерские слова, не зная четко, что они значат. И вот, произнося благодарственную речь за великолепный прием, наш руководитель захотел щегольнуть знанием языка и завершил ее словами: «Ребус, дорогие товарищи!». Он хотел сказать «Привет», что по-венгерски звучит как «Сервус». После этого наступила неловкая пауза, а мы чуть не попадали со стульев от сдавленного хохота.



*Г. П. Пинаев — в балете*



Наша хореографическая компания была чрезвычайно разнообразная как по происхождению, так и по характеру основных занятий. В одном и том же классе, в одном и том же танце встречались и школьники старших классов, и студенты разных вузов, и продавцы, и слесари, и техники, и инженеры, и даже аспиранты и преподаватели. При этом никому даже в голову не приходило сопоставлять род занятий. Всех объединяло одно общее увлечение танцем и стремление во что бы то ни стало достичь вершин совершенства. И на этом пути все были равны и, более того, мы были неразлучными друзьями. Все большие праздники мы проводили вместе, и незаметно для нас самих мы получали широкое образование, получая информацию о самых разнообразных видах человеческой деятельности. Более того, такая дружба разнообразных по образу занятий людей научила нас быть открытыми и благожелательными к окружающим. Наши зарубежные поездки спланивали нас еще больше, и можно без преувеличения сказать, что группа наших основных ведущих танцоров превратилась постепенно в одну большую семью, в которой каждый был всегда готов материально и морально поддержать близкого человека. Через несколько лет занятий во дворце я чувствовал себя в нем, как в нашем военном интернате, и приходил туда каждый раз, как к себе домой. Да это и был, по сути дела, мой второй дом, куда меня влекло не по обязанности, а по велению души. Здесь встречались единомышленники, отдававшие практически все свое свободное время физически тяжелому, но увлекательному искусству танца и по человечески заинтересованному общению друг с другом. И, безусловно, еще больше нас объединяли многократные выступления на смотрах художественной самодеятельности в Москве и особенно поездки за границу. Знакомство с другими странами, другим образом жизни, другой культурой чрезвычайно расширяло наш кругозор и формировало у нас интернациональное мышление, чего была лишена подавляющая часть населения нашей страны.

Таких близких и доверительных отношений у нас не было ни на работе, ни в институтах. Конечно, на общем семейном фоне

у меня, как и у других, возникали еще более тесные, почти родственные связи, и они определялись, прежде всего, соответствующим культурным уровнем, когда можно было понимать друг друга с полуслова и обсуждать общие проблемы, навеянные литературой или общими судьбами разных семей. У нас было очень плотное расписание занятий. Мы обязательно должны были быть во дворце в 7–30 вечера три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу. Это были полуторачасовые занятия классикой. После них два раза в неделю шли занятия характерным танцем, а затем начинались репетиции. В периоды постановки балетов приходилось часто приходить на репетиции дополнительно во вторник или четверг. Как правило, репетиции заканчивались в одиннадцать или полдвенадцатого ночи, и дома я оказывался уже после двенадцати. Только тогда и начиналась подготовка к институтским занятиям, чтение литературы и выполнение домашних заданий. И все это продолжалось до трех часов ночи. То же происходило и с другими студентами или школьниками. Но никто не роптал, мы были полностью насыщены и творческой, и физической работой, и это создавало в нас ощущение самодостаточности. Слово «скука» в нашем лексиконе отсутствовало. Когда кто-то из окружающих нас произносил его, мы смотрели на него с большим изумлением. Это состояние было нам незнакомо. Зато нам очень была знакома фраза: «Где взять время». Когда я навещал моих нетанцующих друзей, они всегда на меня обижались, потому что больше часа, как правило, я с ними остаться не мог. «Ты куда?» — кричали они мне, а я отвечал: «Труба зовет!». И так труба звала меня на продолжении долгих двадцати семи лет.

Наш репертуар постепенно расширялся и становился все более разнообразным. Замечательная характерная танцовщица и начинающий балетмейстер Нина Александровна Анисимова поставила нам одноактный балет «Под солнцем Индии». Исполнять такой балет было сложно, потому что уже привычные для нас классические движения сочетались с типичными индийскими. И это изменяло не только характер танца, но и способ эмоционального общения друг с другом. Затем появился Обрант — руководитель

популярного в то время ансамбля современного танца, который поставил одноактный балет «Пути-дороги». Не обошли нас своим вниманием и руководители всемирно известных ансамблей народного танца «Березка» [Н. С. Надеждина], и [главный балетмейстер хора им. Пятницкого] Татьяна Устинова. И в нашем репертуаре появились русские характерные танцы.

В результате нашего успешного развития и появления многочисленных постановок мы получили новое название. Вместо хореографической студии мы стали называться «Народный театр балета». Это был великий день в нашей жизни. Нас признали, и все усилия Михаила Георгиевича и остальных наши педагогов были оценены. А самое главное заключалось в том, что они доказали на практике возможность создать балетных артистов из увлеченных, но уже не маленьких девушек и молодых людей. Мы поднялись до уровня почти профессиональных танцовщиков. Нас переполняло чувство гордости за наш замечательный коллектив. И, действительно, приблизительно в это же время ряд наших ведущих танцовщиков стали получать приглашения перейти на профессиональную сцену и стали покидать наши стены. Так, Лида Конкс уехала в Одесский театр, а Саша Лифшиц даже стал артистом Ленинградского балета<sup>19</sup>. Кто-то уехал в Новосибирский театр оперы и балета. При этом я подметил очень интересную закономерность. Люди уезжали в периоды затишья в нашей постановочной деятельности и никогда — во время постановки нового спектакля. Это показывало, что сам процесс творчества для них был очень важен и удерживал их на месте, несмотря на все лестные предложения.

К моему великому сожалению, переход в состояние Народного театра балета сопровождался не только радостями, но и горестями. Возникли внутренние разногласия и интриги, в результате которых стал меняться состав наших руководителей и педагогов. Самой главной потерей был уход основателя нашего балета Михаила Георгиевича Тер-Степанова. Затем нас покинул Борис Васильевич Соловьев. Какое-то время его замещал очень

<sup>19</sup> Вероятно имеется ввиду Театр оперы и балета им. С. М. Кирова.

интересный и необычный педагог Комаров, которого называли вторым Нижинским за его непревзойденную балетную технику. Он не столько занимался оттачиванием правильного положения рук и ног, сколько старался привить нам способность к импровизации и увлекал нас стремительными вариациями, которые требовали предельно точного ощущения себя в пространстве. Я никогда не забуду, как он, демонстрируя возможности сочетания несовмещающихся между собой движений, начинал вращение бесчисленного количества пируэтов и одновременно с этим вынимал из кармана сигареты, спички и делал вид, что он закуривает эту сигарету, не прекращая при этом свое непрерывное вращение. Подобных примеров было предостаточно, они поражали нас, заражали желанием быть такими же и в результате помогли нам почувствовать себя более раскрепощенными во время исполнения разных вариаций. Пробыл он у нас недолго, не знаю уж, по какой причине, и затем его сменил ведущий солист балета Малого оперного театра Виктор Михайлович Тулубьев, который и оставался преподавателем классики в мужских классах весь остальной период моего пребывания в балете. Если Борис Васильевич создал хорошую техническую базу, то Виктор Михайлович на этой базе развивал у нас исполнительское мастерство, которое так необходимо, чтобы сложные балетные па несли определенную смысловую и эмоциональную нагрузку, без которой танец превращается в сухое, хотя может быть и очень сложное гимнастическое упражнение. Будучи сам исполнителем высокого класса, он отлично понимал, насколько это важно для того, чтобы танец становился искусством и находил пути заставить нас это почувствовать. Виктор Михайлович был добрым дружелюбным человеком, обладавшим большой долей юмора, что помогало ему справляться не только с нашим несовершенством, но и с нашими характерами. Я ему очень признателен за ту реальную помощь, которую он оказал мне на моем трудном и не всегда успешном жизненном пути. Но, об этом в другой раз. Характерный танец теперь вел у нас известный танцовщик Мариинского театра Сапогов. Несмотря на мою большую

любовь к Михаилу Георгиевичу, я должен признать, что Сапогов был классом выше и пытался наряду с техникой характерного танца развивать в нас индивидуальность исполнения, близкую к классическому образу. В этом смысле он во многом помог мне в первых моих попытках балетмейстерского творчества.

Среди педагогов женских классов на протяжении многих лет также произошли замены. Давно уже не было Большаковой и Киргейм. Преподавателем старших классов и, по сути дела, главным лицом, определяющим судьбы нашего балета, стала Екатерина Владимировна Иванова, обладавшая весьма твердым и даже жестким характером. При ней доверительность и открытость в наших взаимоотношениях стала значительно ниже.

Вскоре состоялась наша очередная и весьма необычная поездка за границу. На этот раз наш путь лежал в Японию. Несмотря на то, что это был уже 1960-й год, мирный договор с ней еще не был подписан, и поэтому мы не могли прибыть в Токио прямым рейсом из Москвы. Вместо этого нам пришлось добираться до нее окружным путем. Сначала мы полетели из Москвы через Ташкент в Дели, где должны были пересесть на самолет компании «КЛМ» и затем продолжить наш путь в Японию. На деле же оказалось все не так просто. Когда мы приземлились в Дели и вышли из самолета, мы попали в пекло. Жара была 35 градусов — температура для нас совсем непривычная. Но когда мы проходили через контроль и сказали, как у них жарко, они только рассмеялись и сказали что у них много больных из-за быстрого понижения температуры. Оказалось, что несколько дней тому назад температура воздуха была 45 градусов. Тут же выяснилось, что предполагаемого самолета нет по каким-то причинам и нам предстоит провести в Дели несколько дней. Мы очень обрадовались возможности немного познакомиться с Индией. Нас поселили в небольшой гостинице в центре города. Крошечные номера на втором этаже выходили на длинный балкон, с которого можно было наблюдать окружающую жизнь. Самым большим испытанием оказались попытки спать в такой жаре. Хотя в номерах под

потолком были большие вентиляторы, как пропеллеры у самолета, они плохо помогали. Когда их включаешь, через некоторое время становится холодно, и приходится их выключать, но затем очень скоро опять наступает невыносимая жара, и включаешь вентилятор снова. Так и проводишь всю ночь за этим занятием. За исключением концерта для сотрудников советского посольства, которые очень обрадовались такому подарку, мы были предоставлены сами себе. При посещении разных великолепных дворцов нас сопровождала секретарь посольства, и у меня вызвало невероятное удивление то пренебрежительное отношение, с которым она о них отзывалась. У нее было полное отсутствие интереса к истории этого древнего народа, из которого, как говорят, произошли и мы сами.

Наибольшее впечатление на нас произвели не столько сами дворцы, сколько сочетание роскоши центра столицы и крайняя нищета ее окраин. Мы выходим из гостиницы и направляемся по широкой улице от центра к краю города. Вдоль по улице несутся рикши, везущие небольшие коляски с тентом над головами. Часть из них рикши везут своими ногами, а другие на велосипедах. И всем этим потоком управляет очень важный полицейский в белом пробковом шлеме на голове.

Через некоторое время нас окружают, как воробьи, стайки мальчишек, которые выпрашивают бакшиш. Очень интересно, что между ними, по-видимому, распределены территории, и потому что когда квартал заканчивается, эта группа ребятшек останавливается, но на смену им появляются следующие. Затем вдоль дороги выстраивается бесчисленное множество маленьких ларьков или просто людей, разложивших на земле свои товары. Они активно предлагают купить что-нибудь. И, наконец, не очень далеко от центральной части города мы вдруг наталкиваемся на какое-то скопище шалашей, построенных из соломы, и каких-то других примитивных жилищ, вокруг которых копошатся оборванные люди и дети. Это здесь! В столице! Мы стоим, как зачарованные, и не верим своим глазам. Эта картина до сих пор стоит перед моими глазами.

Наконец наш самолет прибыл, и мы продолжили свое путешествие. Следующая остановка была в Таиланде. Мы пробыли в Бангкоке только пару часов, и нам, к сожалению, не удалось познакомиться с этим живописным местом. Затем самолет взял курс на Филиппины, и мы приземлились в Маниле. Здесь наш самолет должен был только заправиться, но судьба распорядилась иначе. Мы провели в аэропорте Манилы около четырех часов. Нас трижды вызывали на посадку, но потом опять просили вернуться в помещение вокзала. Что-то случилось с мотором, и он никак не заводился. Наконец на третий раз он все-таки заработал, мы взлетели и взяли курс на Токио. Нам нужно было долго лететь над Тихим океаном. И вот примерно через час нашего полета с самолетом стало твориться что-то странное. Его начало трясти, как в лихорадке. Он то проваливался куда-то вниз, то вновь взлетал кверху. Мы как раз в это время ели, и толчки были такие сильные, что наши тарелки и кружки подлетали до потолка. Все пришли в ужас и думали, что, вероятно, что-то опять случилось с нашими моторами, и нам приходит конец. Кто-то даже стал молиться. На самом деле, как выяснилось позже, самолет попал в крыло урагана, который проносился над Тихим океаном, и только благодаря искусству нашего пилота нам удалось выжить. Приблизительно через час все успокоилось, и мы благополучно приземлились в Токио.

Наше пребывание в Японии в течение полутора месяцев кардинально отличалось от всех предыдущих заграничных поездок. Это была абсолютно другая страна с другой философией жизни, с другими обычаями, другим внешним видом людей и жилищ. Перечислять все ее особенности можно бесконечно. Поэтому я упомяну только о некоторых из них, сразу же привлечших наше внимание. Я не знаю, как выглядит Япония сегодня. Походящим до нас фотографиям или телевизионным обзорам, сейчас она сильно изменилась, но в те времена после войны, когда для европейцев путь туда был практически закрыт, она сохраняла еще в полной мере свою самобытность. Во-первых, это народ преимущественно низкого роста, и наши высокие артисты

и руководители выглядели просто великанами, а когда им понадобилось купить что-то из одежды, то во всей Японии не нашлось их размеров. Кроме того, из-за их монголоидного типа лица у меня впервые возникло ощущение, что мы не можем затеряться и исчезнуть в толпе, так же как негр не может спрятаться среди белых. Мы все время были как на ладони, и этим привлекали всеобщее внимание. Белый цвет одежды, в отличие от наших представлений, означает в Японии траур. Типичной женской одеждой в то время было кимоно с широким поясом, а на ногах не туфли, а некое подобие маленьких скамеечек.

Мы проехали с концертами по всем основным островам Японии — Кюсю, Хонсю и Хоккайдо. Принимали нас очень хорошо, но такого контакта со зрителями и с окружающим миром, как в Европе, у нас не было, слишком уж мы были разными. В известной степени у меня сложились более близкие отношения с нашими сопровождающими, чем у других, что произошло из-за моего небольшого знания японского языка, которому начала меня учить Вера. Это сразу вызвало уважение, и они меня звали не иначе как Пинаев-сан. Чрезвычайно интересно, что еще за два месяца до нашего появления вся наша жизнь была расписана по минутам. И если автобус, везущий нас на концерт, должен был быть в 5 часов 22 минуты, так он точно был в это время, и не дай бог, было опоздать хоть на минуту. Любая задержка с нашей стороны вызывала великое смущение и плохо скрываемое неодобрение со стороны наших сопровождающих. Вообще, во всей нашей жизни здесь было много ритуального. Возможно, что в Японии были гостиницы и европейского типа, но мы жили всюду в типичных японских гостиницах. Когда нас привозили к гостинице, прямо у порога нужно было снять свою обувь и надеть тут же стоящие массивные туфли на деревянной подошве наподобие французских сабо. В них мы шествовали до своего номера и, войдя в него, должны были оставить их у порога. Сам номер, собственно говоря, представлял собой абсолютно пустую комнату без какой-либо мебели. Деревянного пола не было, а вместо него на полу лежали плотно уложенные



большие циновки — татами. Как мы узнали позже, размер комнаты или жилища измерялся у них в татами. Например, комната 8 татами или 10 татами. Когда приходило время спать, вы могли раздвинуть стену, за которой обнаруживался матрас и постельные принадлежности, и вы спали на этом матрасе прямо на полу. А еще там же был небольшой столик высотой не более 15–20 сантиметров, на который можно было положить еду. Надо сказать, что во время приемов мы сидели за такими же, но длинными столиками, и сидеть за ними приходилось или по-турецки, или на коленях. Наше старшее поколение изнывало от такого неудобства. Если вам нужно посетить туалет, вы снова надеваете свои сабо и идете по коридору до него, а перед тем как войти, опять меняете обувь на специально поставленные там тапочки.

Так как наше расписание было сделано за два месяца до нашего приезда, а мы задержались из-за неприбытия самолета, некоторые наши концерты не состоялись, потому что по тамошним обычаям уже нельзя было найти за короткий срок нового помещения для наших выступлений. В один из таких непредвиденных свободных дней нас повезли в древнюю столицу Японии Киото, где, кроме знакомства с удивительно красивым старым городом, нам еще преподнесли подарок в виде посещения спектакля всемирно известного театра Кабуки. Это представление действительно было не похоже на все, что я до этого видел. Во-первых, это был чрезвычайно длинный спектакль. Он продолжался, по-моему, около четырех или более часов. Мне это было вполне понятно, потому что все действие было чрезвычайно замедленным. Все представление является сочетанием драмы и своеобразного балета, вернее драматического спектакля, в котором каждая фраза сопровождается движениями. Даже точнее, все произносимые слова и звуки идут одновременно и дополняют друг друга. При этом, однако, каждая произносимая тирада подразделяется на ряд медленных последовательных слагаемых. Для того чтобы это понять, мы должны представить себе, как это происходит. Перед вами неглубокая, но очень широкая сцена, практически без всяких декораций за исключением красочного

задника. По обеим сторонам сцены под некоторым углом располагаются музыканты в национальных костюмах и с национальными инструментами. На сцене в кимоно сидит на коленях женщина. Идет небольшое музыкальное вступление, и затем появляется мужчина, который обращается к ней приблизительно в таком виде: «Я.....приишееел.....тееебеее..... скааазаа-аать,.....чтооо.....браааат.....твооой .....пооогиийб». В это же время его правая нога постепенно отделяется от пола, колено возносится вверх почти на уровень плеча, затем она постепенно выпрямляется и опускается по направлению к женщине, и все тело переносится на эту ногу. При этом производятся и движения руками в соответствующей японскому танцу манере. И в такой манере продолжается все действие. В процессе спектакля исполняются и чисто балетные фрагменты, строго направленные на развитие представляемого события. Я не берусь описывать это словами, это надо видеть. По счастью, нам удалось побывать в танцевальной школе, и я видел своими глазами, как обучают традиционным японским движениям. Что меня больше всего поразило в том представлении, так это демонстрация того, как постепенно рождается эмоциональный посыл к другому лицу или формируется собственное ощущение своего состояния — не в миг, и не сразу, а на протяжении некоторого отрезка времени. Чувство не запрограммировано исходно, оно рождается здесь и сейчас. Где-то в середине представления был сделан длинный антракт, во время которого происходила чайная церемония. В холле на втором этаже возвышалось огромное устройство, напоминающее по виду очень большой блестящий самовар. Девушки в кимоно и с высокими прическами преподносили зрителям, сидящим здесь же на низеньких скамеечках, чай и блюдечки с каким-то лакомством в виде круглого шарика. Когда я положил этот шарик в рот, я понял, что ни за что на свете не смогу его проглотить. Я осторожно, чтобы никто не заметил, выплюнул его на ладонь и сжал ее в кулак. Что делать с ним дальше, я не знал, но к счастью мне срочно захотелось в туалет, и я пошел его искать. Оказалось, что отдельных

туалетов в Японии нет. Специально к нашему приезду в гостиницах, в которых мы останавливались, вывешивали таблички М и Ж. Выхода из положения, однако, не было, и мне ничего не оставалось, как собраться с духом и открыть дверь. Во время моего краткого пребывания в окружении женщин я чувствовал себя, как на раскаленной жаровне, и когда я вышел, я был абсолютно мокрый. Когда я вернулся обратно, мои друзья спросили, что со мной случилось, почему я такой бледный. К счастью раздался звонок, и мы пошли на продолжение спектакля.

Когда мы завершили наши выступления на самом южном острове Кюсю и прибыли в аэропорт, чтобы перелететь на центральный остров Хонсю, оказалось, что прибыли мы туда слишком поздно и рейсов сегодня не будет. В результате длительных дебатов на тему «Что делать?» выяснились две возможности: либо оставаться в этом небольшом селении на ночь, либо воспользоваться любезным предложением перебросить нас на ту сторону военным самолетом. Так как у нас на следующий день был запланирован концерт, то после долгих размышлений был выбран последний вариант, и буквально через несколько минут мы оказались на другом острове. Как оказалось, мы случайно избежали ужасной участи покинуть этот свет. Ночью ближе к утру, мы все проснулись, потому что пол под нами дрожал и подпрыгивал, а утром когда включили телевизор, мы увидели, что вчерашнего селения, в котором нам предлагали провести ночь, нет и в помине. Оно представляло собой груды перемешанных с песком остатков зданий и мертвых людей и животных. Это произошло в результате обрушившегося на это побережье как раз в эту ночь цунами.

Были мы и в Хиросиме, где мы также давали концерт. Нам показали панораму ужасных разрушений, которым подвергся город в результате сброшенной американским пилотом атомной бомбы. По сути дела, всю центральную часть города смело с лица земли. В городе были какие-то волнения, связанные с последствием этой катастрофы, и нам строго-настрого запретили покидать гостиницу до нашего выступления. А когда мы отправились в концертный зал, нам приказали не разбредаться, а идти плотной группой.

Сопровождающие же нас японцы растворились в потоке идущих людей. Внезапно навстречу нам появилась группа агрессивно настроенных людей, на лицах которых было написано явное желание дать нам взбучку. Внезапно из окружающей толпы вынырнули наши спутники, которые молча и очень быстро вклинились в эту группу и оттеснили их в стороны, чтобы мы могли беспрепятственно пройти к концертному залу. К счастью, во время нашего представления никаких эксцессов не было, и концерт прошел с большим успехом. Должен сказать, что эта наша поездка произвела на всех нас очень глубокое впечатление. Мы познакомились с новым миром, и даже в нем в процессе наших перемещений мы обрели новых друзей и обоюдное делание понять друг друга. На прощание один из наиболее близких к нам переводчиков даже предложил поменяться часами, что означало наибольшее дружеское расположение.

По возвращении у нас началась новая большая работа над постановкой трехактного балета «Снежная королева» на музыку Грига, постановщиком которого был уже знакомый нам Юрий Дмитриевич Воронцов. Нет необходимости пересказывать его содержание, потому что все знают эту сказку с детства. Мне было предложено исполнять роль Кая. В этом балете я встретился с очередной исполнительской трудностью. Я должен был одновременно изображать двух разных людей: нормального веселого и увлеченного Гердой юношу и зачарованное снежной королевой бездушное, безразличное и даже злое существо. Как это сделать? Как переродиться? Чисто формально, не почувствовав изнутри этого, не сделать и не донести до зрителя всю трагедию этого существа. И тут мне вдруг приходит на помощь наше знакомство с японским спектаклем Кабуки. Я должен перейти в другой мир, изменить свой язык и скорость своих движений. Конечно, это не было прямым подражанием и совсем не напоминало того, что мы тогда видели. Но принцип был тот же, и он сработал безукоризненно. Я даже уже в антракте перед царством снежной королевы изменял свой ритм и выглядел, по-видимому, очень странно, потому что окружающие за кулисами смотрели на меня с изумлением и шептали что-то друг другу на ухо.

Самой же кульминацией был возврат в свой родной мир — такой теплый и ясный. И это преображение проникало в зрительный зал, и я чувствовал, как оттуда текут ко мне теплые волны. Со стороны выполнения сольных вариаций и дуэтов проблем не было, не считая необходимости оттачивания некоторых технических деталей. Конечно, исполнению способствовала изумительная и проникновенная музыка. Балет имел большой успех, и мы окончательно утвердились как почти профессиональный театр. Если ранее основным зрителем были родители и знакомые, то теперь во дворец пошел посторонний зритель, и газеты запестрели фотографиями и короткими заметками о наших достижениях.

И наконец, мы вступили на высшую ступень нашего совершенства — мы осмелились прикоснуться к всемирно известному классическому репертуару и не вызвали при этом бури негодования со стороны профессионалов и остальной публики. Одна моя знакомая еще по театру балерина сказала мне как-то, что я зря трачу время на совершенно бессмысленные занятия, и что мы только обманываем публику, потому что мы не имеем соответствующей подготовки. Я посмотрел на нее с удивлением и в известной степени с обидой и сказал: «Давай мы продолжим этот разговор, но только после того, как ты посетишь наш спектакль и посмотришь, что мы делаем». Она действительно пришла и смотрела, я уже не помню, какой из наших балетов. После его окончания она сказала мне: «Ты знаешь, я была неправа. Ты не должен бросать своих занятий, я прошу тебя, продолжай. У нас в театре немного таких актеров, как ты». Это была высшая оценка нашего и моего в частности творчества.

У меня появилась новая партнерша Алла Малышева, с которой мы протанцевали много лет. И вот с ней мы осмелились выйти на сцену для исполнения адажио из балета «Щелкунчик». С ней же мы выступали в Москве на очередном заключительном концерте художественной самодеятельности с адажио из балета «Лебединое озеро» на фоне целой вереницы белых лебедей. Вообще, не только мы, но и ряд других наших пар стали исполнять сольные номера, которые требовали гораздо большей

выразительности и техники исполнения дуэтного танца. Для этого было необходимо много репетиций, и в результате мы проводили во дворце почти все вечера недели. Помимо этого балета в нашем репертуаре появился целый ряд одноактных балетов, сюит и концертных номеров. К ним относились балет «У моря», сюита на музыку [Первой] Русской симфонии Калининкова, «Романс» Глиэра, «Панадерос» из балета «Пламя Парижа»<sup>20</sup>, «Охотник и птица» и еще много других номеров.

И вот на пике нашей творческой активности нас снова посылают в зарубежную поездку. На этот раз наш путь лежит на Кубу, на Остров свободы, как тогда ее называли. Незадолго до этого по ней прошелся ужасный ураган «Флора», и теперь в знак сочувствия и поддержки туда послали большую группу художественной самодеятельности из разных городов Советского Союза. Это был 1963 год — период ее максимально напряженных отношений с Америкой. Не знаю почему, но мы летели туда довольно сложным путем — сначала до Мурманска, а потом вниз до Кубы без посадок. И все путешествие заняло около 16 часов. Самолет приземлился в Гаване, и нас доставили в огромную высокую гостиницу под названием «Гавана Либра», возвышавшуюся на самом берегу моря. Жара была ужасная — выше тридцати градусов при очень высокой влажности, и это переносилось очень тяжело. Однако опытные люди, наши соотечественники, дали нам очень хороший совет: ни в коем случае не пользуйтесь кондиционерами у себя в номере, иначе будете страдать от жары все время. Мы послушались, и действительно, примерно через неделю, мы адаптировались к этой температуре, и по вечерам нам даже становилось прохладно. Мы проехали с концертами по всей стране, начиная с северной провинции — Пинар-дель-Рио до самой южной — Сантьяго-де-Куба. Нас всюду окружали веселые и дружелюбные люди, готовые в любой момент начать петь и танцевать. Но они были не выносливы и быстро утомлялись. К их огромному удивлению,

---

<sup>20</sup> В балете «Пламя Парижа» есть танец басков и карманьола.

мы, возвращаясь после концерта вечером в гостиницу, устраивали всякие развлечения и танцы, но уже для самих себя. Они не могли понять, откуда у нас берутся силы, в то время как они сами были способны только тихо сидеть в стороне или спать.

Самое ужасное и особенно для меня было то, что ряд концертов проходил на открытых сценах днем в разгар этой ужасной жары. Мы с Аллой Малышевой исполняли номер «Охотник и птица», и на мне был надет плотный колет, отороченный мехом, а на голове — меховая шапка. Я буквально задыхался от этой жары, и в глазах темнело. Когда после номера я уходил за кулисы, и с меня снимали колет, оттуда изливались струи жидкости. Нас встречали восторженно и долго аплодировали. Нас, конечно же, в очередной раз сопровождали «наблюдательные» люди, которые вначале не проявляли никакой активности, а затем, по-видимому, решили содействовать нашему успеху. Они стояли за кулисами, и когда после номера начинались аплодисменты, они начинали буквально выталкивать нас на сцену: «Ну, что вы здесь стоите, аплодируют же. Выходите быстро на сцену!». И им невозможно было объяснить, что при начале аплодисментов нужно выдержать паузу, и уж после этого выходить на поклон. На одном из концертов один из них зашел в гримерную, в которой мы готовились на выход, и стал нас укорять по поводу того, что мы не тогда и не так гладили свои костюмы. Тут уж я не выдержал и сказал ему: «Немедленно покиньте это помещение и больше здесь не появляйтесь. Вы мешаете нам готовиться к номеру!». Он вытаращил на меня глаза, открыл и закрыл рот и молча ретировался. Вскоре после этого случая нас повезли в Плайя-Хирон — побережье, на которое высаживались американские солдаты.

Когда мы туда приехали, наш руководитель попросил кубинцев выйти из автобуса и устроил собрание. Он распекал участников нашей бригады с указанием фамилий за недисциплинированность, опоздания и всякие другие детали неправильного поведения. Я сидел и ждал, когда очередь дойдет до меня, и я получу взбучку за мое дерзкое поведение. Но его

речь закончилась разделением на группы и назначением старших в каждой из них. «Вот, — сказал он, — за группу солистов будет ответственным Пинаев». Я даже рот открыл от удивления. Стало быть, тот не донес начальству. Возили нас также в казармы Монкадо, где началось восстание под руководством Фиделя Кастро, закончившееся революцией.

Мое знание немецкого языка было бесполезным, здесь никто его не знал, и мне пришлось начать говорить по-английски. Этот-то язык здесь практически знали все. Это выглядело весьма курьезно, потому что я начинал что-то говорить на английском, незаметно для самого себя переходил на немецкий, что вызывало бурю восторга у окружающих. Наконец я с этим справился. И вот, приезжаем мы в провинцию Матанса, и наш переводчик говорит мне: «Ты знаешь, мы решили сделать тебе подарок. Здесь, в университете, работают немецкие специалисты, которые монтируют какое-то оборудование. Я сведу тебя с ними, чтобы ты мог поговорить по-немецки». Мы приходим в университет, где в большом зале люди возятся с приборами. Меня представляют, я раскрываю рот и, о, ужас! Я не могу произнести ни одной фразы. Мой мозг окончательно перешел на английский. Тем не менее, я заставляю себя пролепетать какие-то немецкие слова и со стыдом удаляюсь.

Этот переход оказался настолько кардинальным, что после Кубы я уже никогда не мог говорить на немецком языке, как это было ранее.

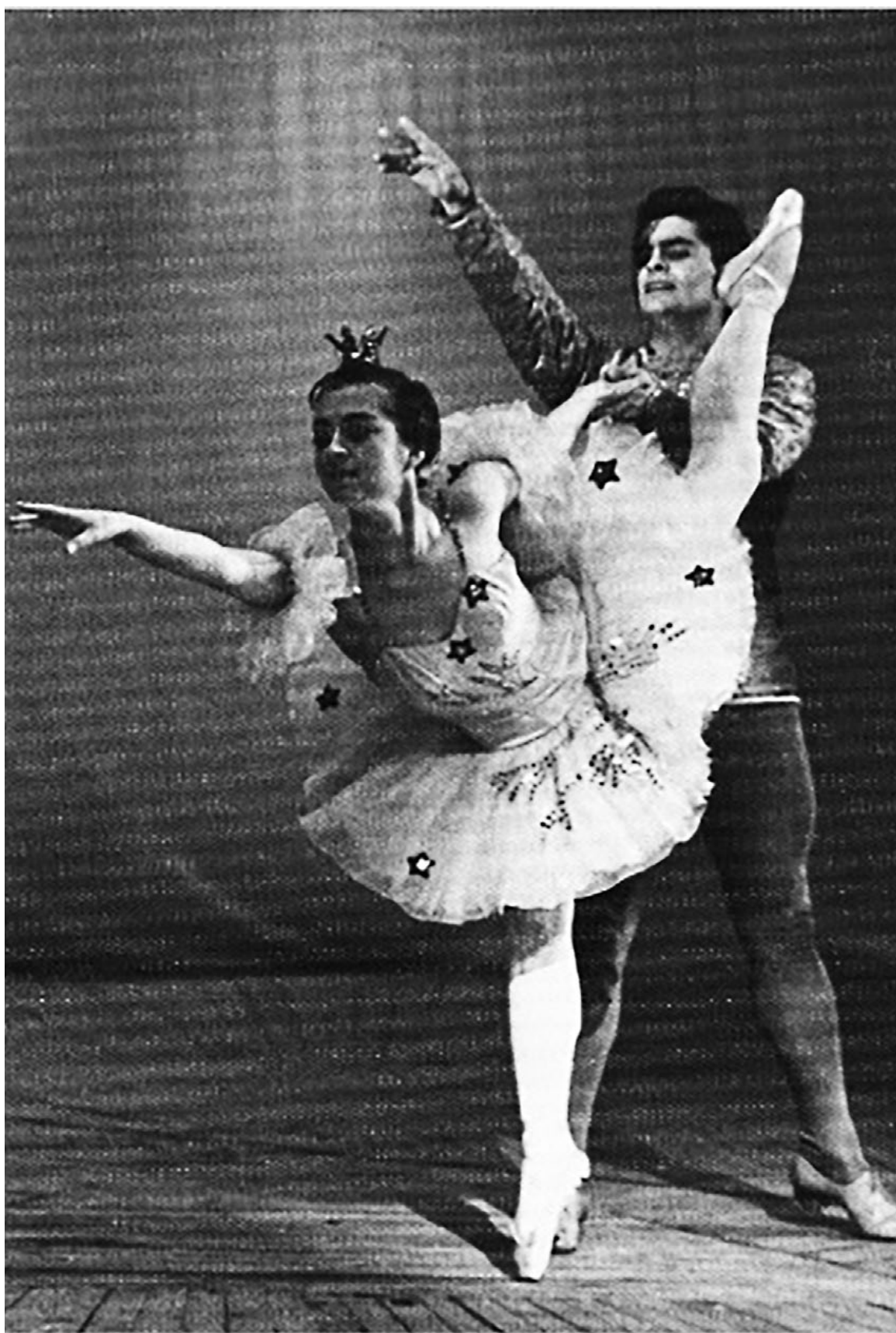
Мы завершили наши гастроли в Сантьяго-де-Куба. Здесь состоялся наш финальный концерт. После него был грандиозный банкет, и нас благодарили за то удовольствие, которое мы доставили населению всех провинций. Я вышел на воздух, чтобы покурить и в последний раз насладиться роскошной тропической растительностью. Я впервые воочию видел перед собой эти пальмы, обрамляющие все побережье. Вдруг ко мне подходит тот самый человек и, обращаясь ко мне, произносит слова, которые я никак не ожидал услышать от него: «Ты уж извини меня. Ты же знаешь, какая у нас работа. Не сердись на меня, пожалуйста». Я был



в страшном удивлении, но, тем не менее, сказал, что я его понимаю и зла на него не держу. После чего мы мирно расстались. И вдруг я понял, почему он пришел со мной мириться. Если я поднял голос, то это значит, что я имел на это право, значит, я тоже имею отношение к подобным делам, и, следовательно, у него могли быть неприятности по возвращении.

Прошло двадцать лет моей хореографической деятельности, и во Дворце решили отметить мой юбилей. Он состоял из большого концерта, в котором были представлены фрагменты из балетов, в которых я танцевал. Но самым большим подарком для меня было то, что известная балерина Мариинского театра Алла Осипенко согласилась станцевать со мной один из номеров, и этот номер был «Охотник и птица». Это было высшее наслаждение, потому что мы чувствовали друг друга, а после завершения концерта она мне сказала, что ей было удобно и приятно со мной танцевать.

Двадцать лет, двадцать лет. За это время я окончил школу, прошел обучение в Институте имени Лесгафта и в Ленинградском университете, поступил в аспирантуру и окончил ее. И даже успел защитить кандидатскую диссертацию. И все это время со мной был этот замечательный мир музыки и танца, а также познание себя и сути творческого процесса. А эти зарубежные поездки! Как они расширили наши горизонты и помогли понять, что существуют другие взгляды на мир, что и их надо уважать и принимать во внимание при решении общечеловеческих проблем.



## Глава 7

# В университете

---

**П**опрощавшись с Институтом физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, я отправился поступать на биолого-почвенный факультет Ленинградского университета. И тут возникло неожиданное препятствие. Оказалось, что в настоящее время запрещено получать второе образование. Как я понимаю, это было связано с тем, что после войны во всех видах деятельности катастрофически не хватало специалистов, и поэтому правительство стремилось как можно быстрее отправить на работу окончивших высшие учебные заведения.

Поэтому когда я пришел в приемную комиссию с аттестатом зрелости, меня спросили: «А что вы делали после окончания школы?». Будучи уже подготовленным, я не задумываясь ответил, что все это время работал. «Принесите справку с места работы, пожалуйста». Тогда я отправился в Художественный фонд и объяснил, что для поступления в Университет мне нужна справка. Мне ее дали, и в ней было написано, что в течение 1947–1950 годов я работал штатным натурщиком Фонда. И это была абсолютная правда, потому что эта работа была основным источником средств, необходимых для моего существования. Поскольку я как будто нигде не учился, мне нужно было снова сдавать вступительные экзамены. После трехлетнего обучения в институте мне казалось совсем несложным это сделать,



*Г. П. Пинаев — студент*

но, тем не менее, я не набрал высшего числа проходных баллов. И, вероятно, поэтому после сдачи экзаменов у меня состоялось собеседование с заместителем декана, который выяснял, почему я поступаю именно на этот факультет, и что меня интересует. Он меня убеждал, что наиболее интересным и перспективным является новое направление под названием «мичуринская биология», но я сказал, что я иду на биохимию и только на биохимию и хочу заниматься белками. Он был удивлен моей настойчивостью, но вместе с тем такая определенность желаний ему явно понравилась. В результате я все-таки был зачислен и встретился с биологическим сообществом.

Должен сказать, что раньше биология меня никогда не занимала, и я попал в совершенно чуждое для меня окружение. Вокруг были юноши и девушки, увлеченные животным или растительным миром. Кто-то проводил свободное время в зоопарке, другие принимали участие в молодежных ботанических экспедициях или занимались в биологических кружках Дворца пионеров и даже оканчивали специализированные школы. Многие из них знали друг друга еще до университета. Кроме того, все они только что закончили школы, а я был старше их на целых три года. Я присматривался к ним, прислушивался и пытался понять новый для меня мир. Вокруг произносились непонятные для меня слова: геоботаника, эволюция, морфогенез, орнитология и много других, с которыми я никогда не встречался. Я гораздо больше разбирался в музыке, театре и литературе, а в последние годы еще и в спорте и педагогике. К счастью для меня на первом курсе были лекции по неорганической химии и практические занятия по качественному и количественному анализу. Уж это-то я знал не понаслышке, а из лекций Александры Александровны Глаголевой и экспериментов, которые я проводил у Михаила Александровича Хеноха. Все окружающие меня однокурсники поражались, с какой легкостью я, как будто впервые, овладевал химическими навыками. А я должен был молчать и не говорить ни слова правды о моем прошлом. Но шила в мешке не утаишь. Конечно, нашлись общие знакомые, пошли подспудные

разговоры и обмен информацией. Кто-то случайно видел мои выступления на соревнованиях по лыжам и фехтованию. Короче говоря, к середине первого курса уже всему факультету стало известно, что я спортсмен и заочно заканчиваю институт Лесгафта. Не знаю уж по какой причине, но меня не преследовали за обман. Да, собственно говоря, прямого обмана и не было, и с формальной точки зрения мое поступление в Университет было безупречным. Эта информация, с одной стороны, несколько облегчила, а с другой, осложнила мою жизнь на факультете. Мне удалось благодаря этому перезачесть ряд предметов, куда входили марксизм-ленинизм, политэкономия, педагогика и, конечно, физическое воспитание. Но в то же время мной заинтересовалась кафедра физкультуры, и мне пришлось выступать за факультет практически по всем видам спорта, по которым проходили межфакультетские соревнования: по легкой атлетике, скоростному бегу на коньках, волейболу, гребле и, конечно же, по лыжам. Был даже такой курьезный случай, когда мне пришлось трижды бежать на коньках одну и ту же дистанцию за себя и за двоих других ребят, которые почему-то не явились на соревнование, и команду факультета могли снять из-за неявки. Сначала я бежал за себя. Потом меня с колоссальной скоростью переодевали, надевали новый номер, и я снова выходил на старт. Такое же переодевание повторилось и в третий раз. Самое неожиданное и смешное произошло при подведении итогов соревнования. Оба моих товарища получили по третьему разряду, а я нет. Получилось так, что с каждым следующим забегом я наращивал скорость и, в конечном счете, самый низкий результат получился у первого, то есть у меня. Кроме того, профсоюзная организация поручила мне создать постоянную команду по лыжному спорту факультета, и исполнять роль ее тренера. Последнее поручение понравилось мне самому, потому что у меня возникли тесные неформальные отношения с ребятами практически всех курсов. Но как решить эту задачу? Для того чтобы создать команду, надо было тренироваться, а для этого нужно иметь лыжи, которых в то время практически ни у кого не было. У меня возникает идея, и я иду с ней в профком. Я говорю, что

я с удовольствием выполняю их поручение, но не могут ли они нам помочь. Они задумались, но нашли выход из положения. Ряду студентов была оказана материальная помощь, которую мы объединили, и для всех, кто захотел принять участие в этом предприятии, были куплены лыжи, крепления и палки. Таким образом, мы были экипированы, и наша тренировочная деятельность началась. Мы по выходным отправлялись в Кавголово, где я производил те тренировки, которые проходил сам в институте Лесгафта. Надо сказать, что в те годы лыжный спорт во всех его проявлениях был очень популярен, и из Ленинграда по субботам и воскресеньям с Финляндского вокзала одна за другой отправлялись в Кавголово так называемые «Лыжные стрелы» — поезда, до предела набитые лыжниками. Результаты не заставили себя ждать, и уже на ближайших соревнованиях наша команда заняла вполне почетное место. Это воодушевило ребят, и мы в период зимних каникул решили устроить лыжный сбор, расположившись в одном из поселков на реке Вуокса. Для того чтобы осуществить эту затею, было необходимо найти место, где вся наша лыжная команда могла бы разместиться на время сбора. И вот мы с одним из студентов отправляемся на разведку. Мы доехали на поезде до станции Раута, которая была ближе всего к Вуоксе, а оттуда отправились к реке уже на лыжах. Ехать надо было около десяти километров, а поселок, куда мы направлялись, находился на другом берегу реки. Погода была мягкая, и когда мы вышли на берег, оказалось, что из-за оттепели лед на реке частично растаял, был покрыт слоем воды и во многих местах образовались полыньи. Кроме того, вдоль реки дул сильный порывистый ветер. Мы задумались. Что же делать? Конечно, существовал мост через Вуоксу, но для этого надо было идти вверх по течению километров двенадцать и, переправившись на противоположный берег, возвращаться опять обратно. К тому же уже была середина дня, и нам удалось бы попасть в поселок только поздно вечером. И мы решаемся на рискованный шаг. Мы все-таки пытаемся пересечь реку именно в этом месте. Осторожно спускаемся на лед и маленькими шажками, опираясь на палки, начинаем медленно

продвигаться вперед. Ноги сразу же залило ледяной водой. Но это не самое страшное. Как только мы немного отошли от берега, нас подхватил порыв ветра и понес прямо к ближайшей полынье. Мы воткнули палки в лед и с трудом смогли остановить опасное скольжение. При этом, однако, наши палки согнулись дугой, но выдержали наш вес. В таком положении мы замерли и не двигались до тех пор, пока не стих ветер. Тогда мы тоже очень медленно двинулись дальше, стараясь находиться подальше от полыньи. Последовал следующий порыв, и нас снова несет, но уже к следующей полынье, и мы опять вонзаем палки в лед и замираем до следующей возможности продолжить нашу переправу. Так продолжалось многократно, и даже где-то на середине реки нам удалось затормозить только на самом краю полыньи. У нас уже нет сил, и мы охвачены ужасом от мысли о возможной гибели. Но возвращаться назад нет никакого смысла, мы уже на середине. Выбываясь из сил, мы все же заставляем себя упорно двигаться вперед, с каждым разом все больше и больше рискуя скатиться под лед. К счастью, по мере приближения к противоположному берегу, сила ветра снижается, и после двух часов этой смертельной переправы мы, наконец, достигаем суши и обессиленные падаем плашмя на снег и долго лежим в полуобморочном состоянии. Потом мы все-таки находим в себе силы добраться до поселка и найти там место для размещения наших лыжников у одной хозяйки. Затем мы забрались на теплую лежанку и проспали до самого утра. На следующий день, договорившись обо всем с радушной старушкой, мы с замиранием сердца отправились в обратный путь. Когда мы вышли на берег реки, мы не поверили своим глазам. За ночь подморозило, ветер стих и нашим глазам предстала абсолютно сухая поверхность льда без каких либо промоин и зловещих дыр. В этот раз мы пересекли реку всего за каких-то пятнадцать минут. По-видимому, наше вчерашнее испытание оставило в душе моего друга такой сильный след, что когда подошли каникулы, он отказался ехать с нами на эти лыжные сборы. А сбор прошел очень хорошо и настолько интересно, что мы все решили обязательно это продолжить в следующем



году, но уже не сидеть на месте, а пуститься в какой-нибудь дальний лыжный поход.

Вернемся в большой коридор главного здания Университета. Он тянется через все Двенадцать коллегий, построенных в ряд по приказу Петра Первого, и представляет собой уникальное сооружение, подобного которому я нигде в мире не видел. Во-первых, он действительно большой — широкий и длинный. Во-вторых, он красивый и, кроме того, демонстрирует нам всех наших замечательных ученых, которые или заканчивали этот университет, или преподавали в нем. Причем мы встречаемся с ними не на экскурсии, не от случая к случаю, а каждый день в любом настроении и при любых обстоятельствах. Они как будто живут здесь, вместе с нами, и, взирая на нас с высоты, говорят нам: «Путь к славе тернист, ребята, и открытия потребуют всех ваших способностей». Их портреты расположены на одной стороне коридора в простенках между красивыми широкими арочными окнами. А на противоположной стороне вдоль всей длины коридора выстроились, возвышаясь до потолка, вереницы шкафов, в которых хранятся древние книги, которые опять же напоминают нам, что наука возникла не сегодня, а много-много лет тому назад. Вместе с тем, и ученые, и книги — это наша жизнь здесь и сегодня, и мы удостоены быть частью этого достойного сообщества. В-третьих, коридор — это место нашего постоянного общения. Здесь, независимо от нашей специализации, мы все встречаемся, обсуждаем наши общие и частные радости и проблемы. Здесь ты можешь найти всех, кто тебе нужен, потому что для того чтобы пройти в какую либо аудиторию или уйти домой, ты все равно неизбежно попадаешь в коридор. Поэтому когда ты сегодня вспоминаешь университет, перед твоими глазами, прежде всего, возникает вид этого бесконечно красивого и бесконечно длинного коридора. В те далекие времена в этом здании университета были размещены три естественных факультета — биологический, геологический и географический. Благодаря коридору мы были гораздо ближе друг к другу, и часто между нами возникали дискуссии. А тем для общих осуждений было предостаточно.

Это было драматическое время для отечественной биологии. Мы поступили на первый курс в 1950 году, а в 1948 году состоялась всемирно известная сессия ВАСХНИЛ, на которой произошел разгром ведущих направлений отечественной биологии и был провозглашен новый курс, возглавляемый Трофимом Денисовичем Лысенко. Согласно принятым воззрениям, генетика была названа лженаукой — служанкой империализма.

Никакой наследственности более не существовало. Хромосомы, гены и генетический аппарат клетки, сохранение наследственных признаков в поколениях — все это все выдумки менделистов-морганистов. Но зато можно получать новые виды животных и растений по своему желанию. Например, из ржи делать пшеницу или из сорняка овсяга — нормальный хороший овес. Насколько я понимаю, эти воззрения в известной степени сливались с другим утверждением, согласно которому каждая прачка может управлять государством. Все это преподносилось нам на первом и втором курсах.

Более того, мы узнали о потрясающих достижениях Лепешинской<sup>21</sup>, которая продемонстрировала в своих экспериментах, что живые организмы могут возникать из неживого. Просто из смеси органических молекул. Или об открытиях Бошьяна, утверждавшего, что в экспериментах ему удастся получать из одних микроорганизмов другие и даже иногда многоклеточные организмы. Всю абсурдность этих новых достижений отечественной науки мы смогли оценить гораздо позже, когда уже окончили университет. В то же время мы посещали занятия, на которых все это излагалось, и сдавали соответствующие зачеты и экзамены. По-видимому, и сами преподаватели этих новых направлений были не совсем к ним подготовлены. Например, лектор, который читал нам курс «Введение в мичуринскую биологию» действительно читал его и читал по учебнику, а мы развлекались

---

<sup>21</sup> Ольга Борисовна Лепешинская (1871–1963) — российская революционерка, советский биолог. Лауреат Сталинской премии первой степени (1950), академик Академии медицинских наук СССР (1950). Основной разработчик концепции «живого вещества» и происхождения из него клеток.

тем, что внимательно следили за ним по этому самому учебнику, и когда он делал ошибки, мы хором его поправляли, а он конфузился. Познакомились мы и с главным идеологом нового направления — Презентом<sup>22</sup>. Он иногда появлялся у нас и читал какие-нибудь общие лекции на эту тему. Аудиторией он владел великолепно. Его слушали с интересом и большим вниманием, но когда лекция заканчивалась, мы, уставившись друг на друга, пытались понять, о чем же шла речь.

К счастью, это направление осталось от меня в стороне. Биохимия, которой я посвятил дальнейший отрезок моей жизни, никак не была связана с этим новым научным направлением. Но я видел, как мучаются мои товарищи, и как это сказалось на судьбе многих замечательных ученых. Несмотря на мое горячее желание продолжить работу с белками, до биохимии было еще далеко, потому что специализация начиналась только с третьего курса. А пока я изучал общие предметы и познавал основы зоологии и ботаники. Вообще первый год для меня оказался чрезвычайно насыщенным. Параллельно с университетом я оканчивал Институт им. П. Ф. Лесгафта, продолжал работать натурщиком и занимался балетом во Дворце культуры им А. М. Горького. У меня практически не было ни минуты свободного времени. Ни для развлечений, ни даже для встреч с друзьями, ни на что больше времени не хватало. После университета я мчался в институт, оттуда на работу, а потом на репетиции, и домой я добирался только около двенадцати. А нужно было еще подготовиться к завтрашним занятиям. И значит, я снова сижу до трех часов ночи и, окончательно обессилив, добираюсь до кровати. На следующий день, для того чтобы попасть к девяти часам утра на занятия, я с трудом встаю в половине восьмого, выскакиваю из дома, рысью несусь по Фонтанке, а затем по улице Зодчего Росси, выскакиваю на Невский и на трамвае добираюсь до университета.

<sup>22</sup> Исаак (Исай, Исая) Израилевич Презент (1902–1969) — советский учёный и педагог, автор работ по марксистской методологии науки. Доктор биологических наук (1930), академик ВАСХНИЛ (1948).

Основные занятия по биологии были связаны с изучением строения разных видов животных, их происхождения и разделения на классы, роды и виды. Все это было для меня ново и, конечно, расширяло мои познания, но не увлекало. Несмотря на предельную занятость, я, тем не менее, все-таки находил время для продолжения экспериментов с Михаилом Александровичем. Его интересовало в то время влияние таких физических воздействий, как ультрафиолетовые лучи и ультразвуковые колебания на состояние белков и углеводов. Я не знаю, какие у него были идеи, но для меня было очень интересным обнаруживать появление новых молекул, которые мы выявляли в виде пятен на хроматографической бумаге. Эти опыты мне удавалось проводить довольно редко из-за отсутствия времени, но они позволяли мне поддерживать технику экспериментальной работы.

Благодаря занятиям с Верой мне легко давался английский язык, и необходимый объем прочитанных печатных страниц я сдавал без всякого напряжения. Хуже всего у меня шли занятия по ботанике. Не знаю почему, но меня брала тоска от необходимости заучивать бесконечные латинские названия. Я не понимал, зачем они нужны, и действительно в течение всей остальной жизни они мне не понадобились ни разу. Вместе с тем, как я понял значительно позже, широкое биологическое образование оказалось чрезвычайно полезным в дальнейшем при прокладывании новых исследовательских путей. Оно помогало легко входить в смежные области знания, устанавливать с ними связь и понимать основы стремительно развивающихся новых направлений, с которыми мы не встречались ранее в период нашего обучения.

После окончания первого курса у нас были две практики — в Старом Петергофе и в поселке Саблино, где мы познакомились с работой в поле, изучая поведение некоторых животных и насекомых и собирая разнообразные растения для гербария. Одновременно нам преподавали основы почвоведения, и мы знакомились с составом разнообразных почв. Практика помогла также ближе познакомиться друг с другом и установить крепкие дружеские связи, которые сохранились и по настоящее время.

Я бы сказал, что для меня это было, наверное, наиболее важным результатом наших выездов в поле. В полевых экспедиционных условиях лучше всего выявляется суть человека, становится ясным, на что он способен и можно ли на него положиться.

К лету я сдал все необходимые экзамены и, наконец, окончил Институт им. П. Ф. Лесгафта, но, к сожалению, получил не диплом, а только свидетельство об окончании института. Для получения настоящего диплома мне было необходимо при окончании подтвердить свои спортивные достижения. Не знаю, кому это было нужно, но у меня не было ни возможности, ни места, где бы я мог тренироваться, и поэтому я ограничился этим свидетельством. К счастью, мне никогда в дальнейшем не понадобилось выступать в качестве официального тренера. Я подозреваю, что это была своеобразная месть за результаты моей экспериментальной работы по изучению качества воды в плавательном бассейне. А окончил я институт как раз по специализации «плавание».

Ко второму курсу я окончательно освоился с окружением, с биологическим восприятием окружающего мира и в том числе со своим происхождением от обезьяны. На нем продолжалось мое общее биологическое образование. Я с интересом узнал, что все окружающие нас элементы природы, включающие растения, животные, насекомые и даже одноклеточные организмы, тесно связаны между собой и зависят друг от друга. И если мы нарушим этот баланс, то могут произойти трагические события, которые могут повлечь такие кардинальные изменения окружающего нас мира, что наше собственное существование окажется невозможным. Это в очередной раз привело меня к размышлениям о необходимости предвидеть последствия своей деятельности, которые неизбежно связаны с окружающим нас пространством. Как это ни смешно выглядит, но существует, по-видимому, некая обратная связь с теми кинестетическими ощущениями, с которыми я познакомился в спорте. Там было необходимо ощущать себя в пространстве, а тут нужно чувствовать те изменения, которые происходят в этом пространстве в результате твоей деятельности. Впоследствии я не раз убеждался в справедливости этих

размышлений. Оказывается, однако, что далеко не каждый в состоянии соразмерять свои действия с реакцией на них окружающего мира и предвидеть грядущие последствия.

Зимой во время каникул мы действительно осуществили большой лыжный поход на северо-восток от Ленинграда, в те места, где жили вепсы. Это был агитпоход, который заключался в том, что у нас был согласованный маршрут, и в поселках, куда мы приходили, нас уже ждали. Там в клубах или домах культуры мы читали научно-популярные лекции, например, «Сон и сновидения», а потом устраивали самодеятельные представления. Так мы исполняли коротенькую шуточную комедию Антона Павловича Чехова «Юбилей», а затем пели разные песни всей нашей командой. Наши выступления проходили с большим успехом и, прежде всего, потому что это были забытые правительством места, куда очень редко заезжали артисты. Нам казалось, что это совершенно забытые богом и людьми места, и какое же для меня было изумление, когда в одной из деревень, лежащих на нашем пути, мы, зайдя какой-то дом, увидели там сидящего за столом пожилого мужчину с окладистой седой бородой в белой русской рубашке. Он читал книгу, и это был роман Стендаля «Красное и черное».

Наша компания состояла из одиннадцати человек. В основном это были члены нашей лыжной команды и, кроме того, к нам присоединился наш друг из технического вуза Володя Свешников. Это было замечательно, потому что он с легкостью устранял все технические проблемы нашего лыжного хозяйства, за что мы его прозвали «медбытремонт». Он обычно замыкал наше шествие, а за ним на длинной веревочке ехала запасная лыжа. Как правило, мы оставались в каждом селении не более полутора-двух дней. На следующий день после наших выступлений мы продолжали поутру наш путь к следующему пункту нашего назначения. При этом мы шли не по дорогам, а по целине, пользуясь компасом и сверяясь с картой данного района. Не всегда наш выбор был удачным, и нам часто приходилось преодолевать непредвиденные трудности. Зима была снежная, и когда мы шли по целине, лыжи погружались в снег сантиметров на тридцать. Это означало,

что мы двигались со скоростью улитки, и преодолеть намеченную дистанцию в срок было невозможно. Тогда мы изменили тактику. Ведущий бежал с предельно возможной скоростью минут десять, затем ведущим становился следующий лыжник и тоже на короткое время, а первый вставал в конец группы на уже проложенную лыжню и отдыхал до следующей очереди борьбы с сыпучим снегом. Так нам удавалось поддерживать необходимую скорость движения. Как оказалось, самым трудным было двигаться в заданном направлении в мелколесье. Тоненькие деревца, расположенные близко друг к другу, заставляли все время поворачивать то направо, то налево, и через короткое время, сверяясь с компасом, мы обнаруживали, что мы двигаемся не в намеченном направлении, а ровным счетом наоборот, то есть туда, откуда мы пришли. Поэтому приходилось через каждые пять-десять минут выправлять направление нашего движения. Кроме того, в нашем распоряжении была административная, а не физическая карта, и на ней, естественно, не были указаны все возвышения и низины, неожиданно возникавшие перед нами по ходу следования. Так, например, перед нами вдруг возникла череда параллельно вытянутых невысоких хребтов, которые называют озами<sup>23</sup>. Забираться на каждый из них, а затем спускаться и снова подниматься на следующий хребет — очень трудная и изматывающая работа. В результате нам пришлось огибать их многократно, прежде чем мы смогли выйти на прямую дорогу. Только один или два раза нам удалось пообедать в столовой, в остальные же дни мы готовили по очереди пищу на костре или в печке отведенного нам помещения для отдыха. Тут-то и выяснилось, что далеко не все умеют правильно это делать, и в результате возникали проблемы с потреблением приготовленной еды. Например, в селе Каргиничи очередь дошла до Лели Никоновой, которая сварила суп из солонины. По-видимому, она не очень хорошо понимала,

<sup>23</sup> Озы (от швед. *ås* — «хребет, гряда») — линейно вытянутые, узкие грунтовые валы высотой до нескольких десятков метров, шириной от 100–200 м до 1–2 км и длиной (с небольшими перерывами) до нескольких десятков, редко сотен километров.

что такое солонина, и в процессе приготовления изрядно его посолила. В результате суп проглотить было невозможно, но есть-то было больше нечего, и мы, наполнив кружки водой, запивали ею каждую ложку супа. Так в нашем обиходе появилось новое понятие — «каргинический суп», означающее непрофессиональное решение проблемы. Несмотря на все трудности и приключения, этот поход оставил у нас самые хорошие воспоминания. Кроме того, он способствовал тренировке поведения каждого в сложных условиях и ощущению себя членом единой команды, способной совместно решать сложные задачи. Как я понимаю сегодня, это был, пожалуй, самый главный результат наших походов.

После окончания зимних каникул продолжились наши занятия, но после второго курса у нас предполагалась длинная летняя практика в заповеднике «Лес на Ворскле», который располагался где-то между Харьковом и Курском. В связи с этим летняя экзаменационная сессия была перенесена на более раннее время. Обычно она проходила в июне, а в этом году она должна была начаться в конце апреля. В связи с этим занятия были уплотнены, и всю программу нужно было освоить за более короткий срок. К тому же как раз во время этого семестра состоялась наша первая поездка за границу с концертами. По решению ВЦСПС мы ехали в Финляндию. Меня освободили от занятий, мы прошли подготовку в Москве, а затем проехали по разным городам Финляндии. Все это вместе заняло около полутора месяцев, и в результате мне пришлось догонять курс и в сжатые сроки пройти и так напряженную программу. В конечном счете, это сказалось и на моих результатах. Накануне перед экзаменом по микробиологии я честно прочел все, что нужно было знать, и просидел над книгами всю ночь напролет, сомкнув глаза только на полчаса. Когда я пришел на экзамен и взял билет, то в нем оказались вопросы, которые я только что изучал дома. Все было мне знакомо, но о чем шла речь, я никак не мог вспомнить. Я подошел к профессору Разумовской, которая принимала экзамен, объяснил ситуацию и попросил разрешения прийти еще раз. На что она ответила: «Пожалуйста, но только с разрешения деканата». Дело в том, что



при повторной сдаче экзамена в сессию сохранялась стипендия, а если пересдача происходила после сессии, студент стипендию терял. Я отправляюсь в деканат с просьбой разрешить повторно сдать экзамен в сессию, и на это получаю ответ, что этот вопрос должно решить комсомольское бюро нашего курса. Бюро обсуждает мой вопрос и выносит решение: не давать мне пересдачу в сессию. Причина заключается в том, что я несерьезный студент и занимаюсь какими-то танцульками, вместо того чтобы посещать занятия. В результате я сдаю экзамен на отлично, но не в сессию, и лишаюсь стипендии. Из этой истории я сделал для себя два весьма важных вывода. Во-первых — не сидеть ночами перед экзаменами, потому что после этого моя голова перестает соображать. Во-вторых, мои увлечения не должны интерферировать с основными занятиями или работой. Я не имею права, например, ссылаться на усталость от вчерашней репетиции, а должен через не хочу и через не могу все равно сделать все, что нужно для работы. И лучше не очень распространяться о своих дополнительных увлечениях. В дальнейшем я неукоснительно следовал этим выводам, и это помогало избегать возможных неприятностей.

Весь трагизм моего положения я осознаю только тогда, когда приходит время отправляться на летнюю практику. У меня практически нет денег за исключением тех, которые мне удалось заработать перед отъездом. И вот спустя почти десять лет с окончания войны я снова оказываюсь в сходном положении. Я хожу в столовую только один раз в день, собираю то съедобное, что растет под ногами. Иногда мои друзья догадывавшиеся, что у меня не все в порядке с моим питанием, угощают меня результатами своего кулинарного творчества, которое они демонстрировали, как я догадывался, специально чтобы меня подкормить.

Практика была очень интересная. Мы находились на территории единственного нетронутого островка леса со всем живущим в нем животным миром. Заповедник находился на берегу реки Ворскла, а вокруг до горизонта простиралась бескрайняя степь. Меня очень заинтересовало необычное название реки. И когда я стал выяснять, откуда оно произошло,

то мне рассказали интересную давнюю историю. Оказывается в период нашей войны с Карлом XII на пути к Полтаве, где состоялось известное сражение, Петр Первый переезжал через эту реку. И в это время в воду упало стекло или линза из подзорной трубы, через которую наблюдали за перемещением войск. Как ни старались, стекло найти не удалось, и Петр назвал реку Ворскла, или Вор стекла. Так это название за ней и закрепилось.

В ходе наших занятий мы должны были познакомиться с описанием деятельности разнообразных птиц, населявших этот лес. Для этого нас поднимали в середине ночи и выводили в лес. Здесь мы, борясь со сном, должны были внимательно прислушиваться и замечать по часам, когда начинают петь те или иные птицы. Это означало начало их деятельности. Здесь мы познакомились с разными видами насекомых, которых я никогда не видел до сих пор. К ним относились, например, большой и очень красивый жук-олень с рогами, действительно похожими на олени, или жук-носорог. Наблюдали за поведением и охотой змей. Опять собирали растения для гербария и познакомились с основами геоботаники. Много времени посвятили изучению самых разнообразных грибов — особенностям их размножения и сосуществования с другими видами растений.

Наряду с разнообразным изучением биологического мира мы ежедневно рано утром, до начала занятий проводили тренировки нашей лыжной команды. Мы бежали через лес к Ворскле, делали физические упражнения, а затем все прыгали в воду, а я показывал, как правильно плавать кролем, брассом и баттерфляем. Затем мы также бегом возвращались на базу и шли завтракать. К концу практики мы даже устроили некоторое подобие легкоатлетических соревнований. Все это наблюдал наш заместитель декана, который сопровождал нас на практике. Увидев, как мы серьезно и настойчиво трудимся каждый день, он, вероятно, изменил свое представление обо мне. К тому же он, по-видимому, узнал о моем затруднительном положении. По его поведению было видно, что он испытывал угрызения совести за свое решение лишить меня стипендии.



*Г. П. Пинаев — в университете*

Наша практика приближалась к концу, шел июль месяц, и передо мной вставал вопрос, как дожить до конца лета. Неожиданно эта проблема разрешилась весьма оригинальным образом. Однажды заместитель декана подозвал меня к себе и спросил, не хочу ли я остаться еще на один месяц в заповеднике и поработать в качестве лесника вместо постоянного, который ушел в отпуск. За это мне будут выплачивать соответствующую зарплату. Не очень хорошо представляя себе, что мне придется делать, я с радостью согласился. Всего в заповеднике было четыре лесника, которые располагались на разных концах леса и отвечали порядок на своих участках. Мне выпал участок, расположенный напротив селения за рекой и который оказался самым сложным. Дело в том, что лес заповедника был единственным местом, где жители могли раздобыть дрова для своих домов. Поэтому по ночам они пробирались в заповедник, спиливали деревья и утаскивали к себе домой. В мою обязанность входило оберегать этот участок леса от браконьеров. Мне была выдана берданка, запас патронов, и началась моя изматывающая работа. Днем я обходил весь мой участок и проверял на всех ли пнях, оставшихся после санитарной рубки, есть специальное клеймо. Если же его не было, то это означало, что дерево спилили браконьеры. По сути дела я почти не спал ночами, потому что иногда мне казалось, что в лесу слышится звук пилы, и я в середине ночи отправлялся проверять свои владения. Я только потом понял, какой опасности я себя подвергал, пробегая ночью по лесу. Меня могли просто убить, и такие случаи бывали. К счастью все обошлось благополучно. Среди местного населения быстро разнесся слух, что появился, какой то ретивый смотритель леса, и поэтому туда пока лучше не ходить, а то еще может и застрелить. Я бегал по лесу в старом коричневом выцветшем спортивном костюме с берданкой в руках и заслужил поэтому у окружающего населения прозвище «рыжий дьявол». Когда лесник вышел из отпуска, я отправился в Ленинград, и так как до начала занятий оставалось еще больше недели, поехал к своей сестре, которая отдыхала в деревне на Карельском перешейке. Я настолько устал от своей

работы в заповеднике, что добравшихся до нее, я забрался на сеновал и трое суток спал без перерыва. Сестра поднималась ко мне наверх, приносила что-нибудь поесть, после чего я снова погружался в непробудный сон.

Наступил третий год моего обучения, и я, наконец, попал на кафедру биохимии, о которой так долго мечтал. Все эти пробирки, центрифуги, весы, перегонки были мне так близки и знакомы, что я чувствовал себя как дома. Нас было всего шесть человек: Толя Панов, Гриша Мейеров, Оля Павлова, Леля Никонова, Рита Лабушева и я. В то время происходило развитие отечественной биохимии, и еще не было потока желающих стать специалистами в этой новой области. Она еще не срослась тесно с проблемами общей биологии. Нам очень повезло, что заведующим кафедрой был Георгий Ефимович Владимиров. Он читал великолепные лекции, на которых, в частности, наглядно показывал, как шло развитие наших представлений о происходящих в организме биохимических процессах, являющихся основой нашего существования. На доске выстраивались ряды биохимических формул, демонстрирующих последовательные этапы того или иного биохимического процесса. При этом он объяснял, на основе каких соображений исследователей появлялись именно эти компоненты и именно в данной последовательности. Убедившись, что мы поняли, как образовался этот биохимический цикл, Георгий Ефимович брал тряпку, стирал с доски все написанное и объявлял, что это были ошибочные представления. Затем он писал следующий поток формул и объяснял, почему произошли эти изменения. Самым неожиданным для нас в его подходе было то, что после окончательного выравнивания стадий и участников обсуждаемого процесса он обращался к нам и говорил: «На сегодняшний день это так, но в ходе дальнейших исследований могут возникнуть новые изменения». Таким образом, он учил нас понимать, как идет процесс познания, относиться с уважением к сложившимся представлениям, но в то же время не превращать их в догму. Это был путь к творческому познанию окружающего мира и к постоянной оценке новых фактов и существующих

убеждений. Для меня эти лекции явились фундаментом для дальнейших самостоятельных исследований.

Помимо курса общей биохимии, мы последовательно знакомились с отдельными ее разделами: химией белка, энзимологией и обменом веществ в организме. Эти курсы нам читали Александра Ильинична Колотилова, Сусанна Николаевна Лызлова, Надежда Семеновна Пантелеева и Мария Илларионовна Прохорова. Кроме того, у нас начались лабораторные занятия, на которых нас учили технике экспериментальных исследований. Многие приемы я уже знал из моей работы с Михаилом Александровичем, но здесь это было более систематизировано. Чем дальше мы продвигались по биохимической ниве, тем больше и больше я понимал, что не ошибся в своем выборе профессии, и ближе всего для меня по-прежнему оставались белки и их способности осуществлять в клетках самые невероятные взаимодействия и принимать участие практически во всех жизненных функциях организма.

Нашим непосредственным учителем лабораторной работы была Рахиль Григорьевна Броун — человек безграничного терпения и благожелательного отношения к нашим многочисленным ошибкам и просчетам. Она относилась к нам, как к своим детям. Наши взаимоотношения были открытыми и доверительными. Вообще наша небольшая компания быстро превратилась из сокурсников в настоящих друзей, каковыми мы так и остались на долгие годы. Думаю, что во многом этому способствовала Рахиль Григорьевна. Должен сказать, что на кафедре царила атмосфера общей доброжелательности и уважения друг к другу. Более того, несмотря на то, что мы еще были студентами, преподаватели относились к нам как к будущим коллегам, и благодаря этому мы чувствовали себя не только учениками, но и членами некоторого творческого сообщества.

Помимо основных биохимических курсов мы слушали лекции по физиологии человека и животных, которые нам читал профессор Голиков, и по высшей нервной деятельности человека, в которую нас вводил профессор Айрапетьянц. Наибольшее

впечатление на меня произвело в то время описание исследований, которые проводил знаменитый ученый Иван Петрович Павлов, и тех выводов, которые он делал на основании достаточно просто построенных экспериментов. На лабораторных занятиях по физиологии нам демонстрировали, как вводят электроды в мозг подопытных животных для изучения влияния разных его участков на их поведение и функции организма. Эти эксперименты вызвали у меня категорическое неприятие такого способа познания биологических функций и, несмотря на очевидную необходимость применения подобных методов, они навсегда отвратили меня от физиологии.

В период следующих зимних каникул мы решили продолжить и усложнить наши лыжные походы. На этот раз мы отважились на поход высшей степени трудности по ненаселенной местности. Это означало, что мы должны были спать в палатке в спальнях мешках и готовить пищу на костре в течение всего срока нашего путешествия. На такое испытание согласились не все наши прошлые участники, и в результате нас осталось только шесть человек. Путь наш пролегал по Кольскому полуострову и начинался с озера Имандра. Потом мы должны были двигаться через лес по руслу реки, название которой я уже забыл, затем нужно было выйти к так называемым Волчьим тундрам<sup>24</sup>, преодолеть Хибинские горы и через Кукисвумчоррский перевал спуститься к городу Кировску, где и должно было закончиться наше путешествие. Первая половина пути не предвещала каких-либо трудностей, однако когда мы двинулись по льду озера, возникли осложнения. Был сильный мороз, около двадцати пяти градусов, и навстречу нам дул сильный жгучий ветер. В результате через полчаса я почувствовал, что мои ноги сперва оковенели, затем я вообще перестал их чувствовать и, наконец, началась сильная боль, с которой я уже был знаком. Так

<sup>24</sup> Волчьи Тундры — горный хребет в Мурманской области. Расположен к западу от озера Имандра и является продолжением хребтов Мончетундра и Чунатундра на север.

я отморозил себе ноги в Башкирии, когда рубил лес. Спрятаться было некуда. Перед нами расстиралось бесконечное озеро. Обычно в таких случаях начинают размахивать ногой вместе с лыжей взад и вперед, тогда кровь приливает к стопе и она согревается, но в данных условиях этот прием не сработал. Тогда я решился на рискованный шаг. Я понимал, что единственным способом как-то согреть ноги может быть только разогрев всего тела. И вот я пускаюсь бежать вперед с максимальной скоростью, на которую был способен. Скоро я начинаю задыхаться, но заставляю себя бежать дальше. Через некоторое время весь мой организм начинает сопротивляться, и я понимаю — наступила мертвая точка. Но я-то знаю из спорта, что ее можно преодолеть, и поэтому продолжаю бежать или вернее волочить себя дальше. И действительно, через несколько минут двигаться становится легче, я весь покрываюсь потом, и, о радость — мои ноги начинают согреваться. Когда мы добежали до леса, я полностью согрелся, но и полностью обессилел. Тем не менее, останавливаться нельзя было ни в коем случае, и мы упорно, хотя и медленно, продолжали наше движение вперед.

В лесу начался длинный пологий спуск к руслу реки, и это облегчило наше движение. При этом оказалось, что структура обильного снега за полярным кругом совсем иная, чем у нас дома. Он был очень рассыпчатый, и наши палки проваливались глубоко в снег. При этом мы не могли на них опираться. Пришлось нам сделать привал и переплести кольца палок целой сетью веревочек. В таком виде мы уже смогли пользоваться ими как опорой. Вечером мы стали располагаться на ночлег. Раскинули палатку, вынули наши спальные мешки, и тут оказалось, что даже во всей одежде спать в мешке холодно. В результате мы стали спать в одном мешке по двое, согревая друг друга. Так мы двигались по реке два дня, пока не достигли подножия Хибинских гор. Дорога была удивительно красивая. Вокруг возвышались круто поднимающиеся ввысь склоны гор, покрытые соснами и елями, и ни единой души. Тишина нарушалась только скрипом снега под нашими лыжами да пением птиц.



На третий день мы подошли к перевалу и попытались через него перебраться. Но не тут-то было. Погода внезапно испортилась, пошел сильный снег, и началась вьюга. Впереди ничего не было видно. Подъем был крутой, с расщелинами и оползнями. Несмотря на все наши усилия понять, где пролегает дорога через перевал, мы найти ее не могли, и чтобы не рисковать своей жизнью, мы спустились обратно к середине подъема и раскинули палатку, рассчитывая на следующий день осуществить переход через перевал. И тут случилось самое ужасное. Не для всех, а только для меня. Мы развели костер, приготовили обед, сели вокруг костра и завели как обычно разные разговоры. Вдруг кто-то закричал: «Чей ботинок в костре?». Дело в том, что обычно после дневного перехода мы снимали лыжные ботинки и сушили их у костра, а сами надевали валенки. Вместо того чтобы моментально вытащить ботинок из огня, мы по своей глупости начали выяснять, чей же этот ботинок. Оказалось, что мой. Я выхватил его из костра, но его нос уже частично был поврежден и немного загнулся.

На следующий день, когда я с трудом натянул его на ногу, оказалось, что он съезжился и сильно стягивает ногу. Тем не менее, мы решили снова штурмовать перевал. К сожалению, погода еще ухудшилась. Дул сильный встречный ветер, и все наши попытки найти правильный путь опять оказались безуспешными. К тому же у меня сильно разболелась нога, потому что обугленный нос ботинка прямо впился в мои пальцы. Тогда мы решили, что нам не судьба пройти через перевал и нужно будет идти к городу другим, более простым путем, что мы и сделали. Но перед дорогой мне пришлось снять ботинок, одеть вместо него валенок, и общими усилиями прикрепить его к лыже. Так как нам нужно было теперь часть пути идти по уже пройденной дороге, я сказал ребятам, чтобы они шли по нашей же лыжне, а я из-за болевшей ноги пойду по короткому пути и настигну их очень быстро. Я не стал спускаться к реке, а прошел по верху над ней и когда нашел подходящий спуск, поехал по нему вниз. В момент выезда на лед я по-видимому попал в полынью и провалился с лыжами

под лед. Меня объял ужас. Никого вокруг нет, на спине рюкзак весом около тридцати килограмм, а ноги с лыжами подо льдом. Слава богу, что грудью и руками я лежу на крепком крае полыньи. Но как выбраться? И вот я начинаю очень осторожно поворачиваться на бок, а затем снимаю лямку рюкзака, и он уже лежит на льду. Теперь нужно вынуть из воды ноги. С лыжами сделать это не удастся, и я с невероятными усилиями сжимаюсь почти в комок, протягиваю руку в воду и после некоторых неудачных попыток все-таки отцепляю одну лыжу и вытаскиваю ее на лед. Вторую снять было уже легче и, в конце концов, я, как черепаха, выползаю на лед и, преодолевая себя, ползу подальше от полыньи, волоча за собой рюкзак. Затем также очень осторожно возвращаюсь за лыжами, а потом со всем скарбом добираюсь до нашей лыжни. Здесь я, дрожа от холода, как осиновый лист, мокрый по пояс, надеваю лыжи, взваливаю на спину рюкзак и несусь изо всех сил за моими друзьями.

Когда они увидели меня в таком виде, они потеряли дар речи и пришли в панику. Действительно, все могло кончиться очень плохо: или я замерзну, или, в лучшем случае, серьезно заболею. Что делать? На счастье один из нас вспомнил, что по дороге к перевалу мы миновали какую-то маленькую избушку. Мы устремились к ней, и оказалось, что это черная баня или вернее баня, которая топится по-черному. Очевидно, ее соорудили охотники или лесники. Ребята мигом приготовили дров, растопили печь, и вскоре там стало жарко. Мы выпустили весь дым, я переоделся и повесил сушить мокрую одежду. Затем мы поели и забрались на полки, которые были предназначены для парилки и заснули. На следующее утро, когда мы выбрались на воздух, мы взглянули друг на друга и начали безудержно хохотать. Это были шестеро негров или трубочистов. Мы были все измазаны сажей, которую с великим трудом удалось отмыть. Дальнейший наш путь прошел без приключений, и мы быстро оказались в городе, где был финал нашего похода. Как назло, установилась хорошая погода. Было солнце и ясное небо, и нашим глазам представился очень красивый перевал, который нам было не дано преодолеть.

Наступил четвертый год моего обучения в университете. Помимо лекций у нас шли лабораторные занятия, но уже не по общей биохимии, а по разным ее направлениям: по химии белка, энзимологии и обмену веществ. Наконец наступило время начинать самостоятельную исследовательскую работу. Нужно было определиться с темой дипломной работы и учиться ставить направленные эксперименты. Большинство выполняли это на кафедре, но я попросил разрешения продолжить те исследования, которые я вел под руководством Михаила Александровича. Мне разрешили, но куратором от кафедры назначили Рахиль Григорьевну, чему я очень был рад. Теперь дни, отведенные для экспериментальной работы, я опять проводил у него в лаборатории.

Михаила Александровича очень занимало действие на белки и углеводы разных физических воздействий. Он был одним из первых в нашей стране, кто начал проводить опыты по действию на них ионизирующей радиации. Впервые в Ленинграде у него появился счетчик радиоактивного излучения, так называемый счетчик Гейгера. С его помощью мы с ужасом обнаружили, что прямо перед нами на полках стоят химические реактивы, от которых счетчик прямо захлебывался. Он был так устроен, что попадающее в него излучение сопровождалось стуком. В результате нами было проведено детальное обследование всех реактивов, и опасные были спрятаны так, чтобы не нанести вреда нашему здоровью. В лаборатории появилась специально построенная для нас ультразвуковая установка, которая и стала на ближайшие два года моим основным инструментом для исследований. Она состояла из большого металлического шкафа, наполненного разными электрическими деталями — ультразвукового генератора и соединенной с ним небольшой металлической круглой бани. В этой бане на дне была укреплена пьезокварцевая пластинка, которая при включении генератора начинала колебаться с огромной скоростью в 20 килogerц, что означает 20 тысяч колебаний в минуту. Так как пластинка была погружена в машинное масло, то при ее вибрации образовывался масляный фонтанчик. В этот фонтанчик помещалась стеклянная колба,

в которую наливали раствор белка, который тоже превращался в фонтанчик, и под влиянием ультразвуковых колебаний происходили изменения его структуры. Исследование этих изменений и входило в мою задачу. Для того чтобы масло и белковый раствор не нагревались, к бане и к колбочке были подсоединены резиновые трубки, по которым к ним поступала холодная вода. Из-за нестабильности давления в водопроводе она иногда почти прекращала течь, и тогда надо было быстро увеличить поток, чтобы мой раствор не перегревался.

Из-за этой-то воды я однажды чуть не отправился на тот свет. Во время одного из экспериментов я укрепил колбочку в бане, подал проточную воду и специальной кольцевой ручкой на генераторе отрегулировал мощность ультразвука. После этого я отправился к своему рабочему столу подготовить растворы для анализа результатов своего эксперимента. В это время уборщица проводила в лаборатории обычную ежедневную уборку. Через несколько минут я пошел посмотреть, как идет озвучивание, и увидел, что по какой-то причине упали и мощность ультразвука, и скорость протекающей воды. Нужно было немедленно исправлять создавшееся положение. Недолго думая или вернее совсем не думая, я схватился одной рукой за кран, через который поступала вода, а другой за регулятор генератора. В этот же момент меня парализовало, и через мои руки пошел ток. Меня всего трясло, но отпустить кран и регулятор я не мог. Руки не подчинялись моей воле. У меня было ощущение, что мои губы стали невероятно большими и вытянулись вперед так, что я мог их видеть. Я понимал, что через несколько минут такого истязания я расстанусь с жизнью. В этот момент в эту маленькую комнатку заглянула лаборантка и увидев, что происходит, пронзительно закричала и, вместо того чтобы выключить ток, исчезла. К счастью, у меня в голове была только одна мысль: «Надо отцепиться во чтобы то ни стало!!!». Я стал падать спиной назад, руки мои почему-то удлинялись, но все-таки вес моего тела оторвал меня от генератора, и я рухнул на пол. При падении мои пальцы повернули кран и регулятор,

в результате чего генератор завизжал от максимальной мощности, а от напора воды сорвало резиновую трубку с бани, и в потолок ударил фонтан воды. Несмотря на мое состояние, я заставил себя вскочить, закрыл кран и выключил генератор, но уже по очереди, а не одновременно. Затем я с трудом дотащился до своего стула и рухнул на него. Я долго сидел в полубморочном состоянии. Мои руки и плечи болели так, как будто меня избили палками. Когда я взглянул на себя в зеркало, я пришел в ужас. На меня смотрело абсолютно белое лицо с повисшими щеками и с огромными синяками, опоясывающими глаза. Такое состояние продолжалось несколько дней, прежде чем я пришел в себя. Этот урок научил меня на всю жизнь относиться с максимальной осторожностью ко всем электрическим приборам. Причиной же происшедшего оказалась уборщица, которая убирая пол, нечаянно шваброй сорвала кабель заземления, и генератор стал бить на корпус.

На этом мои злоключения не закончились, и через некоторое время я получил следующий урок правильного поведения в химической лаборатории. В коридоре нашей лаборатории стоял стенной шкаф, в котором хранились бутылки с жидкими и опасными реактивами. В том числе там стояла десятилитровая бутылка с концентрированной серной кислотой. Мне нужно было приготовить хромовую смесь, которой мы мыли химическую посуду. Я вынул эту бутылку, отлил необходимое количество кислоты и поставил ее обратно в шкаф. Но сделал я это неаккуратно и, закрывая с усилием дверь, которая не хотела по этой причине закрываться, я разбил эту бутылку, и вся серная кислота вылилась наружу и покрыла весь пол вокруг. Это была катастрофа. Я быстро представил себе все последствия моей неудачи. Дело в том, что наша лаборатория, в которой в далекие времена жил сам Петр Францевич Лесгафт, находилась в жилом доме, и прямо под нами располагалась квартира профессора Веселкина. У нас с ним и так были напряженные отношения из-за того, что время от времени мы их заливали, когда с перегонок случайно соскакивали резиновые шланги с охлаждающей водой. А тут не вода,

а концентрированная серная кислота. У меня даже дрожь пошла по телу, когда я представил себе, что спустя несколько минут она начнет капать им на голову. Нужно было что-то делать немедленно. Недолго думая, я схватил половую тряпку, которая на счастье лежала под раковиной, включил воду и голыми руками начал этой тряпкой собирать кислоту, выжимать ее под струей воды, снова собирать ее с пола и продолжал это до тех пор, пока вся кислота не была собрана. В результате у меня стали гореть пальцы и начало жечь ноги. Когда я опустил глаза, то увидел, что от моих носок остались только одни воспоминания. Я быстро сорвал сандалии, снял остатки носков и вымыл ноги и сандалии проточной водой. По окончании всей этой процедуры все мои пальцы покрылись пузырями: кислота сожгла мне кожу. После этого я не мог работать в лаборатории целых три недели, пока не зажили образовавшиеся язвы. Потом уже я понял, что еще счастливо отделался. Так я постигал особенности моей будущей профессии и на практике осваивал технику безопасности. При этом я вспоминал слова Михаила Александровича, который, глядя на мои забинтованные руки, задумчиво повторял: «Да! Умные учатся на чужих ошибках, ну, а глупые — на своих».

Тем не менее, мои эксперименты продолжались, и в результате у меня получилась очень интересная работа, продемонстрировавшая, что под действием ультразвуковых колебаний и ультрафиолетовых лучей из обычных белков и углеводов можно получить совершенно новые химические соединения, о чем до сих пор никто не догадывался. Эти мои изыскания были представлены в качестве дипломной работы. Когда я представил ее на кафедру в письменном виде, к моему великому удивлению оказалось, что мне надо в нее внести поправки, но не по сути экспериментов или их описания, а совершенно по другому поводу. Оказывается, я должен ссылаться на работы великого ученого Сталина. В те времена так было принято. С помощью Рахиль Григорьевны его имя в каком-то разделе было упомянуто, и я смог преодолеть барьер благонадежности. Защита прошла успешно, и я был рекомендован в аспирантуру.

Государственные экзамены прошли также успешно, за исключением политэкономии, по которой я имел устойчивую тройку, поскольку не мог уразуметь ряд преподносимых нам утверждений. Когда нам рассказывали об экономических построениях Адама Смита, все было понятно и логично. А когда мы переходили к политической экономии социализма, я никак не мог понять, откуда берется, например, закон неуклонного роста благосостояния населения и на чем он основан. Подобного рода общие рассуждения относились не только к политэкономии, но и к уже описанной ранее мичуринской биологии. К счастью, это были исключения из того огромного мира разных областей биологии, которой увлеченно и с большим энтузиазмом изучал и раскрывал для себя и для нас основной преподавательский состав.

В то время наиболее важным и ценным было найти новый подход к решению проблемы, уметь построить обоснованную и перспективную теорию, провести эксперименты, подтверждающие исходные догадки. Это была атмосфера непрерывного творчества, и университетский мир того времени платил глубоким уважением любому, независимо от его служебного положения, именно за эту творческую индивидуальность. И никогда тогда не интересовало, сколько это может стоить и сколько можно на этом заработать. Для меня поход в науку, в известной степени, был сравним с уходом в монастырь, в котором можно ограничить свою связь с внешним миром и сосредоточиться на решении проблем мироздания. Возможно, именно поэтому монаху Менделю удалось в тишине монастыря провести свои фундаментальные исследования и заложить основы передачи наследственных признаков в поколениях.

Должен сказать, что я глубоко благодарен университету тех лет, который дал мне столь широкое образование, вывел меня на высокий интеллектуальный уровень и научил независимому мышлению, которое оказалось в высшей степени востребованным в моей дальнейшей исследовательской деятельности. Итак, университет был закончен, и передо мной открылись двери в научный мир.

## Глава 8

# В аспирантуре

---

**П**о окончании университета я подал мое заявление и рекомендацию деканата для поступления в аспирантуру Естественного-научного института им. П. Ф. Лесгафта, где я до этого выполнял свою дипломную работу. Михаил Александрович предварительно договорился со всемирно известным ученым академиком Леоном Абгаровичем Орбели, который руководил лабораторией в этом же институте, что тот возьмет меня к себе в аспирантуру по специальности «биохимия». Предполагалось при этом, что я буду продолжать исследования непосредственно под руководством Михаила Александровича. Я подготовил и сдал в институт все необходимые документы и отправился на лето в очередной пионерский лагерь в качестве физрука.

Когда я пришел осенью сдавать вступительные экзамены, оказалось, что места биохимика Леону Абгаровичу не дали, а дали только место физиолога. Будучи необразованным во всех хитросплетениях бюрократии, я, как и все остальные молодые люди, понимал все буквально и не знал, что будучи физиологом я, тем не менее, могу выполнять биохимические исследования. Я только знал совершенно точно, что физиологом быть не хочу. Перед моими глазами сразу же возникали бедные животные с электродами в голове. Поэтому, несмотря на все уговоры Михаила Александровича, я извинился, забрал свои документы и покинул институт.





*Г. П. Пинаев — аспирант*

Итак, я на улице. Места работы у меня нет, и я не знаю, как же теперь сложится моя дальнейшая судьба. Мое печальное настроение моментально заметили во Дворце культуры, и слухи о моем неудачном поступлении в аспирантуру быстро распространились в нашем балетном коллективе. Несколько дней спустя ко мне внезапно подошел Виктор Михайлович Тулубьев, который вел у нас классический танец, и сказал: «Я слышал о твоей неудаче с аспирантурой, а не хочешь ли ты попробовать себя в балете нашего театра? У нас как раз сейчас в балетную труппу набирают стажеров, и если ты проявишь себя с лучшей стороны, то тебя через год могут взять на постоянную работу в основной состав». Так как у меня не было никакого выбора, я с радостью согласился, и в назначенный срок предстал перед комиссией Михайловского театра<sup>25</sup>. Многие здесь меня уже знали, так как

<sup>25</sup> Сейчас — Санкт-Петербургский ордена Лёнина государственный академический театр оперы и балета им. М. П. Мусоргского—Михайловский театр.

главный балетмейстер театра Борис Александрович Фенстер ставил у нас балет «Каменный цветок», где я исполнял главную роль Данилы-мастера. Кроме того, Виктор Михайлович так же дал мне хорошую характеристику, и в результате я был принят в группу стажеров. Среди них в частности оказались знакомые ребята, окончившие хореографическое училище, с которыми в свое время я занимался легкой атлетикой в пионерском лагере. В числе солистов балета был Юра Малахов, а с ним мы подружились еще во время моей работы в Мариинском театре. Таким образом, вокруг меня образовалась дружеская и почти домашняя обстановка.

Так как я к этому времени уже имел солидный девятилетний опыт исполнительской деятельности, мне было довольно легко следовать всем предлагаемым задачам. Теперь каждый день кроме понедельника, когда в театре был выходной день, я отправлялся туда к десяти часам утра, и у нас начинался урок классического танца. Не могу сказать, что он сильно отличался от таких же уроков, которые нам давали во Дворце, но внимание к нам было пристальное. Уроки проводили ведущие танцовщики театра, и им важно было выяснить пределы наших возможностей. Поэтому занятия постепенно усложнялись, и приблизительно через полгода нас начали заставлять делать очень сложные пируэты и прыжки, выполнить которые под силу только ведущим солистам. Мы прилагали все усилия, чтобы не ударить в грязь лицом, но, конечно, далеко не все удавалось исполнить безупречно. Насколько я понимаю, никто от нас и не ожидал такого совершенства. Это был просто один из способов выявить наши способности.

После урока начинались репетиции отдельных танцев из балетов, которые были в это время в репертуаре театра. Вот тут-то из нас выжимали все соки, заставляя доводить до совершенства каждое движение. Эти танцы мы должны были исполнять

---

Открыт в 1833 году. Малый театр оперы и балета — Ленинградский, а затем Петербургский. С 1989 года театр носил имя М. П. Мусоргского, а с 2001 г. театру вернули его «историческое» имя — Михайловский театр.

в реальных спектаклях, которые проходили на сцене каждый день вечером. Очень скоро нас начали встраивать в уже существующий кордебалет, и тут нужно было очень внимательно следить за тем, как делают эти движения соседи. Одним из признаков мастерства кордебалета является степень синхронности исполняемых им массовых танцев. И должен сказать, что добиться этого было отнюдь не просто. Для меня это было, пожалуй, наиболее сложным. И что я неожиданно для себя выяснил? Оказывается, мало выучить все движения, мало выполнять их с одинаковой скоростью и амплитудой, как рядом стоящие, нужно еще внимательно слушать музыку и следить за поведением некоторых ведущих. Дело в том, что, несмотря на уже отрепетированные картины, при каждом исполнении могут несколько изменяться темпы или паузы, и это зависит как от дирижера, так и от тех солистов, которые в данном спектакле исполняют главные роли. Поэтому каждое выступление может несколько отличаться от предыдущего.

К моему удивлению, творческая атмосфера в театре была значительно ниже, чем в нашем самодеятельном коллективе. Я имею в виду именно кордебалет. Большинство из них окончило хореографическое училище по желанию родителей, а не по их воле, и они относились к своей работе как к неизбежному занятию. Они ничего другого делать не умели, но выходили на сцену без особого энтузиазма. В антрактах и перед началом спектакля они в основном сидели в гримерной, и чтобы убить время играли в домино, в карты или рассказывали анекдоты. Оказалось также, что многие из них имели какой-нибудь другой любимый вид занятия. Одни выращивали цветы, другие шили сапоги или какую-нибудь одежду, третьи занимались строительством, а некоторые увлекались иностранными языками. И что было важно, что все это делалось не для заработка, а для того чтобы иметь удовлетворение от содеянного. Они с увлечением рассказывали друг другу о своих достижениях, и становилось ясно, что любимое дело для них отнюдь не балет, а эти побочные занятия.

Все это наводило меня на грустные размышления. Выходит, творческие поиски в профессиональном театре — удел лишь

очень небольшой кучки солистов и балетмейстеров, а бóльшая часть профессионально, но без какого-либо воодушевления отработывает положенное время. Позднее я стал понимать, что, к сожалению, это не исключение, и такое же соотношение между творцами и исполнителями существует во многих так называемых творческих коллективах, независимо от того относятся ли они к искусству, науке или образованию. Там тоже есть люди, истинно увлеченные творческим процессом, настойчивым поиском пути достижения истины и забывающие обо всем на свете ради стремления, может быть, даже к неосуществимой мечте. Другие готовы выполнить на очень хорошем уровне, но не свои, а чужие идеи, и не мучающие себя истязаниями творческого поиска. И, наконец, большое количество не обременяющих себя ни тем, ни другим и выполняющих свои обязанности просто потому, что так в жизни случилось, и они получили то или иное образование, потому что его принято было получать.

На меня, по-видимому, обратили внимание, так как стали вызывать на репетиции, на которых большое внимание уделяли дуэтному танцу. Мне довелось быть партнером солисток второго плана, и это было уже существенным шагом по артистической лестнице. Я естественно был этому очень рад. Кроме того, я пополнил свой арсенал целым рядом новых для меня приемов поддержки партнерши.

Наконец, наступил май, и состоялся показательный урок в присутствии комиссии, которая должна была решить, кто из нас будет удостоен стать членом балетной труппы. После того как мы продемонстрировали все, чему мы были способны, комиссия удалилась на совещание. Затем было объявлено, кто из стажеров прошел испытания и может быть зачислен в штат труппы. Я оказался в их числе, и передо мной открывалась дорога профессионального танцовщика. Зачисление должно было состояться через несколько дней.

В нашей жизни, однако, иногда происходят чудеса. В этот же день вечером мне позвонила Нинель Николаевна Аксенова, которая была одним из наших преподавателей на кафедре

биохимии. Она была в курсе моих неудач и теперь звонила мне с известием о том, что из Москвы приехал работать в качестве заведующего кафедрой биохимии Педиатрического медицинского института известный биохимик Илья Ильич Иванов и ищет подходящего молодого человека в аспирантуру. Нинель Николаевна предложила мне встретиться с ним, и я согласился.

На следующий день я поехал в Педиатрический институт, который находился на Выборгской стороне, на улице Александра Матросова, и встретился с Ильей Ильичом. Он меня обстоятельно расспросил о моем предыдущем экспериментальном опыте, и ему очень понравилось, что я работал с белками и знаком с физико-химическими методами. В результате после часового разговора он сказал, что я ему подхожу, и предложил поступать к нему в аспирантуру. В свою очередь, я понял, что он также работает с белками, и что его, в частности, занимают механизмы мышечного сокращения. Я ничего в этом не понимал, но мне понравилось очень дружелюбное и внимательное отношение к моим интересам и экспериментальному опыту. Поэтому я не стал долго раздумывать, а сказал сразу, что я готов поступать в аспирантуру хоть завтра. Илья Ильич засмеялся и сказал, что завтра сделать это невозможно, потому что нужно сдать экзамены, а сделать это будет можно только осенью. На этом мы расстались, и я поспешил в театр, чтобы уведомить художественного руководителя труппы о своем решении.

Когда я сообщил комиссии, что я приношу свои извинения за то, что не стану членом балетной труппы в связи с поступлением в аспирантуру, наступило длительное молчание. Все вытаращили на меня глаза и широко раскрыли рты. Это, наверное, был первый и возможно последний пример в их жизни, когда молодой человек в один момент легко сделал огромный и почти балетный прыжок прямо со сцены в научную лабораторию. Никто, естественно, не возражал, но когда я прощался со всеми, Виктор Михайлович отозвал меня в сторону и сказал, что он поздравляет меня, но думает, что если у меня опять не сложится, то путь в театр для меня не будет закрыт. Я был тронут, и глубоко

признателен ему за такую почти родительскую заботу о моей дальнейшей судьбе.

Наступила осень, я сдал благополучно все необходимые экзамены и был зачислен в аспирантуру. Теперь можно было приступить к экспериментальной работе. Я практически ничего не знал о мышечном сокращении, о специальных сократительных белках и о тех проблемах, которые изучают исследователи в этой области. Все надо было начинать с чистого листа. Состоялся наш разговор Ильей Ильичем, который посвятил меня в интересующую его проблему. Оказывается, на сегодняшний день ученые довольно хорошо понимают, с помощью каких молекулярных механизмов мышцы сокращаются. А вот как после этого они расслабляются, этого пока никто не выяснил. Существуют только разные предположения. Согласно одному из таких предположений, в мышечных клетках вырабатывается некоторый фактор, который действует на сокращенный сократительный аппарат и клетки расслабляются. Его называли по фамилиям двух ученых, которые его открыли — фактор Марша — Бендала. И вот Илья Ильич предлагает мне выяснить, действительно ли этот фактор нужен для расслабления мышц. А как это сделать? Оказывается, из поясничной мышцы кролика можно получить длинные мышечные волокна, которые после выдерживания их в глицерине сохраняют способность к сокращению под действием аденозинтрифосфорной кислоты, которая дает энергию сократительному аппарату. А чтобы определить степень сокращения, их подвешивают в маленьком стаканчике с маленьким грузом на конце и прикрепляют к нему длинную тоненькую палочку с перышком на конце. Когда волокно сокращается, это перышко начинает подниматься и чертит на закопченном барабане линию, которая показывает скорость сокращения, и на какую длину волокно становится короче. В мою задачу входило осуществить эту процедуру, а затем добавить в раствор расслабляющий фактор, который должен был вызвать возвращение волокна к исходной длине. Я научился проводить эти опыты и приступил к решению поставленной задачи. К моему удивлению, все произошло не так, как предполагалось.

Когда я добавил в окружающий волокно раствор аденозинтрифосфорную кислоту, оно действительно начало сокращаться, а писчик стал вычерчивать кривую, показывающую, как идет процесс. В это время меня позвали к телефону, и когда я вернулся к моему устройству, то, к моему изумлению, увидел, что сократившееся волокно через некоторое время вернулось в исходное состояние без добавления какого-либо расслабляющего фактора. На этом все мои эксперименты закончились, а в журнале «Доклады Академии наук» появилась моя первая научная статья о самопроизвольном расслаблении мышечных глицеринизированных волокон. С этого времени начался мой длительный и увлекательный путь поисков и непредсказуемых открытий.

Вскоре после этой работы у нас с Ильей Ильичем состоялся следующий серьезный разговор. Он обратил мое внимание на то, что у нас в организме имеются разные мышцы и сокращаются они по-разному — одни быстро и энергично, а другие медленно и червеобразно. Кроме того, когда животные или люди находятся в эмбриональном состоянии или только рождаются, движения у них вялые и медленные, а с возрастом движения становятся быстрыми и энергичными. Отчего это зависит? От изменения нервной системы или от изменения структуры белков, которые выполняют эти движения? А как это узнать? И он показывает мне статью известного английского ученого Эдзала. В ней было написано, что если ориентировать в одном направлении разные растворенные белки, то при анализе их под поляризационным микроскопом можно увидеть, одинаковую структуру они имеют или отличаются друг от друга. Как же их ориентировать? Оказывается, если сделать два концентрических цилиндра с небольшой щелью между ними и в эту щель налить жидкость с растворенными в ней молекулами белка, а затем начать вращать один из цилиндров, то жидкость будет также вращаться, а все молекулы белка будут выстраиваться вдоль потока. Я думаю, что многие наблюдали сами или видели в кино, как сплавляют лес по реке. Там тоже есть неподвижные берега и быстрый поток воды в середине. В этом случае создается постепенно возрастающая

скорость тока воды, медленная у берега и максимальная в середине. Это различие в скорости течения воды поворачивает бревна и выстраивает их вдоль русла реки. Приблизительно то же самое происходит и с вытянутыми молекулами белка, плывущими в жидкости между цилиндрами.

Все это я усвоил и решил, что сделать такой приборчик будет не так уж трудно. В институте была хорошая механическая мастерская, и я отправился туда обсудить мой проект. Там я нашел очень симпатичного молодого механика, который заинтересовался моей проблемой, и мы вместе с ним через несколько дней создали требуемые цилиндры. Один из них должен был вращаться с помощью маленького моторчика и назывался поэтому ротором. А другой цилиндр оставался неподвижным и поэтому получил название статора. Окрыленный успехом, я схватил приборчик и помчался в лабораторию. Там я заполнил щель раствором белка, поставил цилиндры под микроскоп и включил моторчик. Я прильнул к окулярам микроскопа, но, увы, того свечения раствора, которое согласно теории должно было появиться, не произошло. Я менял скорости вращения, концентрацию вносимого белка, но результат был такой же — свечения не было. Я никак не мог понять, почему меня постигла такая неудача. Ведь я все сделал так, как было описано в тех статьях. Как я понял позже, это было хорошо, что я потерпел неудачу, иначе я никогда бы не вступил на правильный путь.

Я стал просматривать отечественную литературу, чтобы выяснить, не занимается ли кто-нибудь и у нас в городе подобными исследованиями. К моей радости, я обнаружил, что на физическом факультете Ленинградского университета действительно применяют этот метод для исследования структуры высокомолекулярных соединений, и он называется двойное лучепреломление молекул в потоке. Я выяснил, где находится эта кафедра и через несколько дней предстал перед профессором Эмилией Вениаминовной Фрисман со своими вопросами. Я объяснил ей, какие у меня задачи, как я пытался их решить и как у меня ничего не получилось. Она выслушала меня, затем какое-то время



пристально меня рассматривала, а затем спросила: «Вы всерьез хотите этим заняться или вам просто хочется поразвлекаться?». Я даже покраснел от такого вопроса и ответил, что у меня самые серьезные намерения. Тогда она сказала, что в таком случае мне нужно работать на нормальной хорошей установке, которая позволит действительно следить за структурой изучаемых белков. А для этого нужно иметь такую же установку, на которой они работают в лаборатории. Я поинтересовался, где же они берут эту установку. На что Эмилия Вениаминовна ответила, что они, как все нормальные физики, создают ее сами. «А откуда же я возьму такую же установку?» — спрашиваю я. «Значит, и вы сделаете ее сами, — отвечает Эмилия Вениаминовна, — и если у вас по ходу будут возникать вопросы и проблемы, мы можем вам помочь разобраться в них». Как потом выяснилось, она полагала, что ничего у меня не получится и что это просто мальчишеские затеи. Я же воспринял все это всерьез и, познакомившись с их установкой и получив все необходимые объяснения, вернувшись в институт, сообщил Илье Ильичу, что я берусь за создание настоящей установки, которая позволит ответить на поставленные им вопросы. Он подумал и сказал: «Если вы серьезно решили ее создать, то я препятствовать не буду».

Началась трудная и длительная работа по созданию установки. Во-первых, нужно было найти все необходимые детали, из которых с помощью того же механика Миши собирались основные узлы. Но в готовом виде эти детали не существовали и, следовательно, приходилось что-то похожее брать из обломков каких-то старых приборов, а что-то другое вытачивать из металла на станках, понимая лишь приблизительно, как это должно выглядеть. Например, измерительный диск был изъят из старого теодолита. Затем надо было выточить специальные держатели для николей — так называются поляризационные призмы, от которых зависели результаты измерений. Для того чтобы вдоль оптической скамьи распространялся луч света определенного участка спектра, необходимо было иметь пластинку толщиной в четверть волны. Ее нужно было делать самому из слюды,

расщепляя ее на тонюсенькие пленки, которые должны были отливаться изумрудно-зеленым светом. Короче говоря, необходимо было научиться быть изобретательным и приобрести навыки ручных микроманипуляций. Кроме того, необходимо было расположить созданные узлы строго в одной плоскости, чтобы проходящий луч не отклонялся по пути следования. Добиться всего этого было непросто, и очень часто ожидаемого результата не получалось. Мне было стыдно беспокоить физиков по поводу каждого неудачного шага, и я погружался в тяжелые и изнурительные размышления, пытаюсь найти, в чем состояла моя ошибка. Только испробовав все возможные варианты и придя к выводу о том, что нужно было бы, по-видимому, изменить, я отправлялся в университет и робко излагал мои соображения. Как ни смешно, но в большинстве случаев я оказывался прав. Мои предположения совпадали с профессиональными советами специалистов. Тем не менее, эта работа двигалась вперед черепашьими шагами с периодами длительного уныния и редкими ощущениями радости от достигнутых успехов. Я был совершенно измотан и, пожалуй, в первый раз за последние годы стал мечтать об отдыхе.

Как правило, в летнее время, когда все нормальные люди уходили в отпуск, я отправлялся работать в пионерские лагеря, и все свое свободное время занимался физкультурой со всеми ребятами, а также проводил с ними военные игры или готовил представления для родительского дня. Это происходило каждый год и в период аспирантуры тоже. Такая ежегодная работа научила меня находить общий язык с молодым поколением и показала мне на практике, что лучшие результаты получаются только тогда, когда они перестают видеть во мне большого начальника и относятся как к хорошему другу, понимающему их фантазии и прощающему их проступки. После того как они приходили к такому заключению, они были готовы в ответ сделать все, что было мне нужно. Но чтобы достичь такого результата, мне надо было, прежде всего, работать над самим собой. Такая многолетняя самотренировка постепенно выстроила во мне определенный алгоритм взаимоотношений с любым коллективом, с которым

мне приходилось работать. Это происходило подсознательно, и я даже не замечал тех изменений, которые происходили со мной, и только сейчас, спустя много лет, я смог оценить, как это было важно для того, чтобы бы достигать любую поставленную цель совместными усилиями.

В этот раз я не поехал в пионерский лагерь, потому что один из сотрудников института Артур Касаев, с которым мы подружились, предложил мне поехать на Северный Кавказ в город Майкоп, где жила его сестра. Я боялся ее стеснить, но он объяснил мне, что у нее отдельный собственный дом и места в нем вполне достаточно. Для того чтобы туда попасть, надо было ехать на поезде дальнего следования до станции Белореченской, а затем на местном подкидыше добираться до места. Майкоп был небольшим городком, но так как он славился своими минеральными источниками, народа, приехавшего с разных концов страны, тут было очень много. По этой же причине в нем был сосредоточен целый ряд лечебных учреждений, в которых люди боролись со своими недугами, принимая ванны в этих оздоравливающих водах. Помимо специальных клиник, за городом в степи или на опушке леса можно было встретить прямо на воздухе группы деревянных ванн, в которых уже не по назначению врачей, а по собственному желанию возлежали люди, а на них лилась эта целебная вода. Сестра моего друга приняла меня очень дружелюбно и всячески старалась познакомить со всеми интересными местами, но город был невелик, и ничего особенно любопытного по сравнению с Ленинградом в нем, конечно, не было. Я буквально в течение нескольких дней познакомился со всеми достопримечательностями, и уже начал скучать от безделья, как вдруг в один из дней, прогуливаясь в центральном парке, я встретился со своим другом из Ленинграда, который учился в консерватории. Мы очень обрадовались друг другу и стали обсуждать, чтобы такого интересного нам предпринять вместо бесконечного гуляния по городу. Относительно недалеко от Майкопа располагался известный на всю страну Кавказский заповедник, который славился своим растительным и животным миром. Мы решили отправиться туда

и посмотреть, что он из себя представляет. Сказано — сделано, и вот уже на следующий день мы сидим в поезде, который должен нас доставить до станции Хаджох. Когда мы прибыли на место, то увидели вереницы людей, которые с коромыслами на плечах несли куда-то ведра, полные фруктов. Оказывается, накануне был сильный шторм, который сорвал фрукты с деревьев, и теперь жители несли их сдавать на фабрику, которая производит всякие напитки. Они же нам сказали, что ожидается еще более сильный шторм и ливень, но мы по глупости пропустили это мимо ушей, за что и поплатились впоследствии. Но сейчас нас интересовало только одно — как нам добраться до заповедника. Нам объяснили, что мы можем доехать на автобусе до леспромхоза, а дальше нам придется идти пешком километров пятнадцать, потому что никакой транспорт туда не ходит. Мы добрались до леспромхоза на автобусе и там нам объяснили, что идти придется по берегу реки Белой и что это единственный путь, по которому мы сможем добраться до заповедника. Перед дальней дорогой мы решили перекусить и зашли в столовую леспромхоза. Пока мы обедали, погода испортилась и начал моросить мелкий дождь. День был не для путешествий, но деваться нам было некуда. Перед нами был выбор: либо продолжать наш поход, либо возвращаться в Майкоп. Мы выбрали первое и, несмотря на дождь, двинулись по узкой дорожке, которая пролежала по берегу быстро несущейся горной реки. Слева от нас возвышались крутые отлоги гор, покрытые деревьями, которые как раз спиливали рабочие этого заведения. Справа приблизительно на метр ниже нашей дороги текла река.

Сначала мы шутили и рассказывали друг другу анекдоты, но дождь усиливался, и наша дорожка постепенно превратилась в ручеек, а затем и в маленькую речку. Приходилось выбирать сухие места, чтобы двигаться вперед. Внезапно поднялся ураганный ветер, а дождь превратился в настоящий тропический ливень. Вода на дороге стала подниматься. Сначала мы двигались по щиколотку в воде, затем она начала подбираться к нашим коленям, и нам пришлось снять обувь, чтобы чувствовать дорогу, по которой мы шли. Внезапно с гор полились настоящие водопады,

которые превратили нашу дорогу в бурлящую реку. Гремел гром, завывал ветер, и ревела ниспадающая вода. Она быстро поднималась и через несколько минут дошла мне до пояса. Кроме того, вместе водой с гор неслись бревна, от которых нам пришлось уворачиваться, иначе они могли сбросить нас в реку. Было совершенно ясно, что дальнейший путь грозил нам смертью, и мы молча повернули назад. Там где мы проходили легко и спокойно, теперь все было залито бушующей водой, и мы могли удержаться на дороге только с помощью длинных палок, которые мы выхватили из пронесившейся воды. Вконец измученные борьбой с разбушевавшейся стихией, мы, наконец, добрались до леспромхоза. Был уже вечер, стало прохладно, мы были абсолютно мокрые и продрогшие и не знали, что делать дальше. На счастье был открыт маленький продуктовый магазинчик, и мы зашли туда погреться. Видимо, наш вид был ужасен, потому что продавец спросил, что с нами случилось. Мы описали наши злоключения и ощущения полной беспомощности перед силами природы, а также отсутствие какого-либо приюта до утра. На наше счастье, в магазине был старичок покупатель, который с интересом слушал и внимательно нас рассматривал. Затем, когда мы замолчали, он промолвил: «Я, пожалуй, могу вас взять к себе на ночлег, только бросьте ваши ужасные дубины». Мы были безумно ему признательны, потому что он спас нас от окончательного замерзания. Когда мы пришли, он накормил нас, потом растопил большую печь, и мы развесили на ней всю нашу промокшую одежду, а затем занялись своими ногами. Так как мы на дороге сняли свою обувь и шли босиком, с наших подошв теперь лоскутами свисала кожа, которую пришлось осторожно срезать ножами. Потом мы, совершенно изнуренные, свалились на предложенные нам матрасы и моментально заснули. Утром, поблагодарив хозяина, мы молча добрались до станции, сели в поезд и вплоть до Майкопа не проронили ни единого слова. По пути из окна вагона мы могли видеть, какие ужасные разрушения произвел пронесшийся ураган. Вдоль реки стояли деревенские избы. Окна во многих были выбиты, изгороди повалены, деревья сломаны, и некоторые из них

обрушились на крыши домов. То тут, то там валялись мертвые свиньи, козы и домашняя птица. Через реку был переброшен мост, и как раз во время урагана по нему проходила войсковая часть. Края моста вместе с людьми снесло ветром в реку, а на середине осталась небольшая кучка солдат, которые провели всю ночь среди этого ужаса. Как раз в то время, когда мы проезжали мимо, их снимали подъемным краном на маленький кораблик.

Это ужасное столкновение с разбушевавшейся стихией произвело на нас неизгладимое впечатление и впервые продемонстрировало мне полную беззащитность и несоизмеримость амбиций и реальных возможностей «царя природы» на этой планете.

По возвращении из моего знаменательного путешествия я с новыми силами занялся созданием так необходимого мне прибора. Каждый новый шаг в этом направлении требовал новых знаний и технических навыков, которые полностью отсутствовали в моем образовании. Я даже подчас не мог правильно сформулировать вопрос, чтобы получить совет от специалистов. А время неумолимо двигалось вперед, отсчитывая месяцы моей аспирантуры.

Короче говоря, установка была готова только к середине ее последнего года, и теперь можно было приступать к проведению анализа растворенных сократительных белков. Кстати как раз на этом этапе я понял, почему не работал мой первый доморощенный приборчик. Все оказалось очень просто. Так как зазор между концентрическими цилиндрами был очень большим, поток жидкости между ними был турбулентным, то есть с завихрениями и водоворотами, и поэтому все мои белковые бревнышки не могли выстроиться в одном направлении. А теперь я этого добился, и белки начали с удовольствием демонстрировать мне свои свойства.

Но самым важным следствием этой изнурительной работы стало понимание того, что нельзя сделать прибор, если ты не знаешь, что ты от него ждешь и какой результат должен быть получен. Как я понял в дальнейшем, это относится не только к созданию приборов, но и к любой другой исследовательской деятельности. Ты должен знать, к какой цели ты идешь и за каким результатом ты охотишься. Таким образом, эта работа

оказалась полезной не только для конструирования экспериментальных устройств, но и для конструирования собственных мыслей и экспериментальных подходов. Оставалось всего около полугода до завершения срока моей аспирантуры, и Илья Ильич, обеспокоенный тем, что результатов у меня еще нет, предложил мне иной выход из создавшегося положения. Он сказал: «У вас есть прибор, но нет времени, чтобы провести запланированную нами работу. Я вам предлагаю следующее. На кафедре многие занимаются исследованием сократительных белков. Давайте сделаем так. Они будут давать вам свои препараты, а вы будете анализировать их на своей установке. Таким образом, вы сможете быстро набрать необходимый экспериментальный материал». Это предложение вызвало у меня крайне негативную реакцию. Зачем же я положил столько времени на создание этой злосчастной установки? Я все это делал для того, чтобы решить вполне определенную научную задачу, а не для того чтобы обслуживать чужие идеи. Да, я могу набрать материал и даже, может быть, защитить диссертацию, но при этом я не сделаю ни одного шага в выбранном мною направлении. И я ответил Илье Ильичу: «Ну нет, на это я не согласен. Я хочу выполнить то, что мы планировали вначале. А если не успею, то это будет только моя вина». «Ну, смотрите, как бы это не затянулось», — сказал он мне задумчиво, но в то же время было видно, что ему явно понравились мой ответ и мое желание довести работу до конца.

Для того чтобы выяснить, как меняются свойства сократительного белка мышц — актомиозина — в процессе развития животного, нужно было получать его из соответствующего материала. А откуда его взять? Ведь для этого нужны эмбрионы, новорожденные, десятидневные и взрослые кролики. Как раз на этих этапах развития отчетливо видны изменения в их двигательной активности. Оказалось, что в предместьях Ленинграда живет какая-то женщина, которая разводит на своем участке кроликов и снабжает ими Педиатрический институт по заказу. Ей нужно было сообщить, какой возраст нас интересует, и сколько штук одновременно требуется. Это сильно облегчило мою

задачу, и интенсивная экспериментальная деятельность началась. За оставшееся время до конца аспирантуры мне удалось сделать главное — доказать, что действительно на разных стадиях развития мышечной системы происходит изменение структуры исследуемых белков. Но это были только намётки, требовавшие более детального исследования и привлечения статистической обработки данных. И вот тут-то обнаружилось, что полученные мною данные плохо воспроизводимы. Причем в одной серии экспериментов все следовало определенной логике, а в других получалась невообразимая неразбериха. К счастью, в этом помогла мне разобраться ассистент кафедры Надежда Ивановна Лопатина, с которой мы вместе проводили практические занятия студентов, и которая принимала живейшее участие в моей борьбе с научными проблемами. Она внимательно просмотрела мои результаты и сказала: «Я, кажется, понимаю, в чем заключается причина такого разброса результатов. Эта женщина не соблюдает точного времени развития кроликов и привозит их не тогда, когда подходит обозначенный срок, а когда для нее это удобно». «Но что же мне делать? — спрашиваю я, — ведь я не могу ее проверить!». «Я найду для вас другой источник материала». И она действительно это сделала. Она как раз переходила на другое место работы — в Институт акушерства и гинекологии имени Отта, в котором серьезно занимались проблемами эмбриогенеза и очень четко отслеживали сроки эмбрионального развития подопытных лабораторных животных. Сотрудники ее лаборатории совершенно бесплатно стали обеспечивать меня животными заданных сроков жизни, и все немедленно встало на свои места.

Теперь можно было продолжать исследования, но аспирантура к декабрю 1959 года закончилась, и я, согласно принятым в то время правилам, должен был быть распределен на работу. Меня направляют в Уфимский педиатрический институт преподавателем на какую-то медицинскую кафедру. Я в ужасе. Во-первых, это означает прекращение моих исследований. Во-вторых, я биохимик, а не медик, и что я буду там делать? И, наконец, в очередной раз покидать Ленинград никак не входило



в мои планы. Я пишу письмо в этот институт, объясняю, чем занимался в аспирантуре, и спрашиваю, действительно ли я им так нужен. В ответ я получаю официальный документ за подписью директора института, в котором было написано, что они имеют достаточно кадров и я им не нужен, да и поселить меня некуда. Я представляю это письмо в комиссию по аспирантуре нашего института и получаю вольную. При этом, однако, я в очередной раз оказываюсь на улице без каких-либо средств для моего существования. И опять моя вторая, балетная часть моей жизни приходит мне на помощь. Ко мне обращается солистка Мариинского театра Нина Александровна Анисимова с просьбой помочь ей в качестве помощника режиссера при постановке и во время представлений балета на льду силами ведущих фигуристов города в период Масленицы. Я конечно с радостью соглашаюсь, и начинается совсем новая для меня работа. Целыми днями, дрожа от холода, я провожу на стадионе и помогаю Нине Александровне разводить по местам исполнителей и объяснять им, как нужно выполнять те или иные движения. Это были многочасовые репетиции. Тогда еще балета на льду не существовало, и поэтому наши танцоры никак не могли понять, что же мы от них хотим. Нина Александровна с рупором стояла на балконе небольшого домика на краю стадиона, а я носился по льду, направляя исполнителей и пытаюсь исправить их корявые позы. Когда я возвращался, стуча зубами, под балкончик, Нина Александровна наклонялась ко мне и протягивала бутылочку коньяка со словами: «А ну-ка, быстро выпей глоток-другой, а то я тебя потеряю». Подготовка спектакля продолжалась две или три недели и, в конце концов, мы добились желаемого качества исполнения. Наши представления прошли с большим успехом, и после их завершения я неожиданно получаю предложение от Спорткомитета Ленинграда вести с фигуристами занятия по хореографии. По-видимому, я хорошо зарекомендовал себя в период наших репетиций на льду, а, кроме того, как я подзревал, и в результате рекомендации Анисимовой. Начинается новый вид моей деятельности. Вначале занятия проходили

на улице Халтурина (в прошлом Милллионной), непосредственно в помещении Спорткомитета. Моими подопечными были ведущие фигуристы, входившие в сборную Ленинграда. Они относились к этим занятиям очень серьезно и, как оказалось, для них самым главным было научиться автоматически сохранять позу и позиции ног и рук при переходе от одних головокружительных прыжков и вращений к другим, сохраняя при этом один и тот же стиль исполнения. По сути дела, им было необходимо преобразовать спортивные элементы в балетные, а все выступление — в связный танец. С этим мы справились после многократных тренировок, и в результате их ноги и руки стали сами принимать требуемый вид. Но все это происходило в зале и без коньков, а нужно было сохранить освоенное уже непосредственно на льду. В связи с этим наши занятия переносятся на маленький искусственный каток, который располагался в старой церкви на набережной Невы недалеко от моста Лейтенанта Шмидта.

В это же время Илья Ильич, Надежда Ивановна и другие сотрудники кафедры, обеспокоенные моим бедственным положением, всячески старались найти для меня подходящую работу. И им это удалось. Где-то в середине апреля меня зачислили на должность младшего научного сотрудника во Всесоюзный институт экспериментальной медицины, но в совершенно непонятное и чуждое для меня место — в лабораторию гистологии сосудов. Когда я пришел к ним, доброжелательные сотрудники с радостью и энтузиазмом стали показывать мне гистологические срезы кровеносных сосудов и объяснять, как это важно — проводить такие исследования. В то время я ничего не понимал и только с ужасом думал, как же я буду въезжать в эту, такую далекую от меня гистологию. И несмотря на то, что я улыбался и кивал головой, делая вид, что я осознаю всю важность их деятельности, на душе было тяжело. Может быть, я бы и отказался работать в этой лаборатории, но я не мог подводить моих коллег, которые так старались помочь мне обрести постоянное место и ручались за меня. Поэтому с большим трудом и без радости я начал постепенно осваивать новую для меня область.

Буквально через неделю или десять дней после моего поступления на новое место работы ВЦСПС посылает нас с концертами в Японию, и я с большим облегчением делаю двухмесячный перерыв в освоении гистологических высот. Как всегда мы проводим около двух недель за подготовкой нашего концерта в Москве, а затем вылетаем в Токио. О наших выступлениях и знакомстве с этой завораживающей страной я уже писал в предыдущих главах. Когда же я в великолепном настроении после чрезвычайно интересного и успешного путешествия возвращаюсь домой и иду на свою новую работу, оказывается, что лаборатории больше не существует. Ее закрыли во время наших гастролей, весь штат распустили или перевели в другое место, а я опять остаюсь в уже привычном для меня состоянии, то есть на улице. Что же делать теперь и что предпринять?

И вдруг в один из ближайших дней в нашей квартире раздается телефонный звонок, и Михаил Александрович говорит мне замечательные слова: «Ты знаешь, Женя Кузичева поступает в аспирантуру, и у меня освобождается место старшего лаборанта. Ты не хотел бы на него поступить?». Я сразу же, без размышлений, соглашаюсь. Ведь я возвращаюсь обратно, в понятный и приятный для меня мир, где начинались мои первые робкие шаги в науке. Кроме того, я внутренне был уверен, что Михаил Александрович поймет меня и даст мне возможность завершить начатые мною исследования.

## Глава 9

# В начале пути

---

**К**огда в 1960 году я снова пришел к Михаилу Александровичу в то же самое здание, которое располагалось на проспекте Маклина, то оказалось, что в этом доме находится теперь уже совсем другой институт, и возник он всего три года тому назад. Это был Институт цитологии Академии наук СССР. Здесь я продолжил свою изыскательскую деятельность и остался в нем на всю дальнейшую жизнь. Это был необычный институт, потому что он был создан отверженными: то есть учеными, которые в период лысенковщины<sup>26</sup> не согласились с его абсурдными идеями и поэтому были изгнаны из университетов и научных институтов и с трудом находили возможность продолжить свою работу и иметь средства к существованию. Начало будущему институту было положено известным ученым Димитрием Николаевичем Насоновым на базе Зоологического института, который дал ему возможность создать небольшую лабораторию, ставшую впоследствии научным центром создаваемого института. Когда

---

<sup>26</sup> **Лысёнковщина** — кампания по преследованию генетиков, отрицанию генетики и запрету генетических исследований, проходившая в СССР примерно с середины 1930-х до первой половины 1960-х годов при активном участии Трофима Лысенко — советского агронома и биолога. В более широком смысле — любое административное преследование учёных за их «политически некорректные» научные взгляды.

я появился в институте, его, к сожалению, уже не было в живых, а директором был Афанасий Семенович Трошин — руководитель центральной лаборатории — лаборатории физиологии клетки. При передаче здания института в Академию наук некоторые прежние лаборатории остались в нем и вошли в состав нового учреждения. В их числе оказалась и лаборатория физической химии, которой после Александры Александровны Глаголевой руководил Михаил Александрович Хенох.

Хотя я поступал в лабораторию физической химии и всего лишь в качестве старшего лаборанта, со мной сначала встретился заведующий другой лабораторией Борис Петрович Ушаков — один из основателей института, который очень подробно выяснял, что я делал раньше, что меня интересует и почему я пришел именно сюда. Тогда мне это показалось странным, но позднее я понял, что эта беседа имела своей целью выяснить, кем является поступающий в институт сотрудник. Так как его основатели многое пережили в своей жизни, для них было самым важным определить не квалификацию претендента, а кем он является как человек. Повидимому, я произвел положительное впечатление, потому что после этого разговора я без промедления был принят на работу.

К моему разочарованию, мои надежды на то, что Михаил Александрович войдет в мое положение и даст мне возможность завершить мою диссертационную работу, не осуществились. Он сказал, что он понимает мои проблемы, но ему надо развивать свои собственные исследования, и я должен полностью включиться в эту работу. Завершать же мои эксперименты я могу по окончании рабочего дня. В результате после работы я каждый день отправлялся на другой конец города, на Литовскую улицу в Педиатрический институт, и до поздней ночи проводил свои эксперименты на созданной мною установке. Кроме этого я должен был выкраивать время для заработков, потому что зарплата старшего лаборанта в восемьдесят рублей в месяц не обеспечивала даже минимальных потребностей. К тому же я уже был женат, и моя жена работала в Публичной библиотеке и получала зарплату меньше моей.

К концу года я совершенно выдохся и понял, что завершение моих экспериментов может вообще не состояться. К этому времени мой прежний руководитель Илья Ильич Иванов уже покинул Педиатрический институт и возглавил кафедру биохимии в Военно-медицинской академии. Поскольку никто в лаборатории кроме меня не работал на моей установке, мне пришла в голову мысль перенести ее в новый институт, но новый заведующий не разрешил это сделать. Я понимал, что так дальше продолжаться не может, и обратился за советом к Михаилу Александровичу. Он сказал, что подобная установка очень была бы полезна для проводимых исследований, и он не будет возражать, если я построю ее заново. Итак, опять началась работа по конструированию аналогичной установки, но в этот раз мне удалось построить ее очень быстро. На это понадобилось всего несколько месяцев, приобретенный опыт не пропал даром. Теперь я с утра выяснял, как действуют низкие температуры на растворы белков и, в частности, на сократительный белок мышц актомиозин, а вечерами изучал, как меняется его же структура в процессе развития организма. Это было удобно, но все-таки я продвигался вперед черепашьими шагами — было трудно с утра и до ночи интенсивно работать в обоих направлениях.

Постепенно я стал входить в новое для меня научное сообщество. Так как в это время институт был еще очень маленький, всего около пятидесяти человек, оказалось возможным познакомиться персонально с каждым членом создающегося коллектива. Центральное и ведущее место занимала лаборатория физиологии клетки. Все новые развивающиеся направления исследований проходили через оценку на семинарах этой лаборатории, и это, с моей точки зрения, было очень хорошо, так как давало общее представление о ведущихся направлениях исследований в институте. Согласно концепции Д. Н. Насонова, настоящий исследовательский институт не должен быть отелем, в котором живут отдельные и независимые постояльцы. Большинство собравшихся под этой крышей было истинно увлечено поиском решения научных проблем, а не личными карьерными

соображениями. Кроме того, и это было очень важно, в институте царила атмосфера глубокого доверия. Каждый сотрудник, независимо от того какую должность он занимал, был членом единой команды и пользовался уважением и правом голоса на научных и общественных собраниях. Центральной задачей руководства института и ведущих ученых являлось создание наилучших условий для проведения экспериментальной работы независимо от того, какая обстановка была в окружающем мире. И надо сказать, что, несмотря на все трудности, в течение многих лет этот основной принцип сохранялся. Самым ценным и общепринятым качеством сотрудника являлась его способность к творчеству.

Одной из важных и необычных фигур в администрации была Ельза Петровна, которая совмещала в одном лице секретаря директора, отдел кадров и бухгалтерию. Она была удивительно добрым и отзывчивым человеком. Она знала всех, всячески способствовала успеху каждого и всегда приходила на помощь, если у сотрудников возникали какие-либо проблемы. Ее деятельность, в том числе, способствовала созданию в институте той замечательно теплой и комфортной атмосферы, которая так необходима для творческого процесса.

В эти годы в научном мире сформировалось новое направление в биологической науке под названием молекулярная биология. Ученым советом было принято решение создать в институте подобную лабораторию, которая способствовала бы познанию биологии клетки. Так в институте появился Владимир Иосифович Воробьев — ученик известного исследователя и основателя Института молекулярной биологии в Москве Владимира Александровича Энгельгарда. Новое подразделение получило название «Лаборатория биохимических основ репродукции клетки». Однако возникли проблемы, связанные с отсутствием необходимых штатных единиц, и поэтому ее стали создавать за счет внутренних ресурсов, то есть собирали по институту преимущественно молодых сотрудников, которых можно было бы перевести из других лабораторий в новую. Я попал в их число, и это было связано с тем, что лабораторию Михаила Александровича как

непрофильную и мало имеющую отношение к биологии клетки, превратили в группу и соединили с другой группой, такой же старой и так же вошедшей в состав института при его создании. Прежде чем состоялся мой переход, у меня произошел серьезный разговор с Владимиром Иосифовичем, который хотел выяснить, в какой мере можно на меня рассчитывать. По-видимому, я произвел на него положительное впечатление, потому что он задал мне очень странный вопрос: «Можете ли вы руководить людьми, и приходилось ли вам это делать в течение вашей жизни?». Я ответил, что специально этим не занимался, но при работе физруком в пионерских лагерях мне приходилось выполнять подобные функции. Кроме того, я был тренером и руководителем нашей факультетской сборной команды по лыжам. Эта информация его очень обрадовала, и он сказал, что мой опыт будет очень полезен для лаборатории. Затем он поинтересовался, как у меня обстоят дела с диссертацией. Я сказал, что она еще не закончена, потому что мне пришлось работать на два фронта.

— А сколько времени вам надо, чтобы ее закончить?

— Я думаю, около года.

Тогда Владимир Иосифович подумал и сказал очень важные слова, определившие мою дальнейшую жизнь:

— Я вас беру в лабораторию, и занимайтесь сейчас только завершением вашей диссертации, потому что пока вы ее не закончите, от вас толку не будет.

В течение всего текущего года и начала следующего я полностью погрузился в свои эксперименты, и в конце концов мне удалось ответить на изначально поставленный вопрос: с чем связаны различия в сократительной способности мышц в процессе развития организма. Действительно оказалось, что одни и те же сократительные белки отличаются по структуре на разных стадиях развития. Мой руководитель Илья Ильич Иванов был очень рад моим успехам и на защите диссертации, которая состоялась летом 1964 года, сказал, что он очень сомневался в успешном завершении этого исследования, но я превзошел его ожидания. К этому он добавил, что я продемонстрировал необходимые для



экспериментатора качества, такие как упорство и настойчивость, а также умение овладевать совершенно новыми подходами для решения, поставленной задачи.

Когда я очень довольный успешной защитой явился в лабораторию, Владимир Иосифович спросил меня, чем бы я хотел теперь заняться. Я сразу же ответил, что хочу продолжить мои эксперименты.

— К сожалению, я не могу вам этого позволить, — сказал он. — Нам нужно развивать новое направление, и вам придется входить в проблемы молекулярной биологии. Я очень хорошо вас понимаю и думаю, что, может быть, вы еще вернетесь в свою область исследований, но я уверен, что ваши новые знания, которые вы приобретете, будут только способствовать дальнейшему успешному изучению сократительных систем.

Как показала дальнейшая жизнь, он был абсолютно прав. Началось постепенное вхождение в абсолютно новую для меня область. Надо сказать, что она была новой не только для меня, но и для всех окружающих, потому что даже подходы к ней были совсем перекрыты в период разгула лысенковщины. Так как суть развивающейся молекулярной биологии состояла в познании и выявлении механизмов управления процессами жизнедеятельности клетки на уровне взаимодействующих молекул белков, нуклеиновых кислот, углеводов и других веществ, то для решения этих проблем объединили усилия исследователи разных специальностей: химики, физики, биологи и оставшиеся еще к этому времени генетики. Так как всем была ясна необходимость совместных усилий и, прежде всего, одинакового понимания сути проблем и путей их решения, были организованы регулярные школы по молекулярной биологии, которые проходили под Москвой в научном центре «Дубна». Вся молодежь, вовлеченная в развитие этого нового направления науки, собиралась там, и на ее глазах происходило постепенное объединение разных специалистов. В начале было изложение своего видения проблемы специалистами разного профиля. Затем проходили ожесточенные дискуссии, иногда напоминавшие средневековые дуэли, и, наконец,

наступало некоторое взаимопонимание. Здесь собирались такие известные ученые, как Тимофеев-Ресовский, Прокофьева-Бельговская, Энгельгардт, Белозерский, Волькенштейн, Бреслер, Баев и многие другие. Были также начинающие и прославившиеся позднее Спирин, Георгиев, Мирзабеков и еще только прикоснувшиеся к новой области вроде меня. Благодаря этим школам мы получили очень хорошее и широкое образование, без которого нам бы не удалось успешно вести нашу экспериментальную работу. И что, может быть, было еще важнее, мы научились не только слушать, но и слышать других людей, которые думали иначе, излагали свои мысли другим языком. В результате, несмотря на все трудности, мы приходили к единому пониманию обсуждаемой проблемы. Это было большое искусство, и овладение им помогло нам в дальнейшем находить свои оригинальные подходы к решению самых разных научных проблем. Таким образом, ежегодные школы по молекулярной биологии не только дали нам дополнительное образование, но сохранили и развили способности к оригинальному мышлению.

Новая задача, которая была поставлена передо мной, состояла в выяснении роли гистонов — белков, которые взаимодействуют с дезоксирибонуклеиновой кислотой (ДНК). Она являлась основой нашего генетического аппарата, от ее работы зависело появление в клетках разнообразных белков, обеспечивающих жизнедеятельность нашего организма, хотя гистоны к этому времени были уже выделены, и было показано, что они связаны с ДНК. Оставалось, однако, неизвестным, какую именно функцию они выполняют. По одним представлениям, они должны были регулировать работу разных генов, а согласно другим, они принимали участие в пространственной организации структуры ДНК. Для того чтобы это выяснить, надо было определить, влияют ли гистоны при взаимодействии с ДНК на ее строение. Для решения этой задачи снова понадобилась построенная мною установка, и мы снова встретились с Эмилией Вениаминовной Фрисман, которая научила меня на ней работать. Но в этот раз мы уже работали вместе, и приобретенный мною опыт оказался

очень полезен. В результате проведенных исследований нам удалось установить, что гистоны действительно изменяют структуру ДНК. Более того, мы обнаружили появление каких-то частиц, которых не было до того в наших растворах, но мы не поверили этому и полагали, что это какая-то ошибка. На самом деле мы сделали открытие, которое повторили другие авторы и о котором через год всем сообщили. Они называли эти частицы нуклеосомами, и в дальнейшем оказалось, что основная функция гистонов и состоит в организации нити ДНК в целый ряд подобных структур. За этим сложным занятием я провел два года, и сделать все это одному было невозможно. Слишком много экспериментальных процедур и методов надо было освоить. Поэтому Владимир Иосифович собрал для меня целую группу молодых сотрудников, с которыми мы вместе решали все возникавшие проблемы. Это была моя однокурсница Леля Никонова, Лена Костылева, Саша Тартаковский, Алла Голикова, Наташа Николаенко и ряд других, только что поступивших в институт. Это была единая и увлеченная команда, состоящая не столько из сотрудников, сколько из настоящих друзей, всегда готовых отдать все силы и время ради достижения единой цели. Благодаря этому нам и удалось получить нетривиальные результаты, которыми заинтересовались исследователи из лабораторий других стран.

Помимо чисто исследовательской работы мне приходилось помогать Владимиру Иосифовичу в работах по организации лаборатории, по ее оснащению оборудованием и приборами, а также по приведению их в рабочее состояние. Кроме того, он привлекал меня к написанию планов и отчетов. По-видимому, я преуспел в этой деятельности, и это стало известно в институте, так как в 1967 году меня призвали в дирекцию и предложили занять место ученого секретаря института. Надо сказать, что я растерялся и даже испугался, потому что у меня уже были проблемы с выступлениями перед аудиторией, и это началось после эвакуации, когда я вернулся из башкирской деревни в Ленинград и должен был в школе выступать в классе перед большим числом учеников. Я сказал об этом Афанасию Семеновичу Трошину,

но он меня успокоил и сказал, что говорить самому мне ничего не придется, а нужно будет только читать разные бумаги и документы. Я пошел к Воробьеву и доложил ему об этом предложении. Он задумался, а потом сказал, что для меня, конечно, будет очень трудно параллельно вести экспериментальные исследования, но опыт работы ученым секретарем будет очень полезен как для лаборатории, так и для моего будущего. Он сам прошел через это испытание и нисколько об этом не жалеет, но он советует мне не оставаться на этой должности очень долго — не более трех лет. Я пошел в дирекцию и сказал, что я согласен. Так открылась новая страница моей жизни.

Я действительно узнал очень много нового. Познакомился с Академией наук, понял, как она организована и по каким правилам работает, узнал много нового о своем собственном институте и, что очень важно, стал разбираться в том, как развиваются наши исследования и какое место они занимают в нашем отделении. Очень полезным оказалось персональное знакомство с академиками — секретарями нашего отделения. Сначала это был академик Белозерский, а затем академик Баев. У меня сложились очень близкие и даже дружеские взаимоотношения со всеми сотрудниками отделения. И, наконец, я научился, как надо себя вести, когда хочешь добиться чего-нибудь важного для института. Так, например, я иду к какому-то секретарю, открываю дверь и вижу, что он стоит у окна спиной ко мне и его поза показывает, что он чем-то озабочен или расстроен. Я тихо закрываю дверь и говорю себе, что лучше сегодня к нему не обращаться, ничего хорошего не получится. Так же я понял, что когда нужно решить какую-нибудь проблему, не надо просить «дайте» или настаивать на решении сложного вопроса, потому что это вызывает отрицательную реакцию и сопротивление. Когда я понял это, то стал вести себя иначе. Я приходил к сотруднику, от которого могло зависеть решение того или иного вопроса с расстроенным видом, излагал свою проблему и просил посоветовать, как можно решить возникшие трудности. В этом случае он задумывался и начинал строить какую-нибудь

схему решения возникшей задачи. Так он становился моим союзником и способствовал достижению цели. Так, например, я обратился к сотруднику, который занимался кадрами, и объяснил ему, что при насыщении института современным оборудованием возникает проблема его обслуживания, и что биохимии, цитологии и генетики не в состоянии это делать самостоятельно. В результате нашего совместного размышления и приведения в действие определенных правил, которые от него зависели, я получил для института целых двенадцать штатных единиц для создания технической лаборатории. Это было большое событие для нас, которое позволило в последующем решить целый ряд сложных вопросов, позволивших институту занять лидирующее положение.

Вместе с тем, наряду с приятными результатами такой деятельности, возникали и крайне сложные проблемы, которые приходилось преодолевать и идти на риск оказаться неприемлемым для существовавшей в то время правительственной системы. Так, в начале моей работы на посту ученого секретаря меня пригласил к себе заместитель директора Павел Павлович Румянцев и сказал, что ввиду необходимости решения многих вопросов с Обкомом партии мне нужно стать членом Коммунистической партии. Такого поворота в моей жизни я никак не ожидал и сказал, что я не готов сделать такой важный шаг. Про себя-то я знал совершенно точно, что я никогда не буду членом партии, которая продемонстрировала так много жестокого и несправедливого. Это я знал как по опыту моей собственной семьи, так и из того, что мне рассказывала Вера. На протяжении нескольких недель Румянцев продолжал настаивать на необходимости моего положительного решения. Наконец я не выдержал и обратился к Афанасию Семеновичу со следующим заявлением: «Если так необходимо, чтобы ученый секретарь был членом партии, то пусть они привлекут кого-нибудь другого. Если же они хотят на этой должности иметь меня, то я прошу больше не обращаться ко мне с такими предложениями». Афанасий Семенович выбрал второй вариант, и с этого момента меня больше не беспокоили.

Другая проблема возникла, когда надо было найти для новой инженерной лаборатории руководителя. Среди моих знакомых оказался такой подходящий человек, который имел два инженерных образования и хорошо понимал, что нужно делать, чтобы обеспечить работу оборудования и как это развивать в дальнейшем. Его звали Наум Соломонович Волосов. Я представил его Афанасию Семеновичу, он ему понравился, и было решено пригласить его возглавить лабораторию. К счастью, в это время в институте отсутствовал Павел Павлович Румянцев, который ушел в отпуск на целый год для написания докторской диссертации. Дело в том, что Наум Соломонович имел для того времени большой недостаток — он был евреем, а людей этой национальности в то время не брали на руководящие посты. Когда его документы представили в Академию, она отклонила его кандидатуру. Тогда я поехал в Москву и попросил, чтобы нам дали официальную бумагу, объясняющую, по какой причине Академия против этого человека. Они засмутились и сказали, что такую бумагу они дать не могут. Дело в том, что такое решение было результатом негласного распоряжения Комитета партии. Тогда я спросил, что мы можем сделать, чтобы нужный нам человек занял эту должность. На это мне было сказано, что мы можем его взять, но под личную ответственность. Тогда, несмотря на возможные крупные неприятности, я взял эту ответственность на себя. Так как Румянцева в это время в институте не было, я смог это осуществить, потому что я в связи с его отсутствием совмещал обязанности как ученого секретаря, так и заместителя директора.

На третьем году моего секретарства ко мне обратился с просьбой бывший сотрудник нашего института Алексей Викторович Жирмунский, который ранее работал в лаборатории Бориса Петровича Ушакова, а теперь возглавлял новый институт на Дальнем Востоке — Институт биологии моря. Он хотел создать в новом институте лабораторию биофизики клетки, которая занималась бы биохимическими, биофизическими и молекулярно-биологическими исследованиями морских организмов. Он полагал, что я могу ему в этом помочь и подготовить молодых

сотрудников для такой лаборатории. Когда я спросил о том, чем именно, по его мнению, должна заниматься создаваемая лаборатория, он ответил, что он хотел бы, чтобы она занималась изучением теплоустойчивости морских организмов. Я сказал, что для меня это направление исследований невозможно, так как я не являюсь специалистом в этой области и единственное, что я могу предложить, — это создать группу или лабораторию, которая занималась бы изучением сократительных механизмов мышц морских животных, и в частности моллюсков. Алексей Викторович подумал и сказал, что ему это направление тоже подходит. Теперь это нужно было согласовать с Владимиром Иосифовичем Воробьевым, который, к моему удивлению, поддерживал эту идею. Он отнесся к ней с пониманием по двум причинам. Во-первых, он знал, что я мечтаю о возвращении к моим прежним увлечениям по изучению структуры сократительных белков. А во-вторых, он и сам ранее тоже занимался сходными проблемами. Единственным условием было сохранение исследований по молекулярной биологии и обеспечение людьми со стороны Института биологии моря. Договоренность была достигнута, и в течение ближайшего полугодия у меня появилось целых пять аспирантов, которые начали учиться работать с различными сократительными белками. В известной степени это было удобно и для нашей лаборатории, потому что у Воробьева не было возможности взять в аспирантуру всех студентов, заканчивающих университет, которые выполняли свои дипломные работы в его лаборатории. Так у меня появились Соня Хайтлина, Саша Тартаковский, Коля Шелудько, Боря Маргулис и Володя Матвеев.

Завершался срок моей деятельности в качестве ученого секретаря. Несмотря на большую непрерывную помощь со стороны Евгении Дмитриевны Петровой, с которой мы дружно, помогая друг другу, вершили бесчисленные бумажные и другие ежедневные дела. Я должен сказать, что в течение всей последующей работы мне никогда не пришлось иметь дела с таким ответственным и искренним человеком, преданным своему делу, которое она выполняет и по сей день в нашем институте. Несмотря

на успешное развитие событий, я ощущал крайнюю необходимость прекратить эту административную работу и вернуться к экспериментам. Благодаря моим постоянным связям с администрацией Академии мне удалось получить ставку старшего научного сотрудника, на которую я перешел, освободив место ученого секретаря. Афанасий Семенович очень не хотел меня отпускать. У нас сложились с ним очень хорошие и доверительные отношения, и ему нравился стиль моей работы, в которой преобладал интерес к развитию института, а не личные интересы. Тем не менее, помня об исходной договоренности о трехлетнем сроке моей работы в этой должности, он со вздохом подписал приказ о возвращении меня в лабораторию.

В те годы многие исследователи пытались определить, чем по своей организации одни хромосомы отличаются от других, но сделать это было чрезвычайно трудно, так как не существовало способа, как их отделить друг от друга. Как раз в это же время в научной литературе появились сообщения, что шведский ученый профессор Пер-Оке Альбертсон изобрел новый метод, позволяющий разделять клетки, органоиды, белки и другие биологические молекулы, что нельзя было сделать до этого другими способами. Когда я прочитал эти сообщения, мне в голову пришла сумасшедшая мысль — применить этот метод для фракционирования хромосом. Когда я сообщил об этом Владимиру Иосифовичу и моим товарищам, они не поверили в возможность это осуществить и решили, что я действительно сошел с ума. Тем не менее, Владимир Иосифович, обладавший способностью воспринимать даже сумасшедшие идеи, решил позволить мне попытаться осуществить эту затею. К счастью, один из сотрудников нашего института в это время уезжал в Швецию для проведения своих исследований, и я попросил его встретиться с Альбертсоном и спросить его, не мог ли бы он принять меня для выполнения подобной работы. Альбертсону эта идея понравилась, и он прислал мне приглашение посетить его лабораторию и попробовать осуществить фракционирование хромосом с помощью нового метода.



## Глава 10

# В экспедициях

---

**М**оя детская и юношеская жизнь сложилась таким образом, что я много путешествовал. Во время войны мне пришлось посетить Ярославль, Кострому, Куйбышев, Оренбург, Златоуст и жить в разных местах Башкирии. После войны вместе с нашей танцевальной группой мне удалось побывать в Финляндии, в Германии и Венгрии. Было очень интересно видеть иную природу, другой образ жизни людей и исторические места, о которых я только читал в книгах. Поэтому мне стало грустно, когда окончив Университет, я вдруг осознал, что, будучи биохимиком, я должен все время проводить в лаборатории и в будущем никаких новых путешествий для меня не предвидится. Но жизнь распорядилась иначе.

Однажды, уже в Институте цитологии, ко мне подходит один из старейших сотрудников Адольф Аронович Лев, с которым мы подружились, и спрашивает — «Ты не хотел бы поехать со мной в экспедицию на Курильские острова? Мне нужен помощник». Я с восторгом соглашаюсь и спрашиваю — «А что нужно делать?». «Нужно собирать баянусов — усоногих раков, для наших исследований». «Ну, это не так уж сложно» — подумал я. Эти животные обычно обитают на раковинах моллюсков, и я наверняка справлюсь.

Через несколько дней, мы небольшой компанией из пяти человек (Петя Семенов, Фаина Виханская, Алик Гринфельдт,

Адольф Аронович и я) вылетели из Ленинграда во Владивосток, а оттуда уже на корабле поплыли в сторону Курильских островов. Это путешествие заняло целых три дня. В первый день мы дошли до Сахалина и остановились в большом порту Корсакове. Здесь скопилось огромное количество разнообразных кораблей, держащих курс в разные регионы дальнего востока — на Камчатку, Чукотку, Владивосток и Находку, в Китай и Корею и даже во Вьетнам. Мы сидели на палубе и наблюдали за интенсивной деятельностью по загрузке и разгрузке судов по заливке их топливом, проведением ремонтных работ. Вдруг по громкоговорителям раздалась торжественная музыка, а затем было объявлено, что Советские войска вошли в Чехословакию. Мы пришли в ужас от этого сообщения. Зачем? Чем чехи нам не угодили? Неужели снова начнутся военные действия. Мы отправились спать в очень подавленном состоянии. К счастью, на этот раз, как мы узнали позднее, до сильного кровопролития дело не дошло.

Через день мы доплыли до острова Итуруп, на котором мы и должны были проводить нашу работу, но к берегу почему-то не подошли. Вероятно, было очень мелко. К кораблю подошли моторные лодки довели нас со всей нашей поклажей до Южно-Курильска, а оттуда уже мы перебрались на другую сторону острова, которая выходила на Тихий океан.

## Глава 11

# В постановках

*(Как все начиналось)*

---

В начале пятидесятых годов, когда Ленинград уже оправился от последствий войны, во всех учреждениях города в дни, когда отмечали главные праздники страны, торжественные заседания, как правило, сопровождались самодеятельными концертами или капустниками. Так как народу было известно, что некоторые из их сотрудников занимались в хореографическом коллективе Дворца культуры имени А. М. Горького, к ним, естественно, обращались с просьбой принять участие в этих концертах и станцевать какой-нибудь номер.

И вот однажды ко мне подходит мой приятель Лева Бородулин и говорит: «Меня, вот, попросили принять участие в концерте на работе, и я решил поставить для этого случая мой собственный танец. Не мог бы ты посмотреть на то, что я сотворил?».

Конечно, я согласился, и он с одной из наших девушек продемонстрировал мне свое произведение. Это был дуэт на музыку «Поэмы» Фибиха. Когда я увидел его создание, оно мне не понравилось, и я откровенно сказал, что, на мой взгляд, оно не соответствует музыке и не имеет внутренней логики. Лева обиделся и сказал, что так критиковать каждый может, и это гораздо легче, чем поставить номер самому. Это меня задело, и я решил доказать на практике, что эту музыку следует выразить по-другому.

Я записал эту музыку и договорился со своей партнершей Таней Ильиной попробовать поставить на нее наш собственный танец. Музыка была замечательная, но откуда взять идею этого дуэта? О чем он должен быть? Сделать набор движений под музыку не представляло большого труда, но это будет так же неинтересно, как получилось у Левы. И тогда что же я хочу доказать? Я много раз прослушивал эту музыку и пытался выяснить, что же я слышу в ней и что она должна означать. Она была очень душевной, грустной и напоминала какой-то разговор между двумя близкими людьми. Но почему же в ней такая грусть, близкая к отчаянию? Почему она такая лиричная и в то же время очень близка к трагедии? И вдруг я вспомнил рассказ одного американского писателя о любви и неизбежном расставании девушки и юноши. И эта неизбежность прощания заключалась в том, что она была белая, а он черный и, следовательно, у них не было перспективы. Да, конечно! Вот именно это или близкое к этому было в звуках мелодии Фибиха! Теперь я знал, что именно я хочу представить зрителю. Это будет последнее свидание двух любящих людей. Последнее и навсегда!

Теперь стало уже легче, но как это выразить и донести до зрителя? Попытки сделать что-нибудь связное раз за разом оканчивались неудачей до тех пор, пока я не понял, что идти нужно не от движения, а от тех чувств, которые переживали эти двое. Должно было быть развитие внутреннего эмоционального потока, у каждого из них отдельно и в результате — слияния их вместе. Когда я проследил за логикой развития внутренней речи, у меня начал складываться двигательный образ. Вот оно в чем дело. Идти нужно было не от движения, а от переживаний, и они дают тебе невыдуманную гамму движений, а только одну искреннюю и неповторимую. Так я понял, что если я хочу создать какой-либо образ, я должен почувствовать его изнутри, а не наблюдать за ним со стороны. Это есть основа, а дальше сложившийся образ можно облекать в чисто профессиональные, но соответствующие ему хореографические формы.

Вся эта история продолжалась около полугода, хотя музыка занимала менее пяти минут. В конечном счете, танец был сделан и получил название «Расставание». Я его показал в классе. Он понравился и даже был включен в программу очередного вечера балета. На этом представлении была знакомая актриса Наталья Васильевна Соколова, на которую он произвел глубокое впечатление. Она сказала мне: «Скоро будет годовщина смерти Пушкина. И обычно в этот день в Пушкинских горах дается концерт. Я хочу вывезти тебя и показать твоё творчество очень хорошей публике».

Это действительно произошло. Я был приглашен в Михайловское директором музея Семеном Степановичем Гейченко. После того как мы показали наш дуэт на сцене в Святых горах, у нас завязалась с ним длительная дружба, и впоследствии мы много раз приезжали туда с разными танцевальными номерами.

Это признание показало мне, что я был на правильном пути, и меня стал привлекать сам процесс создания танца. Вскоре после этого я встретился с одной из близких подруг моей мамы, которая также была пианисткой. По какому-то поводу она, уже не помню почему, села к роялю и сыграла мне первую балладу Шопена. Я слышал ее и раньше, но она играла ее с такой экспрессией, что мне невероятно захотелось поставить номер на эту музыку. Я буквально заболел этой музыкой и в результате обратился к ней с необычной просьбой: «А что если мы сделаем так: поставим на сцене рояль, но чтобы он был виден не весь, а только клавиатура и чуть-чуть больше, тогда он не будет мешать танцующим. Затем вы выйдете, сядете за рояль, помолчите и затем начнете играть. И вот из-за рояля начнут появляться фигуры, которые вы как будто рождаете своими звуками».

Эта идея ей очень понравилась, и с разрешения нашего руководства мы приступили к работе. Всего в этом номере было занято шесть девушек, двое мужчин (я и еще один наш танцовщик) и девушка-солистка, вокруг которой и разворачивалось само действие.

В этот раз поиски смысла создаваемого танца были значительно короче, потому что я уже знал, как мне нужно себя вести.

Я должен был найти главное — внутреннюю канву происходящих событий, и я нашел ее. Суть преподносимого действия, подсказанного мне музыкой, состояла в следующем. Два человека, влюбленных в одну и ту же девушку, хотя это могла быть также идея или мечта, вступают в борьбу за достижение ее. Но, несмотря на искреннее стремление к ней каждого из них, сам процесс единоборства захватывает их и начинает преобладать над чувством. В результате желание победить становится настолько сильным, что в пылу схватки они уничтожают то, ради чего они вступили в борьбу друг с другом. Шесть девушек создавали фон для происходящего, пытались препятствовать разгорающемуся соперничеству и своей реакцией усиливали трагизм происходящего конфликта. В конечном счете, номер получился и был представлен на суд зрителей. Но я сам был недоволен, потому что он был беден хореографически, в нем не было какого-либо характерного образа для каждого из исполнителей, хотя сам замысел требовал этого. Кроме того, я понял очень важную для себя вещь: если танцевальный номер — не дуэт и включает других исполнителей, нельзя в нем участвовать самому. Я поймал себя на том, что, исполняя центральную роль, я в то же время озирался и контролировал, как себя ведут остальные танцовщики. В результате я раздвоился и не мог полностью отдаться развитию событий, в которых участвовал сам. Отсюда я сделал вывод, которому в дальнейшем следовал неукоснительно, за исключением одного случая, когда мне пришлось заменить заболевшего товарища. А вывод был таков: никогда не танцевать в своих собственных постановках.

Получив опыт в постановке уже такого относительно большого музыкального произведения, как баллада, я отважился попробовать сделать одноактный балет. Мой выбор пал на «Картинки с выставки» Мусоргского. Здесь возникли неожиданные препятствия. Во-первых, все были поражены моей наглостью. Во-вторых, преподаватели подходили ко мне и спрашивали, не надо ли мне посоветоваться с кем-нибудь из балетмейстеров. Они просто не понимали, как можно самому

и такому неподготовленному осилить серьезную постановку без соответствующего руководства. А я обижался и говорил, что я, конечно же, буду советоваться, если мне это понадобится, но сейчас мне этого не нужно. Про себя-то я думал, что мне никогда не понадобится чья-нибудь помощь, я должен найти свой путь самостоятельно. Наконец мне дали разрешение, и я начал репетиции. С точки зрения сюжета, все было достаточно просто. Мусоргский об этом позаботился сам, назвав все последовательные эпизоды. Они были выстроены в следующий ряд: Прогулка, Старый замок, Гном, Балет невылупившихся птенцов, Два еврея — богатый и бедный, Баба-Яга с мертвыми на мертвом языке, Лиможский рынок, Быдло, и все завершалось Богатырскими воротами. По замыслу композитора, какой-то человек, может быть сам композитор, прогуливается по выставке и рассматривает выставленные картины. Судя по изменениям интонаций в основной мелодии прогулки, можно было сделать вывод, что этот посетитель реагирует на увиденное. Я решил изменить такое прямолинейное развитие действий, и главный герой, по моему замыслу, проникает в картинную галерею ночью и пытается украсть какую-то картину. В этот момент изображенные на картинах фигуры оживают, и он вовлекается в происходящее. Где-то он только зритель, в каких-то эпизодах он принимает участие, а в некоторых он становится основным действующим лицом. Это позволило мне соединить все в один общий сюжет.

Где-то в середине постановки мне не стали давать класс и исполнителей, объясняя тем, что они заняты на других репетициях. Надо признать, что постановка шла с трудом, потому что, с одной стороны, надо было создать характерный образ для каждого персонажа, а с другой, нужно было объединить все это в рамках одного стиля. По всей вероятности, окружающие решили, что ничего у меня не получится и решили не тратить времени попусту. Я был огорчен, но тут на мое счастье у нас стал преподавать известный танцовщик Игорь Уксусников, который заинтересовался моими попытками и попросил показать ему то, что уже было сделано. Я показал, ему понравилось, и он заставил снять эмбарго

на мою работу и наоборот открыть для меня зеленую улицу. Это сильно помогло, и вскоре я уже смог представить законченный спектакль. Был устроен просмотр, и, наконец, состоялась премьера балета, на которую был приглашен известный балетмейстер и педагог Петр Гусев. Балет имел успех, и даже до сих пор сотрудники нашего института, которые видели его на сцене, вспоминают эту мою постановку очень одобрительно. Оценивая ее сегодня, я могу сказать, что она действительно была удачной, но мне сильно не повезло. Как раз в это же время знаменитый советский балетмейстер Федор Лопухов также поставил этот балет. Хотя мне показалось, что моя постановка была не хуже, она не имела права на какое-либо сравнение с творением мастера. Что и произошло. После премьеры, когда состоялось обсуждение моего спектакля, выступил Гусев и скислой миной на лице сказал, что молодой человек, конечно, молодец, но у него такие-то ошибки и недостатки. Короче, явных похвал не было и, как я понял позднее, узнав о балете Лопухова, и не должно было быть. Тем не менее, балет довольно долго шел на нашей сцене.

Последняя моя балетмейстерская попытка состоялась в конце 60-х годов, когда я решил поставить «Аппассионату» Бетховена. Меня с юности волновал процесс творчества. Я все время пытался ответить себе на ряд вопросов. Откуда берутся идеи? Как они возникают? Как происходит творческий процесс вообще, в принципе? Где он начинается, и где он кончается? И вот прослушав эту сонату, я решил попробовать воспроизвести этот процесс, изобразив человека, создающего нечто новое со всеми успехами и неудачами. Из двенадцати окружавших его девушек, которые, по сути, отражали его мыслительные фантазии, он пытался создать стройную и гармоничную танцевальную картину. Мне удалось поставить только первую часть сонаты, которая была показана на нашем отчетном концерте. Дальнейшего продолжения не последовало, не помню, по какой причине. Но думаю, что мои эксперименты шли в разрез с основным, более традиционным стилем постановок, которые ставились в нашем Народном театре балета. На этом и закончилась в то время моя постановочная работа.



Завершив свою танцевальную и постановочную деятельность в 1973 году в связи с длительной научной командировкой в Швецию, я никогда и не предполагал, что очень скоро вернусь к ней снова. Более того, что она приобретет форму создания ежегодных балетных спектаклей, исполняемых людьми, не имеющими никакой профессиональной танцевальной подготовки. Началось это, как всегда бывает, случайно и почти одновременно в двух местах: на Дальнем Востоке — на морской биологической станции «Восток» во время ежегодных экспедиций и в Ленинграде — в один из юбилеев Института цитологии.

Первый коротенький спектакль, который шел всего 15–20 минут был поставлен мною на уже готовое либретто, написанное сотрудниками института, и носил черты откровенного капустника. Название его было «Каменный гибрид» по аналогии с «Каменным цветком». Сюжет касался некоторых происшествий в научно-исследовательском институте (подразумевался, конечно, Институт цитологии), связанных с открытием каких-то гибридных клеток, похожих на кристаллы. Все это напоминало балаган, и должно было быть пародией как на балет, так и на научную работу. Коллектив исполнителей был собран без моего участия, и выбор их носил принудительный характер. Мне было сказано:

— Вот тебе шесть девушек и трое юношей, которые готовы делать все, что ты им скажешь.

И действительно, как в любом капустнике, желания и энтузиазма было хоть отбавляй, и это должно было восполнить недостаток танцевальных способностей. На деле оказалось, что почти все, кто принял участие в этой постановке, довольно неплохо двигались и на уровне шутейного представления выглядели очень даже неплохо. Это меня удивило и заинтересовало. Оказалось, что если внимательно присмотреться к тому или иному человеку, можно выявить целый спектр индивидуальных и характерных только для него двигательных особенностей. В рамках его возможностей можно создать некий двигательный и даже танцевальный образ. Оказалось также, что в принципе не существует нетанцующих людей, но ни они

сами, ни окружающие их родственники или друзья даже не подозревают об этих способностях.

Все эти мысли пришли мне в голову значительно позже, когда постановки начали носить более или менее регулярный характер. Во время же того первого спектакля я был невероятно удивлен тем, как много можно добиться от абсолютно случайных исполнителей. Вслед за этим первым опусом последовал и второй, но уже на морской биологической станции. И там тоже первое представление было, в известной степени, вынужденным. Дело в том, что в середине сезона на станции проводили День моря — широко распространенный праздник на флоте. Обычно он сопровождался выходом из моря Нептуна со свитой, импровизированными шуточными представлениями и затем общими возлияниями. В этот раз, для того чтобы расширить программу и сделать этот праздник более массовым и интересным, сотрудники станции решили организовать что-то вроде конкурса или отчета Нептуну о содеянном на станции и в каждой лаборатории. В конкурс были включены три обязательных раздела. Первый — это украшение лаборатории. Второй — юмористическое представление ее деятельности. И, наконец, третий — какое-нибудь выступление. Можно было представлять песни, скетчи, монологи, пантомимы и т.д. О представлении танцев даже и речи не было. Когда наша лаборатория биофизики клетки стала размышлять о том, с чем же они могут выступить, родилась идея: а почему бы не использовать мой танцевальный опыт и не приготовить что-нибудь пародийно-балетное.

Так родилась первая танцевальная миниатюра на 12 минут под названием «Станционные будни». Исполнителями были практически все сотрудники, присутствовавшие в данный момент в лаборатории. Представление состояло из нескольких эпизодов, которые были по сути танцевально-пантомимным изображением жизни станции. Там был трудовой процесс, стирка, баня, прибытие иностранца, дежурство по лаборатории. Все в юмористически-сатирическом плане и с весьма примитивными танцами. Скорее всего, даже не танцем, а движениями





*Г. П. Пинаев — в постановках, 1970–1980 гг.*

под музыку с использованием несложных балетных па. Успех был необычайный, и прежде всего, потому что это выступление было абсолютно неожиданным. И опять повторилась та же самая история: люди, никогда не танцевавшие до этого продемонстрировали, как актерские, так и двигательные способности, которых никто не мог от них ожидать.

Это заставило меня отнестись к такому явлению более серьезно и пробудило во мне желание выяснить, насколько представления такого рода могут быть сделаны уже без балагана, а на серьезной драматически-танцевальной основе. Весьма возможно, что все мои размышления на этом и закончились бы, если бы не произошел ряд удачных совпадений. Во-первых, мы регулярно, каждый год, приезжали и работали на станции в течение двух-трех месяцев. И в течение всех этих лет станция с энтузиазмом проводила день моря.

Во-вторых, часть исполнителей первого спектакля проявили крайнюю заинтересованность в продолжении подобных экспериментов. В-третьих, вокруг был заинтересованный зритель, который, находясь на самом краю нашей страны, мало был избалован

театральными представлениями. И, наконец, все, кто работал на станции, находились в течение всего дня в пределах досягаемости и могли несколько часов в день принимать участие в подготовке спектакля, не особенно меняя ритм работы и жизни.

Я думаю, что если бы не такое удачное стечение обстоятельств, и ежегодно и неизбежно произносимый вопрос ко мне, как только я появлялся на станции: «А балет будет?», — эти танцевальные упражнения не превратились бы в нашу межрегиональную балетную труппу. Иначе говоря, не было бы балетной студии на «Востоке», ничего не было бы в дальнейшем и в Институте цитологии. «Восток» дал начало всему предприятию и явился серьезной школой, прежде всего, для меня самого. Эта школа была мне крайне необходима, потому что создание серьезных балетных спектаклей могло состояться только после решения ряда технических и технологических задач.

Какие же это задачи?

Во-первых, мне нужно было понять психологию и физические возможности того исполнительского контингента, который попадал мне в руки. Во-вторых, мне предстояло найти оптимальный алгоритм создания спектакля независимо от его содержания. В третьих, надо было найти пути создания сюжета и музыкального сопровождения. И, наконец, чрезвычайно важно было определить, каково мое собственное отношение к созданию этих необычных спектаклей.

Было бы неправдой сказать, что все решилось одномоментно, и что далее я уже поступал сообразно заранее разработанной схеме. Все, что я собираюсь изложить ниже, явилось результатом и многих размышлений, и бесед с исполнителями, и просто опыта, накапливающегося по мере создания новых и новых постановок. Очень трудно расположить все это в хронологическом порядке, и поэтому я постараюсь подвести итог тому, что сложилось за десятилетний период работы в этом направлении. Должен сказать, что процесс осознания и экспериментов еще не закончен. Он продолжается с каждой следующей постановкой. А это означает, что помимо создания самого

спектакля параллельно идет творческий процесс самопознания как у меня, так и у исполнителей. По-видимому, это то незримое, что делает работу над каждым спектаклем уникальной, живой и желанной для обеих сторон. Мне кажется, что если постановка подобных балетов превратится в штамп, то на этом и закончится существование самого явления.

Я начну с конца, то есть с последней задачи, касающейся выяснения моего собственного отношения ко всему происходящему. Я не могу сказать, что я пытался как-то сформулировать правила своего поведения. Все значительно сложнее и имеет свою предысторию, о которой написано в предыдущих главах моего повествования. Сейчас же я могу сказать лишь о трех моих основных убеждениях, которые сформировались во мне и определили мое отношение к этой балетной деятельности.

Я убежден в том, что мы общаемся друг с другом движениями в гораздо большей степени, чем словами. Слово может лгать, но движение — никогда. Мы не отдаем себе в этом отчета, но все наши симпатии и антипатии, наши страсти, наше умение убеждать, наша способность распознавать скрытый за словами подтекст базируются на нашей способности воспринимать двигательный образ и двигательную речь окружающих нас людей. Из этого следует, что движение, возведенное в танцевальную форму, может быть интересным, может волновать и заставлять сопереживать в том случае, когда есть идея и непосредственность в передаче чувств. Это чуть-чуть, которое очень часто исчезает у профессионалов и превращает танец в очень сложное, но бездушное и абсолютно не личное гимнастическое упражнение. Оно иногда напоминает мне выстукивание каким-то механизмом мелодию великого композитора, из которой удалена полностью эмоциональная составляющая.

Следующее убеждение состоит в том, что любое дело, которое ты делаешь, должно быть выполнено на максимально высоком профессиональном уровне. Изначально мы должны ставить задачу достичь совершенства. Конечно, представление об идеале субъективно, поэтому в каждом отдельном случае планка,





Г. П. Пинаев — в постановках, 1980–1990 гг.

до которой мечтает добраться человек, будет устанавливаться на разной высоте. И эта высота зависит от сложившегося у него представления о совершенстве. Для меня лично это означает, что если я веду исследовательскую работу, то она должна претендовать на нобелевскую премию. Если я ставлю спектакль, то он должен быть сделан так, чтобы он стал событием в культурной жизни общества, в котором я живу. Безусловно, эти цели практически недостижимы, но они являются определенным критерием или точкой отсчета при стремлении создать совершенный продукт.

Следуя этому убеждению, я подхожу к созданию спектакля с максимальной требовательностью к себе, к исполнителям, к подбираемой музыке и к средствам выражения образа. Мне претит исходное признание своей импотенции и невозможности сделать что-либо стоящее. Если я делаю балаган на сцене, то только потому что ставлю такую задачу, а не для того чтобы скрыть свою несостоятельность. Дуракаваляние на сцене как способ замаскировать отсутствие желания работать над собой вызывает у меня категорическое неприятие такого подхода.

И, наконец, третье, и последнее убеждение состоит в том, что большинство людей будучи специалистами в той или иной области профессиональной деятельности трудятся над созданием общественно-полезного продукта, который ни в коей мере не отражает их отношения к жизни или к этическим проблемам своего существования. Их рутинная ежедневная деятельность не позволяет им самовыразиться. Участие в творческом процессе создания спектакля позволяет им выразить свое отношение, свою реакцию на происходящие события. Я, например, как исследователь могу лишь добыть какие-нибудь новые знания, но по характеру моей работы не могу высказать через мою профессиональную деятельность отношения ко всему, что меня окружает, к совершающимся событиям и к складывающимся отношениям в обществе.

Конечно, режиссер имеет в этом смысле гораздо больше возможностей, чем отдельный исполнитель. Но следует при этом сказать, что через балетные спектакли, которые нами



были созданы, прошла уйма народа. Многие из них, попробовав свои силы и вступив во взаимоотношения с постановщиком и другими исполнителями, уходили и больше не появлялись. Обычно этот уход связывают с отсутствием интереса или с техническими препятствиями. Но мои наблюдения подсказывают мне, что главной причиной является несовпадение с остальными по общему мировоззрению, несогласие с общей идеологией наших балетных спектаклей.

Если мы посмотрим на два коллектива, сосуществующих в нашем институте (я имею в виду балет и драматический или музыкально-драматический детский спектакль), то мы легко можем уловить четкие различия между ними.

Балет — это детально продуманный и оснащенный музыкой, движениями и мизансценами спектакль. В его основе лежит серьезное отношение к образу персонажа, отработка техники исполнения и практически полное отсутствие импровизации во время представления. Все сделано на репетициях.

Детский спектакль, как правило, — фарс (как вид представления) — легкий, веселый, изобилующий импровизациями и внешними эффектами. Для него характерно то, что окончательное создание роли и спектакля происходит непосредственно в момент представления. На репетициях все происходит в полутонах. Для постановщиков важно выстроить правильную ориентацию отдельных сцен. Основная идеология состоит в том, чтобы посмеяться над собой, над людьми, над ситуацией, но без претензий на какое-либо приближение к профессиональному уровню.

Я отнюдь не считаю, что одно лучше или хуже другого. Это просто разный подход и разные задачи. Также как одновременно существуют драматический спектакль и оперетта.

Так вот, то отмешивание людей, которое неизбежно происходит после каждого очередного балета, создало со временем некое постоянное ядро труппы. И это ядро, эти люди потому и остаются вместе, что не в деталях, а в общих оценках и принципах близки друг другу. В результате создается та неповторимая атмосфера

творчества, которая делает для большинства участников комфортным пребывание в этом коллективе, желание видеть друг друга, общаться, поверять друг другу свои идеи, чувства, взгляды. И что важнее всего — это почувствовать себя причастным к некому таинству, которое происходит сейчас, сию минуту, на наших глазах и с любым из присутствующих на репетиции. Мне отраднее отметить, что такое отвратительное явление, как зависть, практически отсутствует в подобравшемся сообществе исполнителей. Наоборот, есть поддержка, признание достоинств товарища и большое желание к достижению совершенства.

Заключая все вышесказанное, я должен сказать, что я отношусь к своей постановочной деятельности, к исполнителям и к создаваемым ими образам предельно серьезно, ничуть не в меньшей степени, чем к основной работе или к личной жизни. Я думаю, что только такой подход и убеждение в том, что я должен без всяких скидок требовать от исполнителей максимальной отдачи, и позволяет нам вместе создавать такие произведения, которые привлекают внимание окружающих нас людей.

Я помню, как однажды к нам на репетицию одного из балетов пришла режиссер телевидения. Она просидела всю репетицию и все время говорила мне:

— Я не понимаю, почему я сижу, смотрю и не могу оторваться. Мне интересно, хотя я понимаю, что это несовершенно, что технический арсенал исполнителей достаточно скуден, но то, что они делают достаточно для того, чтобы мне хотелось смотреть дальше.

Она никак не могла взять в толк, какова причина ее заинтересованности. Она не могла понять, а я очень хорошо понимал. Ответ на этот вопрос я получил много лет тому назад, когда еще занимался во Дворце культуры им. А. М. Горького. Там тоже профессионалы, такие как Дудинская, Сергеев и Осипенко, приходили на все наши премьеры и с истинным удовольствием смотрели спектакли. В чем же дело?

Первое — это оригинальность спектакля. Никаких повторений профессиональных балетов. Никаких сравнений, при которых отчетливо выявляется не сопоставимость исполнителей.

Второе — каждый исполнитель не превышает своих технических возможностей. Он делает то, что ему по силам, и поэтому не возникает сомнений в том, что данный танец или данная сцена могли бы быть сделаны иначе.

Третье — искренность и непосредственность исполнителей захватывает и убеждает в правдивости происходящего на сцене. Зритель, даже очень искушенный, в первую очередь следит за сюжетом и за правдой переживаний. Тогда он сочувствует исполнителю и невольно становится соучастником спектакля в целом.

Я думаю, что эти три слагаемых и определяют успех тех спектаклей, которые нравятся зрителю. Я помню как во время исполнения балета «Мы», в котором были и «Широка страна моя родная», и ГУЛАГ, и война, и перестройка, один из пожилых зрителей со слезами на глазах спросил у своего соседа: «Послушай, как только мы все это пережили?». Эта фраза была для меня самой большой наградой. Значительно большей, чем какие-либо бурные аплодисменты. Это означало, что действие захватило их и заставило вновь вспомнить и пережить свою собственную жизнь.

Как же создается балет в нашей труппе? К настоящему времени уже можно говорить об определенной технологии, потому что в общих чертах она повторяется каждый раз. Наиболее сложным является выбор сюжета и создание (вернее подбор и компиляция) музыки. В отличие от большинства профессиональных балетов, где обязательно имеется готовое либретто и написанная композитором музыка, в нашем случае ни того, ни другого нет. Профессиональному балетмейстеру предстоит создать балетный текст, придумать мизансцены и, безусловно, найти решение темы. Все это нужно произвести и в нашем театре, но перед этим необходимо создать исходное — сюжет и музыку.

Этот процесс длителен и продолжается в течение всего периода создания спектакля. Поэтому-то и либретто пишется потом, когда поставлена точка или когда работа в основном уже завершена. Почему так происходит? Есть целый ряд определяющих факторов. Сюжет может быть окончательно решен только тогда, когда найдена музыка, которая отражает общую

идею, соответствует месту и времени и слагается в цельный мелодический рисунок, не вызывающий неприятия ни у постановщика, ни у исполнителей. Очень часто первоначальная идея сильно видоизменяется в процессе подбора музыки. Бывает так, что музыка не позволяет развить сюжет в заранее задуманном направлении. Это так же, как развитие экспериментальной работы. Полученные результаты могут не совпадать с изначально сформулированным замыслом, и его приходится менять или, по крайней мере, видоизменять. Так и музыка приводит к новым идеям и жестко отбрасывает нестыкующиеся с ней сюжетные ходы.

Таким образом, процесс создания основы балета идет по принципу обратной связи. Изначальная общая идея требует музыки определенного характера. Но, когда найдена центральная музыкальная ткань, она, в свою очередь, начинает диктовать развитие действия в определенном конкретном направлении. Сформированный центральный музыкально-драматургический скелет заставляет искать следующий музыкальный кусок, который, в свою очередь, заставляет видоизменять ход действия. Так путем последовательных приближений мы движемся к концу создания конкретного спектакля.

Очень важно упомянуть о том, что самым трудным и ответственным является самое начало спектакля. Я имею в виду первую, вторую картины или эпизоды. Дело в том, что когда они уже поставлены, начинается логика развития действия, которая, к сожалению, от Вас уже не зависит. Вы не можете продолжать постановку только по собственному усмотрению. Запев диктует определенное продолжение, часто вопреки вашему желанию. Он отчетливо показывает, что ранее подобранные вами куски не стыкуются с предыдущими и выглядят ложными, фальшивыми. Поэтому бывает так, что от первоначального замысла остаются только «рожки да ножки».

Кроме перечисленного еще два важных обстоятельства влияют на создание музыкально-драматургической канвы спектакля. Прежде всего, это исполнительский состав. Как только от общей

идеи дело переходит к прорисовке конкретного действия, оказывается крайне необходимым определить, кто именно будет исполнять ту или иную роль. После этого необходимо соотнести драматургическую задачу, музыкальный материал и технику исполнения (в общих чертах) с конкретной личностью. Когда я говорю ребятам, что я буду пробовать разных исполнителей на одну и ту же роль, это не совсем так на самом деле. Я только проверяю, не ошибся ли в своих предположениях, но в принципе я уже имею в виду вполне конкретное лицо.

И, наконец, никакого спектакля (я имею в виду хорошего, убедительного) не получится, если я сам не буду знать изначально, что этим представлением я хочу сказать зрителям. Не всегда это вполне отчетливо формулируемая мысль, часто она туманна и находится где-то в подсознании, но она должна быть. Если ее не будет, то и спектакля не будет. Это самое сложное, и выяснение для себя своей собственной идея занимает уйму времени. Попытка уйти от этого изматывающего процесса и переложить на уже готовую схему какого-нибудь автора ни к чему хорошему не приводит.

Помимо идеи и музыки имеется еще чрезвычайно важное слагаемое в любом спектакле — это исполнители с их характеристиками и актерскими и техническими возможностями. Можно придумать любой сюжет и найти замечательное музыкальное сопровождение, но все задуманное будет обречено на неудачу, если имеющиеся актеры не смогут это воплотить.

Поэтому как только прорисовываются музыкальная канва и скелет сюжета, сразу же приходится думать о том, кто из участников будет исполнять ту или иную роль. Дальнейшая работа над выбором музыкальных кусков а, следовательно, и над хореографическим текстом (я имею в виду общий замысел танца) продолжается с предполагаемым исполнителем. Часто очень хочется включить какой-нибудь очень понравившийся музыкальный отрывок, но приходится от этого отказываться, понимая, что предполагаемый исполнитель не сможет выразить его надлежащим образом или потому что музыка не подходит к его

индивидуальности. Большой опыт работы с разными исполнителями позволяет мне предвидеть степень совпадения музыки и исполнителя, но в любом случае окончательный вердикт выносит репетиция, которая показывает, насколько изначальные предположения были верны. Часто бывает, что музыкальные куски приходится менять уже в ходе работы над спектаклем.

И, наконец, последнее и весьма важное условие. Необходимо почти для каждого исполнителя найти изюминку, которая будет поддерживать его интерес к спектаклю. В отличие от профессионального коллектива, в котором актеры приходят на работу и обязаны выполнять все, что скажет режиссер, в любительском спектакле психологический аспект играет очень важную роль. Людей держит только интерес и хорошее отношение друг к другу. Здесь, как нигде, очень важна обратная связь. Все время между постановщиком и исполнителем, между исполнителем и его товарищами идет молчаливый диалог, который крайне необходимо понимать и реагировать на него. Естественным желанием каждого является желание самовыразиться, и если исполнитель не находит возможности достичь этого самому или с помощью партнера, его отдача и интерес катастрофически падают. Поэтому иногда даже в ущерб лаконичности и драматургической законченности приходится придумывать некоторые дополнительные, сюжетные ходы, позволяющие наиболее полно выразить индивидуальность актера.

Таким образом, изначальная подготовка сюжета и музыкального материала — чрезвычайно сложная работа, являющаяся результатом учета многих факторов. Как правило, для меня это изматывающая ночная работа в течение нескольких недель, которая подчас заканчивается уже только в процессе создания спектакля, когда состоявшийся контакт с реальными исполнителями расставляет все на свои места.

Итак, материал для спектакля сверстан, и начинаются репетиции. В начале я, как правило, очень не уверен ни в правильности своих представлений, ни в выборе актеров, ни в стиле хореографического языка. Поэтому я как бы только касаюсь

темы, я только ощупываю исполнителя и очень тонко чувствую его реакцию на предлагаемое ему блюдо. Конечно, я стараюсь не подавать вида, что я не уверен, что я не знаю, что произойдет через пять минут, но все это есть. Мои попытки сдвинуть с места еще не разгоревшийся творческий коллектив настолько осторожны и робки, что напоминают трепетный язычок пламени у свечи, которую очень легко задуть. В эти первые часы работы над новым спектаклем очень важны сочувствие, поддержка и внимание со стороны исполнителей. Неприятие, неосторожные реплики, капризы — все это может задушить прекрасного младенца еще в колыбели.

Вот почему для меня как для постановщика очень важно творческое сотрудничество с каждым исполнителем. Нужно помнить одну важную вещь. Постановщик никогда и ни при каких условиях не заинтересован в том, чтобы продемонстрировать исполнителя в невыигрышном или в неподходящем для него виде. До тех пор пока не закончен процесс постановки, ни один актер не представляет себе полностью всех очертаний своего образа. Следовательно, наилучшим характером поведения во время репетиций будет сотрудничество, а не сопротивление. Тогда и созданный совместными усилиями образ получится выпуклым, убедительным и совершенным.

После того как основные характеры найдены, хореографический язык нащупан, персонажи задвигались, заиграли и начали развивать уже сами предложенную схему поведения, репетиции переходят в фазу быстрого развития. То, что делалось в начале часами, в конце постановки осваивается за минуты. Постановщик от либерализма переходит к тирании, и это понятно почему. Он уже уверен в себе. Он понимает, что спектакль состоялся, и знает, что должно быть сделано дальше. В этот момент начинается цепная реакция воображения, импровизации и обогащения танцевального языка. Творческий процесс в мозгу начинает обгонять актерские возможности усвоения предлагаемого текста.

Как правило, нам не хватает времени для того, чтобы отрепетировать спектакль до совершенства после того, как

исполнителям становиться окончательно ясно, что же происходит на сцене. Это большой недостаток, но жесткие временные рамки всей работы не позволяют этого сделать. Очень часто можно услышать мнение актеров о том, что все получалось бы значительно лучше, если бы мы осуществляли постановку спектакля в течение более длительного времени.

Я не уверен в справедливости подобного утверждения и вот по какой причине. Мы не должны забывать, что в период постановки спектакля у нас возникают сложные отношения с работой, с детьми, с мужьями и женами, с бабушками, с личными развлечениями и проблемами. Вся работа длится месяца полтора. Ввиду такой плотности репетиций и постановщик, и исполнители концентрируются на нем — идет своеобразное погружение в процесс (как при изучении английского языка). Как правило, вызывает удивление не только у исполнителей, но даже и у самого постановщика, как уже сработавшийся коллектив ухитряется за две-три репетиции сделать последнюю картину, которая по метражу превышает все предыдущие. Мне кажется, что такой концентрации и работоспособности можно добиться только на короткий срок. Человек может бежать с максимальной скоростью стометровку, но не три километра и даже не восемьсот метров. Я боюсь, что при длительном сроке репетиций мы можем потерять тот нерв творчества, который так необходим для создания спектакля.

О чем, мне кажется, необходимо упомянуть — это о том, как создается любой образ. Ввиду ограниченных технических возможностей наших актеров невозможно сочинять хореографию для каждого из них без непосредственного их участия. На профессиональной сцене многое можно придумать заранее и потом добиваться неукоснительного выполнения задуманного. В нашем случае так не получается. Хорошо это или плохо? Это плохо, потому что хореографический язык обедняется. Вот поэтому-то в каждом следующем балете я стараюсь повысить планку технических требований, имея в виду, не столько их необходимость для данного спектакля, но и как



своеобразную школу танца. Весь спектр разнообразных и усложняющихся движений постепенно раскрепощает исполнителей и делает их более независимыми от своих собственных трудностей для выражения музыки движением.

Но в то же время техническая ограниченность исполнителей заставляет постановщика в гораздо большей степени использовать индивидуальные особенности двигательного языка каждого актера. В результате образ каждого персонажа оказывается гораздо более крепко связанным с естеством данного исполнителя. Ему легче с ним свыкнуться, вжиться в него, и поэтому само исполнение становится более непосредственным и убедительным.

Все это создается в процессе репетиций и, собственно говоря, каждый созданный персонаж это совместное творчество постановщика и актера. Очень многое в танцевальном языке персонажа актер вольно или невольно подсказывает постановщику. При хорошем взаимопонимании обоих происходит взаимный творческий диалог, в результате которого получается очень выразительный, интересный и неповторимый персонаж. Таким образом, созданный образ уникален и хорош только в исполнении данным актером.

Например, если это джин из «Сказок Шехерезады», то это джин Глеба Иванова. А если бы на его месте был бы, скажем, Коля Шубин, то это был бы другой джин и с другим хореографическим языком. Такие незабываемые персонажи как Арамис в исполнении Миши Пунина, Малюта Скуратов — Володи Матвеева, колдунья — Лизы Пуниной, Ришелье — Вани Дьяконова, Иван Грозный — Коли Шубина — это все яркие сочные образы, созданные именно данными исполнителями. В нашем театре невозможно поменять исполнителя, сохранив при этом всю непосредственность и выразительность, которая была создана ими в процессе создания спектакля. Надо сказать, что такие замены очень трудны и на профессиональной сцене. Очень часто образ при этом гаснет или в корне меняется при появлении другого исполнителя.

В течение последних трех лет в нашем балете произошла смена поколений. Собственно, она происходила всегда. Каждый год в нашей труппе появлялись молодые танцовщики и начинали нелегкий путь совершенства. Но в прошлые годы это был не очень заметный процесс, потому что они вливались в уже слаженный коллектив и довольно быстро впитывали в себя основные подходы и правила, выработанные за много лет. Теперь же молодежь составляет подавляющее большинство, и с ней многое приходится начинать сызнова. Основная трудность заключается в том, что они, по-видимому, рассматривают свое участие в наших спектаклях в значительной степени как вид развлечения, а не как вступление на путь познания таинства творчества, что в большой степени отличало предыдущее поколение, для которых этот процесс являлся значительным этапом в жизни. Отсутствие такого желания затрудняет создание самого главного — появления того самого уникального и неповторимого образа. Возможно, что со временем искусство возьмет свое, и мы снова обретем команду искренне увлеченных людей, для которых стремление к совершенству является основой их жизни. Будущее покажет.

Подводя итог моим размышлениям о том, как идет создание и представление наших балетов, я не могу не обратить внимания на чрезвычайно важную составляющую нашего совместного творчества. Будь ты хоть самым гениальным балетмейстером, ты ничего не сможешь сделать без верных и преданных делу помощников. Создание спектакля — это не только постановка танца, это организация самого процесса репетиций и их музыкальное сопровождения, изготовление и подбор костюмов, проблема создания каких либо декораций, написание либретто, создание афиши и многое другое. Если бы не было людей, беззаветно преданных нашему общему делу, выполняющих множество необходимых функций по воле сердца, а не по принуждению, то никаких постоянных спектаклей не было бы вовсе. Я хочу выразить мою глубокую и искреннюю признательность Алле Гусевой — директору нашей труппы

и главному организатору всего процесса, Галине Васильевне Каприловой, выполняющей непосильную работу по обеспечению исполнителей костюмами, Ире Кропачевой, оказывавшей неоценимую помощь в создании тех же костюмов и определении их стиля, Саше Арэ, которая на протяжении многих лет, наряду с исполнением ведущих ролей в наших балетах, заложила основы создания костюмов в качестве художника оформителя спектаклей. Я упоминаю здесь только самых постоянных помощников. На самом деле их было гораздо больше, и без их участия было бы практически невозможно в течение долгих лет радовать зрителей нашими балетами.

В заключение мне хочется сказать, что не только для исполнителей, но и для меня самого создание наших балетов является очень важной составляющей моей жизни. В каждый из них я вкладываю часть своей души, и каждый раз для меня является открытием появление нового прекрасного персонажа на нашей сцене, созданного совместными усилиями. Мне доставляет искренне удовольствие следить за развитием и совершенствованием исполнителей, за той титанической работой, которую им приходится проделывать на пути создания образа. Я готов всемерно способствовать процессу их самопознания и самораскрытия, потому что это то, что, будучи однажды приобретенным, остается в человеке на всю жизнь. Я уверен, что вся наша постановочная работа имеет гораздо больший смысл, чем просто повеселиться и подурачиться один раз в году, она раскрывает перед каждым ее участником механизмы и пути творчества. А они, как я убежден, в своей основе одни и те же в любом виде творческой деятельности человека.

Сопоставляя сегодня процессы создания балетов и решения экспериментальных научных проблем, я вижу, что они практически не отличаются друг от друга. В обоих случаях присутствуют одни и те же слагаемые и этапы получения конечного результата.

Прежде чем начать свою практическую деятельность, нужно понять и решить для себя, что же ты хочешь сделать и зачем, какую цель ты преследуешь, и какими путями предполагаешь

к ней приблизиться. Что ты хочешь, в конце концов, получить, и ответит ли это на изначально поставленный вопрос. После того как идея планируемой работы ясна, нужно пространственно ее выстроить, проследив за необходимой последовательностью действий, ведущих к ответу на центральный вопрос, а так же за ожидаемыми результатами, каждого эпизода или этапа. Затем начинается само действие, в процессе которого выясняется справедливость избранного пути и происходит корректировка задуманного плана в зависимости от полученного результата. Наконец ты в ходе длительной и мучительной работы должен получить опорный результат, подтверждающий в эксперименте справедливость высказанной гипотезы или правильность сюжетного пути в балете. В этом-то и состоит суть творческого процесса — найти путь получения ответа на центральный вопрос. Остальное дело техники, которая, безусловно, необходима, как правильный хореографический язык, и которая должна продемонстрировать правильность выбранных приемов, справедливость делаемых выводов и закономерность, а не случайность полученного результата.

---

### **В задумчивости или в размышлениях**

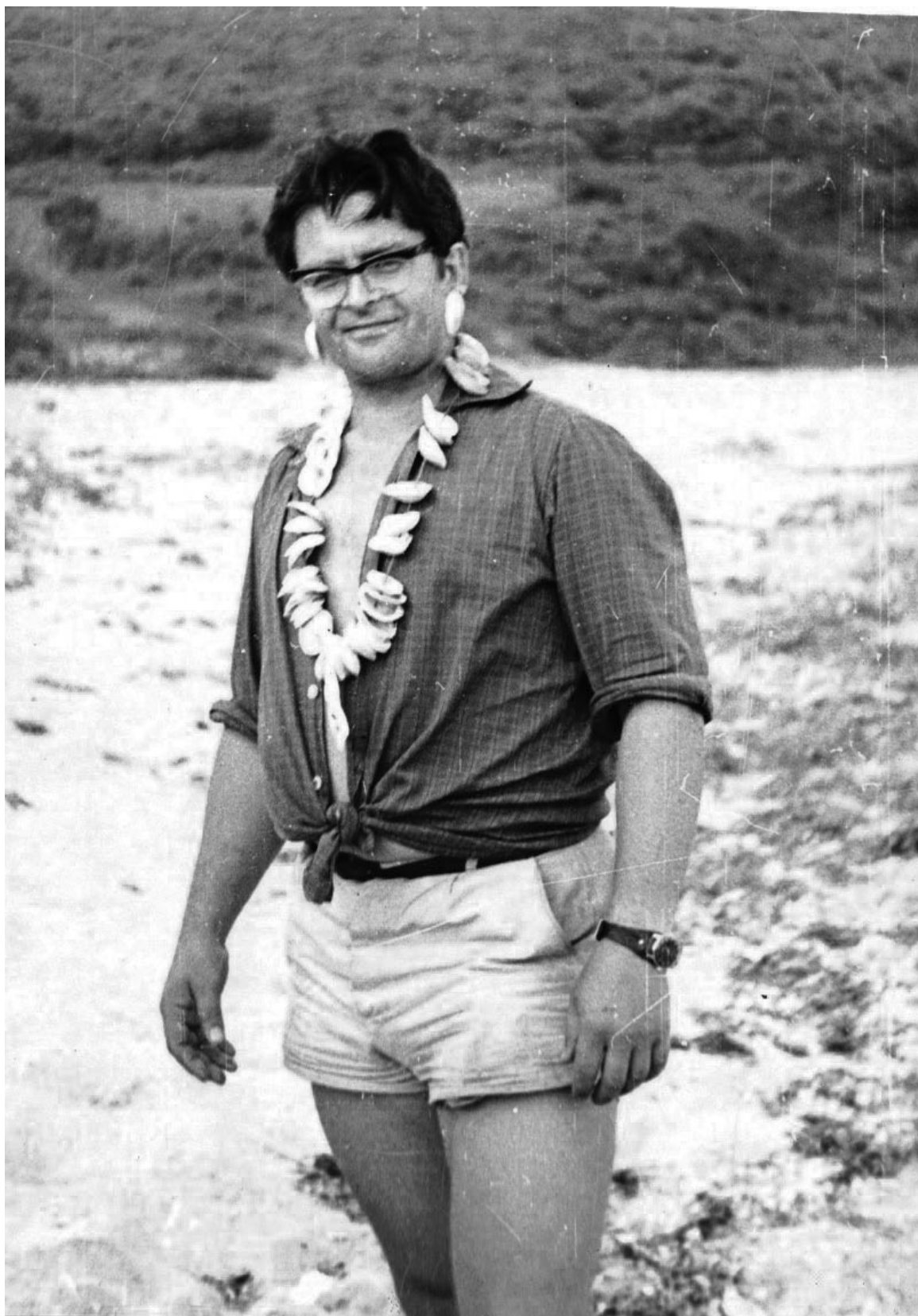
*Перелистывая страницы прожитой жизни и вглядываясь в мимолетные картины окружавшего и сопровождавшего меня мира, невольно задумываешься...*

# Фотоальбом



*Владивосток, 1970 г.*





Владивосток, 1970 г.



Г. П. Пинаев на стройке ...чего?, 1972 г.





Владивосток, 1979 г.





В институте Цитологии, Санкт-Петербург, 2000-е



*В институте Цитологии, Санкт-Петербург, 2000-е*



*Губернатор Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко вручает профессору  
Г. П. Пинаеву медаль им. Н. И. Вавилова, 2013 г.*

# В инкубаторе...

*Воспоминания профессора  
Георгия Петровича Пинаева  
(1929–2013)*

Редакторы: ???????? ?.

Корректор: ???????? ?.

Верстка: Климентовский С. А.

Формат 60×84/16. Тираж ??? экз.

Подписано в печать 05.08.2019 г.

Заказ № ????

Издательство ИП Коняхин А. В. (Book Jet).  
Отпечатано в типографии Book Jet, г. Рязань.

<http://bookjet.ru> [kav@bookjet.ru](mailto:kav@bookjet.ru)

тел.: +7 (4912) 466-151

моб.: +7 (920) 955-01-82